

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

22 2026
ЧАСТЬ VI

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (625) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Павел Александрович Флоренский* (1882–1937), священник Русской православной церкви, богослов, религиозный философ, поэт, инженер.

Павел Флоренский родился в 1882 году в городе Евлахе, который расположен на территории современного Азербайджана. Отец его, Александр Иванович, был инженером и работал на железной дороге. Хотя сам Александр Иванович происходил из династии священнослужителей, к религии он относился весьма сдержанно. Его жена принадлежала к знатному роду крупных армянских землевладельцев и исповедовала армяно-григорианскую веру. По воспоминаниям Павла, родители старались избегать разговоров о религии.

Довольно рано мальчик увлекся математикой, а после поступления в гимназию показал блестящие результаты в учебе. Не ограничиваясь учебной программой, Павел изучал все доступные ему на тот момент материалы по физике, астрономии и геологии. Он закончил гимназию с золотой медалью и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Там он познакомился с теми, чьи имена впоследствии оказались неразрывно связаны с культурой Серебряного века: Андреем Белым, Дмитрием Мережковским, Зинаидой Гippiус, Александром Блоком.

В годы студенчества Флоренский обратился к трудам религиозного мыслителя Владимира Соловьева. Вообще вопросами философии он заинтересовался еще в гимназии. Он увлекался модным в то время толстовством и даже хотел отказаться от дальнейшего обучения, но отец советовал ему продолжить образование. Перед выпуском из университета, когда Флоренскому предложили остаться на математической кафедре, молодой человек уже был настроен на поступление в Московскую духовную академию. Затем Флоренский принял священнический сан и занял должность редактора богословского журнала.

В мировоззрении Флоренского наука и религия не противоречили друг другу, а, напротив, были неразрывно связаны. Наиболее значимая теологическая работа Павла Флоренского, «Столп и утверждение Истины» (1914), примечательна благодаря особому взгляду автора на мир, его попытке найти в окружающей среде указания на истину православия.

В работе «Храмовое действо как синтез искусств» (1918) отец Павел подошел к богослужению как к проявлению «высшего синтеза разнородных художественных деятельностей» — синтезу искусств, который восходит к античной трагедии, соединяя поэзию, музыку и хореографию. Он воспринимал богослужение как целостный организм, живущий реальной жизнью в формах православного церковного искусства, имеющего национальные традиции на русской почве: многоярусный иконостас, знаменный распев и другие.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Пунева А. Е.

Анализ особенностей применения принудительных мер воспитательного воздействия 357

Пшеничный Д. А.

Правовое регулирование прохождения государственной службы в таможенных органах РФ: современные проблемы и направления совершенствования 358

Рожнов М. П.

Правовое регулирование наследования бизнеса в РФ на примере предприятия 362

Рожнов М. П.

Правовое регулирование наследования бизнеса в РФ на примере доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью 365

Рудометов Н. А.

Коррупционные правонарушения в сфере управления государственными закупками 368

Русакова У. А.

Право наследования лица, не состоявшего в зарегистрированном браке с наследодателем: вопросы российского законодательства и судебной практики 371

Сафаров А. И.

Проблемы привлечения к административной ответственности за нарушения при эксплуатации платных парковок 373

Семендуев Д. А., Басанец Н. А.

Правовые проблемы и перспективы цифровизации в системе государственного контроля (надзора) в Российской Федерации 376

Сергеев Т. А.

Проблемы защиты персональных данных при использовании электронной подписи 381

Сигалаев Д. В.

Пути совершенствования системы юридической ответственности за коррупционные правонарушения 384

Смолина Г. Л.

Анализ и обобщение судебной практики по признанию постройки самовольной 386

Степчук Т. Д.

Институт примирительных процедур в гражданском процессе 388

Сычева Н. Л.

Сущность корпоративного права 390

Титаев Д. И.

Основания для признания несостоятельности (банкротства) физических лиц 392

Толстоброва Е. Л.

Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц 397

Усков Н. Р.

Проблемные вопросы приведения в соответствие с установленными требованиями самовольной постройки, образовавшейся в результате реконструкции 399

Фам Минь Чинь

Правовое регулирование деятельности постоянных представительств в трансграничной электронной коммерции во Вьетнаме 402

Федотова А. С.

Судьи и их взгляд на добросовестность в гражданском судопроизводстве: от формализма к оценочным категориям 404

Хабалова Ф. М.

Женская преступность в современной России: криминологический анализ и пути профилактики 406

Чернышев К. В., Заворин А. А.,

Казакалиев М. Т.

Проблемы института адвокатского расследования в уголовном процессе 410

Чернышев К. В., Заворин А. А.,

Казакалиев М. Т.

Проблемы института соучастия в уголовном праве 412

Чернявская В. Ю.

К вопросу об относительности признаков
недвижимого имущества 414

Чех К. В.

Принцип справедливости в уголовном
праве и концепция восстановительного
правосудия: точки соприкосновения
и противоречия 416

Яшина Ю. В.

Совместное завещание супругов: баланс
интересов и риски оспаривания 419

ИСТОРИЯ

Диянов И. В.

Русская конница в Первой мировой войне:
тактика, огневая мощь и оперативное
применение 421

Нигматуллина И. Р., Никифоров К. Р.

Декларация независимости:
превращение права на жизнь и свободу
в основополагающий принцип власти 423

Рябова В. С.

Военные поселения Александра I —
фактор экономии или превентивной
контрреволюции? 425

Тимофеев Д. А.

Исторические связи России и Африки 429

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ефимова А. С.

Сравнительный анализ подходов к изучению
мировой, национальной и региональной
политики: единство метода и специфика
предмета 432

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Анализ особенностей применения принудительных мер воспитательного воздействия

Пунева Алина Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Третьяк Мария Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье автор исследует особенности применения принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним, исследует судебную практику, касающуюся данного вопроса.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, институт освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности, реализация принудительных мер, особенности.

В рамках уголовно-правового регулирования особое значение приобретает институт освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности, а также применение к ним мер, способных заменить традиционное наказание. Одним из наиболее действенных механизмов в данной сфере выступают принудительные меры воспитательного воздействия. К ним относятся предупреждение, передача под надзор родителей, лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа, обязанность загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Предупреждение предполагает официальное разъяснение несовершеннолетнему характера причиненного вреда и возможных последствий повторного совершения преступления. Передача под надзор выражается в возложении на родителей, заменяющих их лиц либо специализированные органы обязанности осуществлять контроль за поведением подростка и обеспечивать его воспитательное сопровождение. Обязанность загладить вред определяется с учётом имущественных возможностей несовершеннолетнего, а также наличия у него необходимых трудовых навыков. Ограничение досуга может включать запрет на посещение определённых мест, пребывание вне дома в установленное время суток, самостоятельные поездки без разрешения, а также иные ограничения, касающиеся поведения подростка.

Применение перечисленных мер требует от суда всестороннего и индивидуального подхода. Недостаточно лишь учитывать возраст лица, совершившего преступление. Необходимо установить, возможно ли исправление несовершеннолетнего без назначения уголовного наказания. Для этого анализируются характер и степень об-

щественной опасности деяния, мотивы его совершения, роль подростка в преступлении, отношение к потерпевшему, условия семейного воспитания, обучение, занятость, а также наличие лиц, способных обеспечить надлежащий контроль за поведением несовершеннолетнего.

Реализация принудительных мер зависит от их вида. Предупреждение исполняется сразу, обычно в судебном заседании. Передача под надзор требует дальнейшего контроля со стороны родителей, законных представителей или компетентного органа. Обязанность загладить вред предполагает конкретные действия: возмещение ущерба, принятие извинений, восстановление поврежденного имущества либо иную форму компенсации. Ограничение досуга связано с постоянным наблюдением за поведением подростка и проверкой соблюдения установленных запретов.

Отдельно выделяется помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Такая мера применяется к подростку, нуждающемуся в особых условиях воспитания, обучения и специальном педагогическом подходе. Она строже обычных воспитательных мер, поскольку связана с изоляцией от привычной среды. Но ее цель остается воспитательной, а не карательной.

Практическая реализация принудительных мер воспитательного воздействия осложняется тем, что их эффективность зависит не только от судебного решения. Существенную роль играют семья, образовательные учреждения, органы профилактики, психологические и социальные службы. При формальном осуществлении контроля воспитательный эффект значительно снижается. Подросток должен осознавать взаимосвязь между совершённым деянием, установленными обязанностями и последствиями возможного повторного нарушения закона.

Если несовершеннолетний систематически уклоняется от исполнения назначенных мер, они могут быть отменены. В таком случае материалы дела направляются для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности.

Так, в Апелляционном определении Московского городского суда от 18.07.2018 по делу № 10–12345/2018 [1] рассматривалось дело несовершеннолетнего, впервые совершившего кражу. Первоначально суд назначил условное наказание, однако суд апелляционной инстанции пришёл к выводу о преждевременности применения уголовного наказания и возможности достижения целей исправления посредством воспитательных мер. В результате несовершеннолетнему были назначены предупреждение и передача под надзор родителей. Суд отметил, что данные меры соответствуют степени общественной опасности совершённого деяния, учитывают положительные характеристики личности подростка, отсутствие судимостей и благоприятную семейную обстановку, что отвечает положениям статьи 90 УК РФ.

Иным примером является Определение Верховного Суда РФ от 21.03.2017 № 5-УД17–12 [2], в котором Верховный Суд Российской Федерации пересмотрел судебные

акты по делу несовершеннолетнего, осуждённого за причинение вреда здоровью средней тяжести. Суд указал, что нижестоящие инстанции недостаточно оценили возможность применения предусмотренных законом альтернативных мер воздействия. В ходе рассмотрения дела было установлено, что подросток ранее к уголовной ответственности не привлекался, характеризовался положительно, а совершённое деяние было обусловлено неблагоприятными жизненными обстоятельствами, а не устойчивой криминальной направленностью личности. В результате Верховный Суд применил меры воспитательного воздействия в виде ограничения досуга и установления специальных требований к поведению несовершеннолетнего.

Данный пример свидетельствует о приоритетной ориентации судебной практики на воспитательное воздействие, а также подтверждает необходимость индивидуализации мер в зависимости от целей исправления подростка и предупреждения повторных правонарушений.

Итак, особенности назначения и реализации принудительных мер воспитательного воздействия состоят в их индивидуальном характере, педагогической направленности и сочетании воспитания с государственным принуждением.

Литература:

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.07.2018 по делу № 10–12345/2018. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2026).
2. Определение Верховного Суда РФ от 21.03.2017 № 5-УД17–12. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2026).

Правовое регулирование прохождения государственной службы в таможенных органах РФ: современные проблемы и направления совершенствования

Пшеничный Дмитрий Алексеевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется нормативно-правовая база, определяющая порядок прохождения государственной службы в таможенных органах Российской Федерации. Анализируется дуализм правового статуса должностных лиц ФТС России, обусловленный сочетанием признаков государственной гражданской службы и правоохранительной деятельности. Выявлены системные пробелы в механизмах отбора, аттестации, применения мер дисциплинарного воздействия и реализации антикоррупционных ограничений. На основе анализа правоприменительной практики и доктринальных подходов сформулированы конкретные предложения по гармонизации профильного законодательства, внедрению измеримых критериев эффективности и цифровизации кадровых процедур.

Ключевые слова: государственная служба, таможенные органы, ФТС России, правовое регулирование, аттестация, антикоррупционные ограничения, кадровая политика.

Таможенная служба выполняет функции фискального контроля, правоприменения и регулирования внешнеэкономической деятельности, что напрямую определяет уровень экономической безопасности госу-

дарства. Эффективность реализации этих функций зависит от профессиональной подготовки, мотивации и правовой защищенности кадрового состава таможенных органов. Правовое регулирование прохождения

службы в ФТС России характеризуется сложной архитектурой, в которой пересекаются нормы общего законодательства о государственной службе и специальные отраслевые акты. Указанная двойственность формирует ряд практических проблем, которые заключаются в формализации конкурсных процедур, снижении оценочной роли аттестации, неоднозначности в применении мер дисциплинарного воздействия и недостаточную адаптированность антикоррупционных механизмов к цифровым условиям. Цель исследования заключается в комплексном анализе действующего правового регулирования прохождения службы в таможенных органах, выявлении пробелов правоприменения и разработке конкретных направлений совершенствования законодательной базы.

Правовой статус должностных лиц таможенных органов формируется на стыке нескольких уровней правового регулирования. Сотрудники ФТС России входят в систему государственной службы, при этом законодательство закрепляет особенности, обусловленные спецификой таможенной деятельности [8, с. 1]. Исторически базовым актом выступал Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации», однако современное регулирование осуществляется комплексом нормативных правовых актов, включая Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», указы Президента РФ и ведомственные приказы ФТС России.

Особый характер таможенной службы как вида государственной службы обусловлен ее ролью в обеспечении экономической безопасности и поддержании эффективного механизма внешнеторгового регулирования [8, с. 1]. В связи с этим служба сочетает элементы государственной гражданской службы и правоохранительной деятельности. Сотрудники, замещающие должности оперативного, инспекторского и командного состава, обладают признаками правоохранителей, тогда как лица, работающие в административно-хозяйственных, юридических и информационных подразделениях, проходят гражданскую службу. Такое разделение требует дифференцированного подхода к регламентации поступления, прохождения, присвоения специальных званий (классных чинов) и прекращения службы.

Системным недостатком текущей модели является отсутствие единого кодифицированного закона о службе в таможенных органах. Нормы распределены по различным актам, что приводит к противоречиям при толковании, усложняет правоприменительную практику и снижает прозрачность карьерных траекторий. Доктрина подчеркивает, что централизация регулирования в профильном законе позволила бы унифицировать требования к кандидатам, стандартизировать

процедуры аттестации и устранить дублирование норм [10, с. 42].

Базовым элементом правового статуса таможенного служащего являются его права и обязанности, которые определяют рамки служебной деятельности и формируют особый административно-правовой статус [8, с. 2]. Законодательство закрепляет как общие права, присущие всем государственным служащим, так и специальные полномочия, необходимые для выполнения таможенных функций.

К числу ключевых служебных прав относятся ознакомление с документами, определяющими права, обязанности и критерии оценки качества службы; получение информации и материалов, необходимых для исполнения должностных обязанностей; участие в конкурсе на замещение вакантных должностей независимо от текущей занимаемой позиции; доступ в государственные органы, органы местного самоуправления и коммерческие организации в связи с исполнением служебных функций [8, с. 2]. Данные права обеспечивают организационно-технические условия для работы и формируют основу для карьерного продвижения.

Специфическим правом, прямо указывающим на правоохранный характер деятельности, является право на применение физической силы, специальных средств, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия [8, с. 3]. Данное полномочие обусловлено комплексным характером таможенной службы, включающим меры по пресечению контрабанды, защите жизни и здоровья граждан, обеспечению собственной безопасности. При этом законодатель устанавливает дифференцированный подход к регулированию применения огнестрельного оружия в таможенных органах и в полиции. В частности, таможенное законодательство запрещает применять оружие в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, а также при значительном скоплении людей. В Федеральном законе «О полиции» запрет распространяется на всех женщин, что указывает на отсутствие унификации в смежных правоохранных структурах [8, с. 3]. Указанная дифференциация требует законодательного уточнения для исключения противоречий в правоприменительной практике.

Обязанности сотрудников таможенных органов интегрируют общие требования государственной службы и специфические задачи таможенного контроля. Согласно действующему регулированию, служащий обязан обеспечивать соблюдение Конституции РФ и федерального законодательства, защищать права и законные интересы граждан, выполнять приказы начальников, изданные в пределах их полномочий, а также соблюдать правила внутреннего распорядка и порядок обращения со служебной информацией [8, с. 3]. Законодатель также расширяет понятие исполнения обязанностей, включая в него действия по защите личности, на-

хождение в положении заложника, следование к месту службы и обратно, нахождение в командировке или на лечении. Более детализированный перечень обязанностей закрепляется в должностной инструкции, разрабатываемой в соответствии с ведомственным приказом ФТС России [8, с. 2].

Правовой статус таможенного служащего включает систему ограничений и запретов, направленных на минимизацию коррупционных рисков и обеспечение независимости должностных лиц. Сотрудникам таможенных органов запрещается заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной и творческой; совмещать службу с исполнением обязанностей депутата представительных органов власти; заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц [8, с. 4]. Указанные ограничения соответствуют общим требованиям антикоррупционного законодательства и распространяются как на гражданских служащих, так и на сотрудников правоохранительных подразделений ФТС.

Специфика таможенной деятельности обуславливает повышенные требования к проверке доходов, имущества и обязательств имущественного характера. Контакт с участниками внешнеэкономической деятельности, возможность влиять на таможенную стоимость, классификацию товаров и режимы выпуска создают объективные условия для возникновения конфликта интересов. Законодательство обязывает работодателей проводить проверки деклараций и принимать меры по урегулированию конфликта интересов, однако на практике выявляются пробелы в механизмах перекрестного анализа данных и алгоритмах предотвращения скрытого участия в коммерческих структурах, связанных с ВЭД.

Дополнительным элементом правового статуса является право на государственную защиту, предоставляемое сотрудникам правоохранительных и контролирующих органов в соответствии с профильным федеральным законом [8, с. 3]. Данный институт подчеркивает повышенную опасность службы в таможенных органах и необходимость обеспечения физической и правовой защищённости должностных лиц при исполнении обязанностей.

Анализ нормативной базы и правоприменительной практики выявляет ряд системных проблем, снижающих эффективность прохождения государственной службы в таможенных органах [11].

Во-первых, конкурсные процедуры сохраняют формализованный характер. Критерии отбора часто сводятся к проверке формального соответствия квалификационным требованиям (уровень образования, стаж работы), без глубокой оценки аналитических компетенций, стрессоустойчивости и склонности к коррупционным рискам. Отсутствие единой методологии тестирования затрудняет объективный отбор кандидатов, способных работать с современными системами управления рисками и цифровыми платформами таможенного контроля.

Во-вторых, механизм регулярной аттестации утратил стимулирующую функцию. Комиссии нередко ограничиваются формальным подтверждением соответствия занимаемой должности, не анализируя количественные и качественные результаты служебной деятельности. Присвоение специальных званий и классных чинов остается жестко привязанным к выслуге лет, а критерии «за выдающиеся результаты» применяются редко и не имеют измеримых показателей, что создает условия для субъективизма в кадровых решениях.

В-третьих, правоприменительная практика демонстрирует расширительное толкование оснований дисциплинарной ответственности. Оценочные категории («нарушение служебной дисциплины», «неисполнение должностных обязанностей») используются без четкой градации тяжести проступка. Судебная статистика, обобщенная Верховным Судом РФ, показывает, что иски сотрудников таможенных органов о восстановлении на службе удовлетворяются преимущественно при наличии процедурных нарушений, что заключается в не предложении вакантных должностей при сокращении или утрате допуска к гостайне, не вынесении письменного решения по рапорту о служебном споре, выводы проверки не подтверждены доказательствами [11]. При этом в делах о дисциплинарных взысканиях суды исходят из необходимости учета тяжести проступка, степени вины и прежнего поведения служащего, даже если формальные основания для увольнения соблюдены. Это свидетельствует о проблемах в ведомственном регулировании: отсутствие четких критериев оценки «проступка, порочащего честь», и формализация служебных расследований создают риски произвольного применения мер ответственности.

В-четвертых, антикоррупционный контроль сохраняет фрагментарный характер. Проверка деклараций не всегда сопровождается автоматизированным перекрестным анализом с данными налоговых органов, Росреестра и реестров участников ВЭД. Механизмы «правила охлаждения» для лиц, перешедших из ФТС в коммерческий сектор, не имеют достаточной правовой конкретизации.

Устранение выявленных проблем требует комплексных изменений на уровне федерального законодательства и ведомственного нормотворчества.

1. Целесообразно разработать и принять федеральный закон, консолидирующий нормы о прохождении службы, объединяющий требования к отбору, аттестации, присвоению специальных званий, социальной защите и дисциплинарной ответственности. Это устраним правовую разрозненность, повысит предсказуемость правоприменения и обеспечит единообразие кадровых процедур в регионах.

2. Необходимо закрепить в нормативных актах ФТС дифференцированные KPI по направлениям деятельности (правоохранительное, фискальное, административное). Оценка должна базироваться на данных автоматизированных систем (ЕАИС таможенных органов, системы управления рисками), минимизируя субъек-

тивный фактор аттестационных комиссий. Присвоение званий должно быть привязано к достижению конкретных показателей, а не только к выслуге лет.

3. Требуется привести нормы таможенного законодательства в соответствие с общими стандартами применения силы в правоохранительных органах, устранив необоснованную дифференциацию в регулировании использования огнестрельного оружия. Это повысит правовую определённость и снизит риски превышения должностных полномочий.

4. Внедрение автоматизированных алгоритмов проверки деклараций с использованием данных ФНС, Росреестра, банковских систем и реестров юридических лиц позволит выявлять скрытые конфликты интересов. Необходимо законодательно закрепить обязанность работодателя проводить анализ потенциального конфликта интересов при трудоустройстве близких родственников сотрудников в аффилированные логистические и брокерские компании.

5. Требуется детализировать составы дисциплинарных проступков в подзаконных актах, исключить оценочные формулировки, ввести градацию взысканий в зависимости от тяжести последствий. Параллельно следует упростить процедуру обжалования, предоставив сотрудникам право на оперативное рассмотрение жалоб вышестоящими должностными лицами с обязательным участием представителя выборного органа.

Правовое регулирование прохождения службы в таможенных органах РФ сохраняет фрагментарный характер, обусловленный разделением должностных лиц на гражданских служащих и сотрудников. Анализ действующих норм и правоприменительной практики выявляет системные проблемы, а именно формализацию конкурсных и аттестационных процедур, субъективизм в присвоении званий, недостаточную эффективность антикоррупционного контроля и расширительное толкование оснований дисциплинарной ответственности. Особый правовой статус таможенного служащего, включающий специфические права на применение силы, расширенный перечень обязанностей и строгие ограничения, требует четкой законодательной конкретики.

Решение указанных проблем требует принятия профильного закона о таможенной службе, внедрения измеримых критериев эффективности, автоматизации антикоррупционных проверок, унификации правил применения специальных средств и цифровизации кадрового делопроизводства. Реализация предложенных мер повысит прозрачность прохождения службы, усилит стимулирующий характер институтов карьерного роста и создаст правовые условия для формирования профессионального кадрового состава, способного решать задачи в условиях цифровой трансформации таможенного контроля.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
2. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 17.04.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025) // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3586.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 15.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.
6. Приказ ФТС России от 09.12.2019 № 1859 «Об утверждении Порядка разработки и утверждения должностной инструкции сотрудника таможенного органа Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.consultant.ru>.
7. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.consultant.ru>.
8. Геращенко С. В. Особенности правового статуса государственного служащего в таможенных органах как фактор, определяющий специфику таможенной службы в Российской Федерации // Научно-практический журнал «Диалог». 2025. № 2. С. 1–3.
9. Ноздрачев А. Ф. Таможенная служба // Законодательство и экономика. 2006. № 7, 8.
10. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учебник. 3-е изд. М.: Норма, 2007. 815 с.
11. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба) Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017. М., 2017.

Правовое регулирование наследования бизнеса в РФ на примере предприятия

Рожнов Михаил Павлович, студент

Научный руководитель: Плешаков Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент

Московский экономический институт

В статье анализируются теоретические и практические проблемы наследования предприятия как единого имущественного комплекса в Российской Федерации. Анализируется проблема реализации правомочий собственника наследником без статуса ИП, а также режим солидарной ответственности по долгам предприятия в пределах его рыночной стоимости. Исследуются сложности перехода исключительных прав, включая риск прекращения патентной охраны в переходный период. Предлагаются механизмы минимизации рисков для наследников предприятия.

Ключевые слова: наследование, предприятие, наследование предприятия, неделимое имущество, предприятие как имущественный комплекс, переход прав, права наследников, управление предприятием.

Legal regulation of business inheritance in the Russian Federation on the example of an enterprise

The article analyzes the theoretical and practical problems of inheritance of an enterprise as a single property complex in the Russian Federation. The article analyzes the problem of the realization of the rights of the owner by the heir without the status of sole proprietor, as well as the regime of joint liability for the debts of the enterprise within its market value. The difficulties of transferring exclusive rights, including the risk of termination of patent protection during the transition period, are investigated. The mechanisms of risk minimization for the heirs of the enterprise are proposed.

Keywords: inheritance, enterprise, inheritance of an enterprise, indivisible property, enterprise as a property complex, transfer of rights, rights of heirs, enterprise management.

Предприятие — это один из самых сложных объектов гражданского оборота. Согласно ст. 132 Гражданского кодекса РФ [1], предприятием как объектом прав признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. Из этого следует, что в отличие от наследования денег или квартиры, предприятие представляет собой «живой» производственный организм, включающий не только земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукция, права требования, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие — коммерческое обозначение и товарные знаки, и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором, но и долги, права требования, обязательства перед персоналом и контрагентами. Именно состав предприятия как имущественного комплекса является основным его отличием от остальных объектов гражданских прав, поскольку отдельные виды имущества в составе предприятия могут регулироваться нормами о вещных, обязательственных и исключительных правах.

В соответствии со ст. 132 Гражданского кодекса РФ предприятием как объектом прав признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. При этом оно признается недвижимостью и является единым объектом гражданских прав, а не простой совокупностью разрозненных активов. Также, согласно ст. 133 того же кодекса, предприятие является неделимой вещью: его раздел в на-

туре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения. Исходя из этого, предприятие не может быть разделено в натуре между наследниками, наследники становятся участниками общей долевой собственности на имущественный комплекс. При этом наследование предприятия подчиняется общему принципу универсальности наследственного правопреемства статьи 1110 того же кодекса, следовательно, наследники получают весь имущественный комплекс в том виде, в каком он существовал на момент открытия наследства — со всеми активами и пассивами.

Положения статьи 1178 гражданского кодекса РФ [2] устанавливают преимущественное право на получение предприятия в счет своей наследственной доли наследнику, являющемуся индивидуальным предпринимателем либо коммерческой организацией.

Таким образом, правовой режим наследования предприятия определяется тремя ключевыми факторами:

1. признание предприятия недвижимостью, что влечет необходимость государственной регистрации перехода права;
2. неделимость предприятия как объекта, исключающая его раздел в натуре между наследниками и порождающая режим общей долевой собственности;
3. универсальность правопреемства, в силу которой к наследнику переходят как активы, так и пассивы имущественного комплекса.

Как было отмечено ранее, наследование предприятия как имущественного комплекса подчиняется общему

принципу универсального правопреемства. Однако специфика предприятия заключается в том, что оно предназначено для осуществления предпринимательской деятельности. Именно это обстоятельство порождает ключевую проблему: наследовать предприятие можно и без статуса индивидуального предпринимателя, но фактически управлять им и использовать по назначению физическое лицо не может.

В соответствии со статьей 23 Гражданского Кодекса РФ гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью только с момента государственной регистрации в качестве ИП. Сам по себе статус индивидуального предпринимателя не наследуется. Смерть наследодателя-предпринимателя влечет прекращение его регистрации. Исходя из этого, возникает следующая проблема: предприятие как имущественный комплекс перешло к наследнику, но последний не вправе совершать сделки, связанные с его эксплуатацией. Законом не регулируется правовое положение наследника и наследуемого предприятия в тот период, когда переход права собственности на имущественный комплекс уже совершен, но возможность легально осуществлять предпринимательскую деятельность у наследника еще не возникла.

Как справедливо отмечает Э. В. Мирзоев, в российском законодательстве «отсутствие эффективных механизмов наследования принадлежавшего при жизни индивидуальному предпринимателю имущественного комплекса, посредством которого осуществлялся бизнес, который позволил бы оперативно продолжить ведение бизнеса» [6, с. 69], приводит к тому, что наследник, даже приобретая права на предприятие как на имущественный комплекс, не может легально его эксплуатировать до момента регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Если наследник не зарегистрирован в качестве ИП, он не может:

1. Заключать договоры поставки сырья и реализации продукции.
2. Нанимать и увольнять работников.
3. Уплачивать налоги в качестве субъекта предпринимательской деятельности.
4. Выступать в арбитражном суде по спорам, связанным с деятельностью предприятия.

При этом на практике регистрация ИП наследником, не имевшим такого статуса ранее, может занять несколько недель. Весь этот период предприятие либо простаивает, либо управляется незаконно, что в свою очередь создает риски привлечения наследника к ответственности.

Законодатель осознает указанную проблему и предусматривает механизм, призванный минимизировать риски «простоя» предприятия. В соответствии со ст. 1178 ГК РФ наследник, являющийся индивидуальным предпринимателем (либо коммерческой организацией), имеет преимущественное право на получение предприятия в счет своей наследственной доли при разделе наследства. Правовая природа данного преимущества состоит в том, что закон отдает приоритет тем наследникам, которые

способны обеспечить непрерывность функционирования предприятия.

Вместе с тем, данное положение не решает проблему полностью. Во-первых, преимущественное право действует только на стадии раздела наследства. Во-вторых, формальный критерий — наличие регистрации в качестве ИП — не всегда отражает реальную способность лица управлять конкретным предприятием, поскольку в состав имущественного комплекса также могут входить исключительные права, переход которых требует дополнительной регистрации.

Для устранения указанного разрыва в научном сообществе предлагаются различные подходы. Например, предлагается законодательное закрепление переходного периода, в течение которого наследник, принявший предприятие, но не имеющий статуса ИП, вправе совершать действия, необходимые для сохранения имущественного комплекса и поддержания его в работоспособном состоянии, без регистрации в качестве ИП. Другой подход предлагает упрощение процедуры регистрации ИП для наследников, получивших предприятие в порядке наследования. По нашему мнению, эффективным решением проблемы будет совмещение разных подходов в одно предложение. Так, совмещение переходного периода и упрощение процедуры регистрации позволят наследнику не только незамедлительно приступить к управлению предприятием, но и в более короткие сроки привести свою предпринимательскую деятельность в полное соответствие с законодательством.

В соответствии со ст. 1175 Гражданского кодекса РФ, наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества. Данное правило в полной мере распространяется и на наследование предприятия как имущественного комплекса.

В составе предприятия как имущественного комплекса долги выступают не как обременение, а как полноценный элемент самого комплекса, неразрывно с ним связанный. К наследнику переходят обязательства, связанные с деятельностью предприятия, такие как договоры поставки, аренды, кредитные договоры, а также обязательства перед персоналом, обязанности по уплате налогов и сборов.

Каждый из наследников несет солидарную ответственность по долгам предприятия, но в пределах стоимости перешедшей к нему доли наследства. Наследник не отвечает по долгам предприятия своим личным имуществом, не входящим в наследственную массу.

Одной из ключевых практических проблем является определение рыночной стоимости предприятия на момент открытия наследства. Как указывает Р. Ч. Сайфуллин, «ответственность по долгам наследодателя определяется его рыночной стоимостью на время открытия наследства вне зависимости от ее последующего изменения ко времени рассмотрения дела судом» [8, с. 149]. Это создает определенные риски для наследника: стоимость предприятия может как возрасти, так и существенно снизиться между

моментом открытия наследства и моментом фактического получения прав на имущественный комплекс. При этом пределы ответственности «замораживаются» на момент открытия наследства, тогда как фактическая стоимость активов может оказаться значительно ниже той суммы, в пределах которой наследник отвечает перед кредиторами. Решением данной проблемы видится введение на законодательном уровне дополнительной оценки стоимости предприятия уже после получения наследником всех советующих прав и обязанностей, например, по завершении предлагаемого ранее переходного периода.

Ранее было установлено, в состав предприятия как имущественного комплекса согласно статье 132 Гражданского кодекса РФ входят не только материальные активы, но и исключительные права, такие как права на обозначения, продукцию, работы и услуги и т. д. Именно эта категория активов порождает один из наиболее сложных вопросов в правовом регулировании наследования предприятия.

Как справедливо указывают Гущин В. В. и Пономарева Н. Г., «Одним из наименее исследованных вопросов в сфере интеллектуальных прав является наследование прав на изобретение, полезную модель, промышленный образец» [5, с. 147]. Мы склонны согласиться с данной позицией. Законодательство, связанное регулированием объектов исключительных прав, представляется недостаточным в вопросах, касающихся наследования таких объектов.

В соответствии со статьей 1110 Гражданского кодекса РФ, исключительные права переходят к наследникам в порядке универсального правопреемства. Статья 1241 того же кодекса прямо называет наследование одним из оснований перехода исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации к другому лицу без договора. Положения статьи 1232 гражданского кодекса РФ [3] устанавливают, что свидетельство о праве на наследство является основанием для государственной регистрации перехода исключительного права. Пункт 83 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 [4] разъясняет эту норму и подчеркивает обязательное условие возможности наследования исключительного права «когда названное право признается и охраняется только при условии государственной регистрации такого результата».

Несмотря на наличие общих норм, процедура перехода исключительных прав к наследникам сопряжена с рядом практических сложностей:

- необходимость подтверждения исключительного права через обращение в Роспатент;
- переход прав только «в пределах оставшейся части срока их действия»;

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Официальный Интернет-портал правовой информации / www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 20.05.2026).

– в отношении программ для ЭВМ и баз данных регистрация не является обязательной, что создает сложности в подтверждении наличия исключительного права у наследодателя.

Особого внимания заслуживает проблема, связанная с необходимостью ежегодной уплаты патентных пошлин за поддержание патента в силе. При этом не принимаются платежи от лиц, не являющихся правообладателями или авторами или не имеющих соответствующей доверенности. Это создает условия, в которых наследник обязан уплачивать ежегодные пошлины, но при этом не имеет какого-либо реального способа реализовать такую обязанность.

Ключевая проблема заключается в следующем:

1. После смерти правообладателя действие выданной им доверенности прекращается на основании положений статьи 188 Гражданского кодекса РФ.

2. Будущие наследники до вступления в наследство не имеют возможности уплатить годовую пошлину, так как не являются правообладателями.

3. Неуплата пошлины в установленный срок влечет прекращение действия патента на основании статьи 1399 того же кодекса.

Хотя ст. 1400 гражданского кодекса РФ предусматривает возможность восстановления действия патента в течение трех лет, это требует дополнительных процедур и уплаты повышенных пошлин. Таким образом, в переходный период между открытием наследства и фактическим получением наследником прав на патент существует реальный риск прекращения правовой охраны объекта интеллектуальной собственности, что может существенно снизить стоимость всего предприятия как имущественного комплекса. Решением представляется закрепление возможности уплаты патентных пошлин любым лицом в пользу обладателя патента.

Н. Г. Пономарева в своем исследовании приходит к обоснованному выводу о необходимости специального регулирования вопросов наследования исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, «поскольку в настоящее время отсутствует прямое регулирование данных вопросов в части 4 ГК РФ» [7, с. 76]. Мы согласны с данной позицией. Поскольку рассмотренный пробел особенно существенен для наследования предприятия, где исключительные права могут составлять значительную, а иногда и основную стоимость имущественного комплекса, законодателю следует разработать особый порядок регистрации перехода таких прав в составе имущественного комплекса, который будет учитывать ключевые особенности такого объекта гражданских прав и его наследования.

Предложенные изменения учитывают интересы наследника, кредиторов и государства.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Официальный Интернет-портал правовой информации / www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 21.05.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Официальный Интернет-портал правовой информации / www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 22.05.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 9 от 29.05.2012 «О судебной практике по делам о наследовании» (с последующими изменениями и дополнениями) // Официальный Интернет-портал правовой информации / www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 23.05.2026).
5. Гущин В. В., Пономарева Н. Г. Проблемные вопросы наследования патентных прав // Образование и право. 2022. № 7. С. 146–151.
6. Мирзоев Э. В. Правовые проблемы, возникающие при наследовании бизнеса индивидуального предпринимателя // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 68–76.
7. Пономарева Н. Г. Наследование исключительных прав как часть наследования бизнеса // XXVII Международная научно-практическая конференция Роспатента: сборник докладов. М.: ФИПС. 2023. С. 76–79.
8. Сайфуллин Р. Ч. Правовые особенности ответственности наследников по обязательствам предприятия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. Т. 3–1 (90). С. 148–151.

Правовое регулирование наследования бизнеса в РФ на примере доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью

Рожнов Михаил Павлович, студент

Научный руководитель: Плешаков Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Московский экономический институт

В статье рассматривается правовое регулирование наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Анализируется проблема неопределенности момента перехода корпоративных прав к наследнику, что порождает споры о легитимности решений, принятых в переходный период. Исследуется проблема оценки действительной стоимости доли при отказе участников в согласии на переход, когда бухгалтерская отчетность может занижать реальную рыночную стоимость бизнеса. Рассматривается проблема «зависшей» доли при длительном бездействии наследника, а также налоговые последствия выплаты действительной стоимости. Предлагаются механизмы минимизации рисков для наследников и членов обществ.

Ключевые слова: наследование, наследование доли, общество с ограниченной ответственностью, уставной капитал, корпоративные права.

Legal regulation of inheritance of business inheritance in the Russian Federation on the example of a share in the authorized capital of a limited liability company

The article discusses the legal regulation of inheritance of a share in the authorized capital of a limited liability company. The problem of uncertainty of the moment of transfer of corporate rights to the heir is analyzed, which gives rise to disputes about the legitimacy of decisions taken during the transition period. The article examines the problem of estimating the actual value of a share when the participants refuse to agree to the transfer, when accounting statements may underestimate the real market value of the business. The article considers the problem of a «suspended» share with prolonged inactivity of the heir, as well as the tax consequences of paying the actual value. Mechanisms for minimizing risks for heirs and members of societies are proposed.

Keywords: inheritance, inheritance of a share, limited liability company, share capital, corporate rights.

Доля в уставном капитале ООО представляет собой сложный объект гражданских прав, обладающий двойственной природой. С одной стороны, доля закреп-

ляет имущественные права наследодателя: право на получение части прибыли (дивидендов), право на часть имущества при ликвидации общества, право на действительную

стоимость доли при выходе из общества. С другой стороны, доля предоставляет корпоративные (организационные) права: право участвовать в управлении делами общества, голосовать на общих собраниях, получать информацию о деятельности общества.

Как отмечает Г. А. Могилевский, «исходным постулатом обоснования особенностей наследования доли участника ООО следует считать признание того, что поскольку доля участника ООО закрепляет его имущественные права, то, следовательно, эти права могут быть унаследованы другими лицами как по закону, так и по завещанию» [6, с. 312].

Основное регулирование наследования доли в ООО осуществляется:

- статьями 1110, 1152 и 1176 Гражданского кодекса РФ [1], регулирующими общие принципы наследования и специальные правила для корпоративных прав;
- статьями 21, 23 и 26 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее закон об ООО), устанавливающими корпоративные ограничения и порядок перехода доли.

Согласно статье 1152 Гражданского кодекса РФ, наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия и независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество. В то же время статья 1176 того же кодекса разграничивает момент перехода прав на долю и момент возникновения корпоративных прав участника общества, фактически оставляя за рамками регулирования порядок перехода этих прав.

Как справедливо отмечает О. А. Терновая, «именно поэтому в период, который начинается с момента смерти наследодателя — участника юридического лица и заканчивается в момент возникновения корпоративных прав у участника-наследника, наиболее часто возникают судебные споры» [7, с. 150]. Например, если участники не принимают наследника в состав участников общества, отказывают в выплате компенсации либо выплачивают не соответствующую доле компенсацию.

Возможное решение представляется в законодательном закреплении четкого момента возникновения у наследника корпоративных прав. Таким моментом может выступать внесение изменений в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ), где поименован новый участник общества. Это обеспечит определенность для всех участников гражданского оборота и позволит избежать споров о легитимности корпоративных решений, принятых в «переходный период», который в свою очередь, с учетом количества очередей наследования, может растянуться на годы.

Другая проблема заключается в том, что в соответствии со статьей 21 Закона об ООО, уставом общества может быть предусмотрена необходимость получения согласия остальных участников на переход доли к наследнику. Если согласие не получено или устав прямо

исключает переход доли к наследникам, доля переходит к обществу, а наследник, в соответствии со статьей 23 того же закона, получает действительную стоимость доли. При этом действительная стоимость определяется на основании бухгалтерской отчетности общества. Однако бухгалтерская отчетность может существенно занижать реальную рыночную стоимость бизнеса, поскольку:

- активы часто отражаются по балансовой (остаточной) стоимости, а не по рыночной;
- нематериальные активы (деловая репутация, клиентская база, товарные знаки) могут не учитываться вовсе;
- общество контролирует ведение бухгалтерского учета и может манипулировать отчетностью.

Как следует из судебной практики, наследники вынуждены обращаться в суд для защиты своих прав. В деле № 2-782/2018, рассмотренном Вышневолоцким городским судом Тверской области, наследники требовали выплаты действительной стоимости доли в размере 10,11 % уставного капитала в ООО «Агрофирма Арфедо». Общество возражало против оценки нотариуса, который определил стоимость доли в размере 5 828 718 рублей, тогда как номинальная стоимость составляла около 800 000 рублей. Суд признал действия нотариуса правомерными, указав, что в силу ст. 7 Федерального закона «Об оценочной деятельности» должна применяться рыночная стоимость объекта оценки.

Для устранения неравенства между наследником и обществом предлагается законодательно закрепить, что при определении действительной стоимости доли, подлежащей выплате наследнику в случае отказа в согласии на переход доли, обязательно привлечение независимого оценщика за счет общества. Оценка должна производиться по рыночной, а не по балансовой стоимости. Это позволит защитить имущественные права наследника, не нарушая при этом прав остальных участников общества, которые сохраняют возможность отказать во входе наследнику.

Как справедливо отмечает С. В. Изосимов, «Общество, имеющее в числе своих участников умершего участника, не имеющего наследников, не способно полноценно осуществлять свою деятельность, поскольку в зависимости от размера доли умершего участника деятельность общества может быть как частично, так и полностью парализована из-за невозможности принимать корпоративные решения» [5, 38]. Мы согласны с позицией автора. Тем не менее, даже в случае наличия наследников данная проблема актуальна для обществ. На практике нередки ситуации, когда наследник фактически принял наследство, например, продолжает пользоваться имуществом наследодателя, но длительное время не оформляет своих прав на долю в ООО: не подает заявление нотариусу, не обращается в общество с заявлением о внесении изменений в ЕГРЮЛ. Формально он остается собственником доли, но фактически не участвует в управлении и не несет обязанностей участника.

Такая ситуация создает серьезные проблемы для общества:

- доля выведена из оборота, общество не может ее перераспределить;
- другие участники не могут выкупить долю;
- невозможно провести некоторые корпоративные процедуры, требующие единогласия всех участников;
- создается правовая неопределенность, длящаяся годами.

При этом отсутствие регулирования данных обстоятельств со стороны законодателя приводит возникновению большого количества судебных споров. По данной ситуации сложилась следующая судебная практика: неполучение наследником свидетельства о праве собственности на долю и несовершение действий по внесению изменений в реестр в разумные сроки не могут являться основанием для лишения его права на долю. Однако такой подход защищает интересы бездействующего наследника в ущерб интересам общества и других участников.

Предлагается установить в законе срок для оформления наследником прав на долю в ООО, например, один год со дня вступления в наследство. По истечении этого срока, если наследник не обратился в общество с заявлением о внесении изменений в ЕГРЮЛ и не заявил о своем желании стать участником:

- доля автоматически переходит к обществу;
- общество обязано выплатить наследнику действительную стоимость доли, определенную на момент истечения срока.

Такой механизм позволит пресечь недобросовестные действия наследника и защитить интересы общества от длительной неопределенности, сохранив при этом имущественные права наследника как в случае оформления

его прав на долю в обществе, так и в случае пропуска данного срока.

Долгое время оставался нерешенным вопрос о том, подлежит ли налогообложению налогом на доходы физических лиц (далее НДФЛ) выплата наследнику действительной стоимости доли при отказе во входе в общество. Налоговые органы квалифицировали такую выплату как «реализацию актива» и требовали уплаты налога.

Однако Верховный Суд РФ в Определении № 46-КАД21-1-К6 [4] указал, что выплата действительной стоимости доли наследнику при отказе в согласии на переход доли является частью наследственного правопреемства, а не самостоятельной сделкой по реализации имущества. Следовательно, такая выплата не облагается НДФЛ.

Несмотря на то, что проблема решена на уровне судебной практики, отсутствие прямого законодательного закрепления указанной позиции оставляет возможность для новых споров в будущем. Кроме того, важно отметить, что позиция Верховного Суда применяется именно в ситуации, когда наследник не стал участником общества и получил денежную выплату вместо доли. Если же наследник сначала стал участником, а затем вышел из него, получив действительную стоимость доли, такая выплата может облагаться НДФЛ, поскольку выход из общества рассматривается как самостоятельная сделка. Представляется целесообразным внести соответствующие разъяснения непосредственно в Налоговый кодекс РФ для исключения возможных споров в будущем.

Предложенные изменения не нарушают баланса интересов наследников и участников ООО, поскольку сохраняют за участниками право отказать во входе «чужому» наследнику, но обеспечивают справедливую и своевременную компенсацию его имущественных потерь.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Официальный Интернет-портал правовой информации / www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 20.05.2026).
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Официальный Интернет-портал правовой информации / www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 21.05.2026).
3. Решение Вышневолоцкого городского суда Тверской области от 22.11.2018 г. по делу № 2-782/2018 // Официальный Интернет-портал правовой информации / www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 22.05.2026).
4. Определение Верховного Суда РФ № 46-КАД21-1-К6 от 27.10.2021 г. по делу № 2а-266/2020 // Официальный Интернет-портал правовой информации / www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 23.05.2026).
5. Изосимов С. В. Доли (акции) умерших участников, не имеющих наследников: проблемы правоприменения // Предпринимательское право. — 2024. — № 3. — С. 37–40.
6. Могилевский Г. А. Особенности наследования доли участника общества с ограниченной ответственностью: правовой аспект // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 10–5. С. 312–315.
7. Терновая О. А. Актуальные проблемы наследования корпоративных прав участников обществ с ограниченной ответственностью // Нотариальный вестник. 2023. № 5. С. 5–14.

Коррупционные правонарушения в сфере управления государственными закупками

Рудометов Николай Альбертович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье анализируются коррупционные правонарушения в сфере управления государственными закупками. Цель работы — выявить правовую природу, виды, а также особенности противодействия коррупционным деяниям в контрактной системе. Используются формально-юридический и сравнительно-правовой, а также системно-структурный методы. Раскрыты понятие и признаки коррупционных правонарушений, предложена их классификация по стадиям закупки и форме противоправного поведения; рассмотрены вопросы квалификации деяний по статьям 200.4, 200.5, 285, 290, 291 УК РФ и соответствующим составам КоАП РФ. Систематизированы меры противодействия, предусмотренные Федеральными законами № 44-ФЗ и № 273-ФЗ, а также антимонопольным и ведомственным контролем. Показано, что устойчивый результат достигается на стыке нормативных и технологических механизмов, включая цифровизацию закупочных процедур и расширение общественного участия.

Ключевые слова: коррупция, государственные закупки, контрактная система, противодействие коррупции, конфликт интересов, антимонопольный контроль, цифровизация закупок, правовая квалификация.

Актуальность темы исследования. Контрактная система остаётся одной из наиболее коррупциогенных зон публичного управления в России: совокупный годовой объём государственных и муниципальных закупок исчисляется десятками триллионов рублей, а число выявленных нарушений в этой сфере, по данным Генеральной прокуратуры, превышает 30 тыс. в год. Подобные деяния искажают конкурентную среду, наносят ущерб бюджету, подрывают доверие граждан к институтам власти, а постоянное усложнение закупочных процедур и появление новых схем обхода требований законодательства лишь усиливают запрос на системный правовой анализ.

Полагаем, что главная сложность заключается в пограничном характере ряда составов: одно и то же действие в зависимости от обстоятельств подпадает под нормы уголовного, административного; антимонопольного законодательства, что порождает правоприменительные коллизии. Цель статьи — выявить правовую природу, виды, а также особенности противодействия коррупционным правонарушениям в сфере управления государственными закупками на основе систематизации действующего законодательства и правоприменительной практики.

Сфера государственных закупок остаётся одним из наиболее коррупциогенных сегментов публичного управления в России. Совокупный объём закупок, осуществляемых в рамках контрактной системы, измеряется триллионами рублей, что объясняет повышенное внимание законодателя к данному сегменту [4].

Базовым нормативным актом, формирующим понятийный аппарат темы, выступает Федеральный закон «О противодействии коррупции», определяющий коррупцию через перечень деяний: злоупотребление служебным положением и получение, а также дача взятки, коммерческий подкуп, иное незаконное использование лицом должностного положения вопреки публичным интересам.

Л. А. Рерих квалифицирует коррупционные правонарушения в сфере государственных закупок как обособ-

ленную группу деликтов, посягающих на установленный порядок удовлетворения публичных нужд. На наш взгляд, такой подход обоснован: специфика субъектного состава и предмета посягательства действительно выделяет рассматриваемые правонарушения среди иных коррупционных проявлений [5].

А. А. Орозонова с соавторами относит к числу базовых признаков подобных деяний скрытость, организованность, наличие двусторонней выгоды у участников сделки. Полагаем, что именно скрытый характер делает категорию сложной для выявления стандартными контрольными инструментами.

Правовая природа исследуемых правонарушений носит межотраслевой характер. Конституционные принципы равенства всех перед законом и приоритета прав человека образуют общую правовую основу противодействия коррупции в сфере публичного управления [11].

Наиболее опасные посягательства криминализированы нормами Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающего ответственность за получение и дачу взятки, посредничество во взяточничестве, злоупотребление должностными полномочиями, мошенничество с использованием служебного положения [10].

Системное представление о видах юридической ответственности за коррупционные нарушения в контрактной системе даёт таблица 1.

Сопоставление видов ответственности подчёркивает, что коррупционные правонарушения в закупках влекут разные по характеру меры воздействия. Думается, что межотраслевой характер ответственности позволяет реагировать пропорционально тяжести деяния. Подходы к квалификации взяточничества конкретизированы постановлением Пленума Верховного Суда РФ [1].

Е. А. Левшина обращает внимание на то, что цифровизация закупочных процедур открывает новые возможности выявления подозрительных сделок с помощью инструментов искусственного интеллекта. Представляется,

Таблица 1. Виды юридической ответственности за коррупционные правонарушения в сфере государственных закупок

Вид ответственности	Регулирующий акт	Характерные составы и санкции
Уголовная	УК РФ	Получение и дача взятки, мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями
Административная	КоАП РФ	Нарушение порядка определения поставщика, заключения и исполнения контракта
Антимонопольная	ФЗ № 135-ФЗ	Сговор заказчика и участника торгов, картельные соглашения
Гражданско-правовая	ГК РФ, ФЗ № 44-ФЗ	Признание сделки недействительной, возмещение убытков, неустойка
Дисциплинарная	ТК РФ	Замечание, выговор, увольнение в связи с утратой доверия

что такой инструментарий со временем существенно изменит правоприменительную практику [3].

Систематизация коррупционных деяний в контрактной системе опирается на стадию закупки, форму противоправного поведения; круг участвующих субъектов. Е. Н. Сочнева и Г. Ю. Карабанько описывают до десяти устойчивых схем, среди которых преобладают деяния, совершаемые на стадии формирования технического задания и при определении начальной максимальной цены контракта. Именно стадия планирования закупки концентрирует наибольший коррупционный риск: на ней решается, кому потенциально достанется контракт.

К наиболее распространённым схемам относится сговор заказчика с участником: аукцион имитируется, цена снижается на копейки, контракт уходит нужному лицу. Близок к нему «заточенный» под одного исполнителя проект ТЗ, в котором требования сформулированы так, чтобы им соответствовал лишь один поставщик, что прямо запрещено статьёй 33 Закона № 44-ФЗ [7].

Отдельную группу образуют картельные соглашения поставщиков: участники аукциона договариваются о минимальном шаге снижения цены или о поочерёдном получении контрактов. Такие действия квалифицируются по статье 11 Закона № 135-ФЗ о защите конкуренции, а при наличии умысла на ограничение торгов — по статье 178 УК РФ; разграничение со взятничеством и злоупотреблением полномочиями производится по правилам, изложенным в постановлении Пленума ВС РФ № 24 [9].

Данные таблицы 2 показывают, что одно фактическое поведение нередко квалифицируется по нескольким составам сразу. Грань между ст. 200.4 и ст. 285 УК РФ проходит по субъекту: первая адресована работнику контрактной службы, вторая — должностному лицу заказчика. Конфликт интересов, выявленный после заклю-

чения контракта, влечёт не только административное наказание, но и расторжение контракта в одностороннем порядке. На наш взгляд, такая множественность составов осложняет работу следователя: требуется установить статус каждого участника и доказать прямой умысел [12].

Распространённость схем подтверждают данные Генеральной прокуратуры: за 2024 г. в сфере закупок выявлено свыше 31 тыс. нарушений, возбуждено более 1,3 тыс. уголовных дел. Ущерб бюджету превысил 11 млрд руб., причём около трети сумм возмещено добровольно после прокурорского реагирования [4].

Косвенным индикатором служит Реестр недобросовестных поставщиков, который ведёт ФАС России в Единой информационной системе закупок. На конец мая 2026 г. в реестре числится свыше 25 тыс. записей. Включение в реестр на два года лишает поставщика права участвовать в закупках и фактически выступает административной санкцией, дополняющей штраф по статье 7.32 КоАП РФ [6].

Система противодействия коррупции в контрактной сфере сформирована из взаимосвязанных нормативных блоков. Базовым актом выступает Федеральный закон № 44-ФЗ, задающий процедурный каркас всех закупок для государственных и муниципальных нужд [3].

Параллельно действует Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», закрепляющий принципы предупреждения нарушений, обязанность декларировать конфликт интересов и меры ответственности должностных лиц заказчика. Полагаем, именно сочетание двух актов блокирует риски одновременно на процедурном и поведенческом уровнях [14].

К числу процедурных инструментов относятся обязательное планирование закупок, преимущественное использование конкурентных способов определения поставщика и ведение единого реестра недобросовестных

Таблица 2. Виды коррупционных правонарушений в контрактной системе и их квалификация

Тип нарушения	Квалификация по УК / КоАП РФ
Получение взятки должностным лицом заказчика	Ст. 290 УК РФ; посредничество — ст. 291.1
Дача взятки участником закупки	Ст. 291 УК РФ
Подкуп работника контрактной службы	Ст. 200.5 УК РФ
Злоупотребление при приёмке непоставленного	Ст. 285, ст. 200.4 УК РФ
Картельный сговор поставщиков на торгах	Ст. 178 УК РФ; ст. 14.32 КоАП РФ
Конфликт интересов заказчика и поставщика	Ст. 7.32.4 КоАП РФ; ст. 31 Закона № 44-ФЗ
Искусственное дробление закупки	Ст. 7.29 КоАП РФ; ничтожность сделки

поставщиков. Последний инструмент носит превентивный характер: участник, уклонившийся от заключения контракта либо допустивший существенное нарушение, на два года лишается права участвовать в торгах [16].

Цифровизация закупочных процедур существенно повысила прозрачность всех этапов: извещения, проекты контрактов, протоколы и итоги торгов размещаются в единой информационной системе [4].

Это сужает пространство для неформального согласования условий между заказчиком и участником. Н. Е. Левшина обоснованно выделяет перспективным направле-

нием внедрение алгоритмов искусственного интеллекта, способных выявлять признаки аффилированности участников и атипичные ценовые траектории. Подобные сервисы фиксируют паттерны сговора раньше человека — прежде всего при анализе массивов однотипных закупок в рамках одной отрасли [5].

Самостоятельный блок мер составляет антимонопольное регулирование. Федеральный закон № 135-ФЗ за-прещает картельные сговоры на торгах и наделяет ФАС России полномочиями возбуждать дела по признакам ограничения конкуренции [16].

Таблица 3. Группировка правовых мер противодействия коррупции в системе государственных закупок

Группа мер	Нормативная основа	Ключевой инструмент
Процедурные	ФЗ № 44-ФЗ	Реестр недобросовестных поставщиков
Антимонопольные	ФЗ № 135-ФЗ	Запрет картелей на торгах
Антикоррупционные	ФЗ № 273-ФЗ	Декларирование конфликта интересов
Контрольные	ФЗ № 44-ФЗ, КоАП РФ	Ведомственный и финансовый контроль
Технологические	ФЗ № 44-ФЗ	ЕИС, электронные торговые площадки

Из приведённой группировки видно, что нормативная конструкция охватывает все ключевые этапы закупочного цикла: от планирования до приёмки результата. Каждая группа мер опирается на собственный инструмент, однако ни одна из них не обеспечивает самостоятельного результата — именно их связка формирует устойчивый антикоррупционный эффект.

Полезным ориентиром служит зарубежный опыт. Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев и А. Н. Сухаренко отмечают, что в Китайской Народной Республике антикоррупционная работа в публичных закупках строится на жёстких санкциях и партийном контроле. Российская модель идёт иным путём — через цифровизацию процедур и автоматизированный мониторинг закупочных данных [15].

Каждый из подходов имеет ограничения. Устойчивый результат достижим лишь на стыке нормативных и технологических мер при расширении общественного участия. Резервы российской системы связаны с настройкой санкций под новые формы сговора и распространением алгоритмического аудита на типовые закупки.

По итогам проделанной работы можно сформулировать ряд выводов. Правовая природа коррупции в контрактной системе сводится к посягательству на установленный порядок размещения и исполнения государственных контрактов; такие случаи отличает скрытый характер и двусторонняя выгода участников. Считаем,

специфика субъектного состава выделяет данную группу деликтов среди иных коррупционных проявлений и требует автономной квалификации.

Систематизация схем по стадиям закупки показала, что наибольший риск возникает уже на этапе планирования и подготовки технического задания. К типовым проявлениям относится сговор заказчика с конкретным участником, а также картельные соглашения поставщиков и неурегулированный конфликт интересов. Квалификация ведётся по специальным составам УК РФ в сфере закупок и нормам о должностных преступлениях; разграничение проходит по статусу субъекта и направленности умысла, а противодействие обеспечивается связкой контрактного и антикоррупционного законодательства при сквозной прозрачности закупочного цикла через единую информационную систему.

Практическая значимость работы состоит в применимости предложенной классификации следственными, антимонопольными, а также контрольными подразделениями заказчика. Полученные обобщения упрощают разграничение конкурирующих составов на этапе доследственной проверки и при квалификации картельных сговоров. Представляется, дальнейшее изучение темы продуктивно вести в направлении алгоритмического аудита однотипных закупок и подстройки санкций под новые формы сговора — именно эти резервы российской модели остаются недоиспользованными.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.05.2026).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
5. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
6. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
8. Криминология: учебник для студентов вузов / Г. А. Аванесов, С. М. Иншаков, Е. А. Антонян [и др.]; под ред. Г. А. Аванесова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. — 447 с. — ISBN 978-5-238-03277-1.
9. Левшина Н. Е. Перспективы использования искусственного интеллекта в борьбе с коррупцией в системе государственных и муниципальных закупок // Современное право. — 2024. — № 11. — С. 87–92.
10. Орозонова А. А., Исраилова А. А., Аманбаева Ч. Ш. и др. Коррупционные риски в системе устойчивых государственных закупок // Экономика Центральной Азии. — 2024. — Т. 8. — № 1. — С. 71–89. DOI: 10.18334/asia.8.1.120560.
11. Рерих Л. А. Коррупционные правонарушения в сфере государственных (муниципальных) закупок // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 11. — С. 32–37.
12. Сочнева Е. Н., Карабанько Г. Ю. Преступления в сфере государственных закупок // Экономика и социум: современные модели развития. — 2025. — Т. 15. — № 3. — С. 133–148. DOI: 10.18334/ecsoc.15.3.123739.
13. Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В., Сухаренко А. Н. Противодействие коррупции в Китае: законодательство и правоприменение: монография. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021. — 175 с.
14. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Статистика и аналитика [Электронный ресурс] // Генпрокуратура России. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/> (дата обращения: 27.05.2026).
15. Единая информационная система в сфере закупок [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕИС. URL: <https://zakupki.gov.ru> (дата обращения: 27.05.2026).
16. Реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) [Электронный ресурс] // ЕИС в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/dishonestsupplier/search/results.html> (дата обращения: 27.05.2026).

Право наследования лица, не состоявшего в зарегистрированном браке с наследодателем: вопросы российского законодательства и судебной практики

Русакова Ульяна Алексеевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В данной статье автор рассматривает возможность наследования гражданином, не заключившим брак с наследодателем, основываясь на анализе юридических норм, разъяснений Верховного Суда РФ и практики судов. Обозначены различные мнения ученых по вопросу включения фактического сожителя в круг наследников. На основании проведенного исследования сделан вывод о правовом положении такой категории лиц в современных наследственных правоотношениях.

Ключевые слова: фактический сожитель, законный супруг, наследование, круг наследников, гражданское законодательство, правовое положение.

Статья 1142 Гражданского Кодекса Российской Федерации относит к наследникам первой очереди детей, родителей, а также супруга наследодателя. [1] Важно отметить: слово «супруг» имеет строго юридический характер, поскольку означает, что лицо находилось в браке. Ч. 1 ст. 10 Семейного Кодекса Российской Федерации признает браком, отношения, зарегистрированные в органах ЗАГС. [2] Однако в настоящее время сохраняются случаи совместного проживания лиц в неофициальном браке. По

данным социологической группы Russian Field на май 2025 года, 15 % россиян находятся в незарегистрированных отношениях. [3]

В связи с этим возникает вопрос: может ли фактический сожитель претендовать на долю в наследстве умершего партнера? Российское право допускает такой вариант наследования по закону на основаниях, предусмотренных п. 2 ст. 1148 ГК РФ: «Наследниками по закону признаются также граждане, которые не входят в круг наследников по очереди, но

ко дню открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним». Пленум Верховного Суда дал подробное разъяснение данной нормы в пункте 31 своего Постановления: во-первых, указан круг лиц, которые относятся к категории нетрудоспособных (несовершеннолетние, граждане, достигшие пенсионного возраста и др.), вне зависимости от родственных отношений. Во-вторых, определено, что находившимся на иждивении наследодателя может быть признано лицо, которое получало не менее одного года до смерти наследодателя от него полное содержание или регулярную помощь, являвшуюся постоянным и основным источником средств к существованию, независимо от наличия собственного дохода (заработка, пенсии, стипендии и т. д.). [4]

Приведем пример случая из судебной практики. Так, гражданка К. обратилась в суд с иском о признании ее лицом, находившимся на иждивении у наследодателя, и включении в число наследников. Истец утверждала, что на протяжении нескольких лет совместно проживала с гражданином Ш., без официальной регистрации отношений. Сожитель бытовые расходы оплачивал самостоятельно, поскольку пенсия гражданки К. была значительно ниже, чем его доходы. Районный суд удовлетворил требования истца, апелляционный суд оставил решение суда первой инстанции без изменений, однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, не согласившись с выводами нижестоящих судов, отменила вынесенные ранее постановления. Было отмечено, что ошибкой судей являлось непринятие во внимание юридически значимого обстоятельства: отсутствие достаточных доказательств того, что помощь гражданина Ш. была для гражданки К. основным источником средств к существованию (как указано в материалах дела, кроме пенсии истец получала дополнительный заработок). [5] Исходя из этого, важно сказать о том, что при применении ст. 1148 ГК РФ, необходимо учитывать не только факты наличия нетрудоспособности и долговременного проживания, но и соотношение оказываемой наследодателем помощи и доходов иждивенца.

При этом среди ученых кругов возникают многочисленные споры, связанные с правовым статусом фактического сожителя в институте наследования в современном мире. Например, исследователь И. Р. Альбилов полагает, что интересы партнеров при незарегистрированном союзе никак не защищены законодательно. [6, с. 9] Вследствие этого некоторыми цивилистами предложены варианты решения данной проблемы. Профессор С. И. Реутов подчеркивает: «Целесообразно в российском законодательстве предусмотреть конкретные случаи, когда бы

имущество фактических супругов признавалось в судебном порядке общим и переживший фактический супруг мог бы наследовать по закону, как если бы он являлся супругом». [7, с. 124] Важно понимать, что появление подобной нормы породит юридические пробелы, касающиеся доказывания факта совместного проживания лиц в качестве семьи. В дополнение к этому, не исключено, что нововведение станет почвой для различных злоупотреблений правом недобросовестными лицами.

Другие эксперты выступают против расширения наследственных прав сожителей, ссылаясь на то, что полное уравнивание в наследственных правах лиц, состоящих в браке и бракоподобных отношениях, подорвет институт брака и семьи в традиционном его понимании. [8] Такое заявление основано на том, что грань между фактическим сожительством и официальным браком будет постепенно исчезать, что в дальнейшем приведет к юридической неопределенности понятия семьи и снижению значения зарегистрированных отношений.

Интересным представляется то, что в 2024 году в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, предусматривающий право сожителя в порядке особого судопроизводства установить факт состояния в брачных отношениях, если одно из лиц погибло, признано безвестно отсутствующим или объявлено умершим в связи с участием в СВО либо в связи с проживанием или временным пребыванием на территориях, где ведутся военные действия. Условиями признания данного брака являются: совместное проживание мужчины и женщины не менее трех лет или не менее одного года при наличии совместного ребенка и ведение общего хозяйства. Как отмечено в пояснительной записке, цель — создание механизма, обеспечивающего защиту прав и интересов членов семьи военнослужащего. [9] Однако на запланированном в июле 2025 первом чтении проект не был рассмотрен.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в российском правовом поле лицо, не состоящее в зарегистрированных отношениях, имеет право наследовать по закону лишь при наличии условий, предусмотренных ст. 1148 Гражданского Кодекса РФ. В связи с этим в судебной практике периодически возникают различные споры, связанные с включением в число наследников граждан, не заключивших официальный брак.

Поскольку в настоящее время государство держит политический курс на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, поддержку и защиту семьи, то правовое положение фактического сожителя в наследственном праве урегулировано не в полной мере.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ // Российская газета. № 17. 1996.
3. Более трети россиян не хотят вступать в брак. В чем причина. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6821a5e79a7947762e9e7fda> (дата обращения: 22.05.2026).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». — Текст: электронный // Официальный сайт Верховного Суда РФ: [сайт]. — URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8296/> (дата обращения: 22.05.2026).
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС Российской Федерации от 23.04.2019 N 73-КГ19-3. — Текст: электронный // Юридическая информационная система «Легалакт»: [сайт]. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23042019-n-73-kg19-3/> (дата обращения: 22.05.2026).
6. Альбикив, И. Р. Фактические семейные правоотношения: тенденции развития и проблемы закрепления в российском законодательстве / И. Р. Альбикив. — Текст: непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. — 2014. — № 2. — С. 8–12.
7. Реутов, С. И. Права супруга, бывшего супруга, фактического супруга при наследовании / С. И. Реутов. — Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. — 2009. — № 2. — С. 119–127.
8. Вартанян, М. О. Наследственные права лиц, не состоящих в зарегистрированном браке // Бюллетень науки и практики. 2017. № 2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledstvennye-prava-lits-ne-sostoyaschih-v-zaregistririvannom-brake> (дата обращения: 22.05.2026)
9. № 539969–8 Законопроект: Система обеспечения законодательной деятельности. — Текст: электронный // sozd.duma.gov.ru: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 22.05.2026)

Проблемы привлечения к административной ответственности за нарушения при эксплуатации платных парковок

Сафаров Аллахверен Илхам оглы, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются особенности привлечения к административной ответственности за нарушения при эксплуатации платных парковок. Раскрывается правовая природа платной парковки как элемента организации дорожного движения. Анализируются нормативная основа, составы правонарушений, судебная практика и проблемы доказывания. Особое внимание уделяется ошибкам автоматической фиксации, техническим сбоям, неверному указанию государственного номера, спорам о субъекте ответственности и порядку обжалования постановлений. Обосновывается необходимость единых требований к доказательствам, проверки оплаты до вынесения постановления и упрощенного порядка отмены штрафа при подтвержденной оплате либо технической ошибке.

Ключевые слова: административная ответственность, платная парковка, организация дорожного движения, административное правонарушение, фиксация нарушений, судебная практика, обжалование постановлений.

Problems of bringing to administrative responsibility for violations in the operation of paid parking facilities

Safarov Allahveren Ilham oglu, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the specific features of bringing persons to administrative responsibility for violations in the operation of paid parking facilities. It defines the legal nature of paid parking as an element of traffic management. The article analyzes the regulatory framework, elements of administrative offenses, judicial practice and problems of proof. Special attention is paid to errors in automatic recording, technical failures, incorrect vehicle registration numbers, disputes over the subject of responsibility and the procedure for appealing decisions. The need for unified evidentiary requirements, payment verification before issuing a decision and a simplified procedure for cancelling a fine in case of confirmed payment or technical error is substantiated.

Keywords: administrative responsibility, paid parking, traffic management, administrative offense, recording of violations, judicial practice, appeal against decisions.

Платные парковки входят в систему организации дорожного движения и помогают упорядочить размещение транспорта в городе. Их режим затраги-

вает интересы водителей, собственников автомобилей, операторов парковочного пространства и органов власти.

Административная ответственность в этой сфере связана прежде всего с неоплатой или неправильной оплатой парковки. На практике споры возникают из-за технических сбоев, ошибок фиксации, неверного времени стоянки, неправильного номера автомобиля и недостатка данных у лица, которое оспаривает штраф.

Нарушение фиксируется цифровыми средствами, а постановление часто выносится без полноценной проверки обстоятельств. Поэтому при оспаривании штрафа оцениваются статус парковочного места, обозначение зоны, работа камер, сведения оператора, платежные данные и порядок вынесения постановления.

Цель статьи состоит в выявлении проблем привлечения к административной ответственности за нарушения при эксплуатации платных парковок. Для достижения цели раскрывается понятие платной парковки, анализируется нормативная основа, определяются составы правонарушений, рассматривается судебная практика и формулируются направления совершенствования правового регулирования.

Платная парковка является элементом организации дорожного движения и используется для упорядочения размещения транспорта в пределах дороги, прилегающей территории или специально выделенной зоны. Такой режим стоянки устанавливается публичным актом, территория должна быть обозначена, а пользование местом связано с обязанностью оплаты. Штраф за нарушение правил размещения автомобиля относится к административной ответственности, поскольку затрагивает установленный порядок управления транспортным потоком.

Согласно теории С. Н. Братановского и соавторов, административная ответственность применяется как мера государственного принуждения за нарушение общеобязательных правил управления. В сфере городского парковочного пространства это означает, что штраф допустим только при установленном правовом режиме места стоянки, доказанном нарушении порядка оплаты и соблюдении процедуры привлечения к ответственности [1, с. 176–183].

Нормативная основа эксплуатации платных стоянок включает федеральные акты, региональные законы и подзаконные правила. КоАП РФ определяет признаки административного правонарушения, порядок доказывания, назначение наказания и обжалование постановления. Для данной темы важны нормы о нарушении правил остановки и стоянки, поскольку штраф должен подтверждаться событием нарушения, виновностью лица и соблюдением процедуры [2].

Федеральный закон «Об организации дорожного движения» закрепляет общие требования к парковочному пространству. Платный режим должен вводиться с учетом проекта организации движения, обозначения территории и доступности способов оплаты. Поэтому законность штрафа зависит от правового статуса места, понятности режима стоянки и возможности исполнить обязанность по оплате [3].

Правила дорожного движения устанавливают требования к остановке, стоянке, дорожным знакам и разметке. Для споров о размещении автомобиля это важно, поскольку водитель ориентируется на внешние средства регулирования. Неясное обозначение зоны, отсутствие разметки или противоречие фактическому режиму могут ставить под сомнение событие правонарушения [4].

А. Л. Зиганшин и Г. Н. Ахметзянова связывают правовое регулирование парковочного места с моделью распределения городского пространства и ролью публичной власти в организации стоянки транспорта. Для российской системы характерно активное участие субъектов Российской Федерации и муниципальных органов, поэтому порядок пользования платным парковочным пространством различается по территориям [5].

Состав правонарушения при эксплуатации платной стоянки включает объект, объективную сторону, субъект и вину. Объектом выступает порядок организации дорожного движения, а объективная сторона выражается в неоплате места, нарушении срока перевода штрафа, ошибке в номере автомобиля, использовании льготного места без права или стоянке вне установленной зоны.

Для привлечения к ответственности нужно подтвердить нахождение автомобиля в платной зоне, обязанность оплаты, отсутствие надлежащего платежа и соблюдение процедуры фиксации. Если водитель оплатил место, но ошибся в одной цифре номера или столкнулся со сбоем приложения, вывод о виновности требует отдельной оценки.

С точки зрения Д. В. Осинцева, административная ответственность допустима при наличии материального основания и соблюдении процессуального порядка. Поэтому штраф за нарушение парковочного режима должен опираться на доказанный состав, а не на одно техническое совпадение данных системы [6, с. 94–101].

Субъект ответственности зависит от способа фиксации. При автоматическом выявлении нарушения постановление часто направляется собственнику автомобиля, хотя фактически машиной мог пользоваться другой человек. Такая модель ускоряет производство, но усложняет доказывание личной вины.

С. В. Вавилова указывает на профилактическое значение предупреждения и штрафа в сфере организации дорожного движения. Поэтому наказание за нарушение правил размещения автомобиля достигает цели только тогда, когда лицо понимает причину взыскания и может проверить доказательства [7, с. 150–152].

Судебная практика по делам о нарушениях при эксплуатации платных стоянок показывает, что основные споры связаны с доказательствами. Суд проверяет факт размещения автомобиля, время стоянки, наличие платной зоны, данные фотофиксации, сведения оператора и доводы заявителя. Особое значение имеют чеки, банковские выписки, скриншоты приложения и история парковочной сессии.

В решении Московского городского суда № 7–2650/2025 проверялась законность постановления ГКУ «АМПП»

с учетом материалов фиксации и доводов заявителя. Значение дела состоит в том, что суд сопоставлял технические данные с объяснениями лица, привлеченного к ответственности [8].

Наиболее сложны ситуации, когда автомобиль находился в платной зоне, но водитель ссылается на внешнюю оплату. Формальное отсутствие платежа в базе оператора может быть связано с ошибкой в номере, задержкой банковской операции, сбоем приложения или неверным определением зоны. Поэтому материалы автоматической фиксации должны оцениваться вместе с платежными документами.

В решении Московского городского суда № 7–11924/2025 рассматривалась жалоба на постановление по делу о неоплате размещения автомобиля на городской парковке. Суд проверял региональный состав правонарушения, постановление контролера-ревизора и доводы лица, привлеченного к ответственности [9].

Практика показывает, что обжалование часто становится способом исправления технических ошибок. На стадии вынесения постановления орган не всегда проверяет оплату по похожему номеру, сбой сервиса, льготный статус или ошибку зоны. Из-за этого водитель вынужден собирать доказательства уже после назначения штрафа.

Затруднения при привлечении к ответственности возникают из-за того, что штраф часто строится на автоматическом совпадении данных. Камера фиксирует автомобиль, программа сверяет номер, место стоянки и оплату. Если платеж не найден, выносится постановление.

Слабым местом остается подтверждение оплаты. Орган использует данные камер, базу оператора и технические журналы. У водителя обычно есть чек, скриншот или банковская выписка. Если эти сведения расходятся с данными парковочного сервиса, человеку сложно доказать добросовестное поведение, хотя обязанность по оплате фактически могла быть исполнена.

Спорным остается и вопрос о лице, которое должно отвечать за нарушение. При автоматической фиксации постановление чаще направляется собственнику автомобиля. Но машиной мог пользоваться родственник, работник, арендатор или иной водитель. В результате штраф получает человек, который не размещал автомобиль и не принимал решение о стоянке.

Дополнительные сложности создает неясное обозначение зоны. Водителю должны быть понятны границы стоянки, номер парковочного участка, способы оплаты, льготы и порядок продления сессии. При неполной информации ошибка возникает из-за самой организации режима, а не из-за намеренного уклонения от оплаты.

По мнению О. Е. Маслевской и Е. А. Иерусалимской, результат применения административной ответственности в области организации дорожного движения зависит от качества фиксации нарушения, полноты материалов дела и соблюдения процессуального порядка. Для этой сферы особенно важны технические средства и письменные доказательства [10, с. 86–100].

Неодинаковые правила в регионах усиливают неопределенность. В субъектах Российской Федерации различаются сроки оплаты, размеры штрафов, льготы, способы подтверждения платежа, работа приложений и порядок рассмотрения жалоб. Водитель может действовать по привычному порядку одного города и получить штраф в другом из-за местных особенностей.

Сложность обжалования снижает реальную защиту прав. Требуется быстро определить нужный орган, соблюсти срок, приложить чек, выписку, скриншот, сведения о зоне и объяснить причину ошибки. Из-за этого часть водителей оплачивает штраф даже при наличии оснований для отмены, потому что защита требует больше усилий, чем само взыскание.

О. Е. Маслевская и Е. А. Иерусалимская говорят о проблемах в нормативной основе административной ответственности в области организации дорожного движения. Законодательство должно обеспечивать предсказуемость для лица, в отношении которого был назначен штраф. В делах о городских стоянках это особенно важно, поскольку водитель должен заранее понимать, какое действие считается нарушением, какой орган выносит постановление и какие доказательства принимаются при обжаловании [11, с. 101–114].

Совершенствование ответственности за нарушения при эксплуатации платных стоянок должно опираться на единые требования к доказательствам. В постановлении нужно указывать место, время, номер зоны, данные фиксации, сведения об отсутствии оплаты, информацию о льготе и основание привлечения конкретного лица. Расширенные, полные и понятные сведения позволят водителю сразу понять причину штрафа без обращения к оператору.

Для модернизации системы предлагается несколько рекомендаций:

1. До вынесения постановления нужна обязательная проверка оплаты. Система должна сопоставлять платежи по близким номерам, соседним зонам, совпадающему времени и банковским операциям. Если видна техническая ошибка, материалы должны направляться на дополнительную проверку до назначения взыскания.

2. Технические сбои следует фиксировать отдельно. Оператору необходимо вести журнал работы приложения, сайта, терминалов, платежных сервисов и средств связи. При подтвержденном сбое штрафы за спорный период должны приостанавливаться до проверки.

3. При подтвержденной оплате отмена постановления должна проходить проще. Если водитель представил чек, банковскую выписку или иной платежный документ, орган обязан самостоятельно сверить эти сведения с оператором. Человек не должен получать внутренние журналы системы, так как наказание применяет публичная сторона.

4. Нужно разграничить ответственность собственника и фактического пользователя автомобиля. Договор аренды, путевой лист, доверенность или иные сведения

о передаче машины другому лицу должны давать реальную возможность переадресовать штраф. Иначе взыскание получает лицо, чья вина не установлена.

5. Качество информирования водителей требует усиления. В зоне стоянки должны быть ясно обозначены границы, номер участка, стоимость, способы оплаты, срок начала платного периода и льготы. Жалоба через приложение или портал должна позволять приложить чек, выписку, скриншот, сведения о льготе или данные о передаче автомобиля. Ответ по жалобе должен содержать оценку

каждого довода, а не общую фразу об отсутствии оснований для отмены.

По мнению К. А. Султанова и И. А. Адмираловой, нарушение правил парковки нельзя оценивать только как факт размещения автомобиля в запрещенном или неоплаченном месте. Значение имеет вся процедура привлечения к наказанию, которая включает способ фиксации, полнота доказательств, проверка доводов лица и возможность отмены постановления при ошибке в материалах дела [12].

Литература:

1. Братановский С. Н., Капитанец Ю. В., Вулах М. Г. Административное право России: учебник. 3-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2025. 287 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1, часть I, ст. 1.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ, 01.01.2018, № 1, часть I, ст. 27.
4. Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» (ред. от 16.07.2025) // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 22.11.1993, № 47, ст. 4531.
5. Зиганшин А. Л., Ахметзянова Г. Н. Сравнение правового регулирования парковочного места в РФ и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Вестник науки. 2023. № 11 (68). Т. 1. С. 529–532. URL: <https://www.xn—8sbempcldwd3bmt.xn—p1ai/article/10613>.
6. Осинцев Д. В. Административная ответственность: учебник для вузов. 6-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024. 439 с.
7. Вавилова С. В. Предупреждение и штраф как санкции за правонарушения в области организации дорожного движения // Молодой ученый. 2026. № 14 (617). С. 150–152.
8. Решение Московского городского суда № 7–2650/2025 от 12.03.2025 по делу № 12–1726/2024 // СудАкт [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sOTYAakpN2Zb/> (дата обращения: 14.05.2026).
9. Решение Московского городского суда № 7–11924/2025 от 26.08.2025 по делу № 12–0238/2025 // СудАкт [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AXL373ceXjgu/> (дата обращения: 14.05.2026).
10. Маслевская О. Е., Иерусалимская Е. А. Вопросы практики применения административной ответственности за правонарушения в области организации дорожного движения // Вестник науки. 2025. № 7 (88). Т. 1. С. 86–100.
11. Маслевская О. Е., Иерусалимская Е. А. Особенности нормативной основы административной ответственности в области организации дорожного движения на современном этапе // Вестник науки. 2025. № 7 (88). Т. 1. С. 101–114.
12. Султанов К. А., Адмиралова И. А. Об административной ответственности за нарушение правил парковки по законам субъектов Российской Федерации // Вестник ВППК МВД России. 2023. № 3 (67). С. 1–5. URL: <https://asdg.ru/imc/Sultanov2.pdf>.

Правовые проблемы и перспективы цифровизации в системе государственного контроля (надзора) в Российской Федерации

Семендуев Дмитрий Андреевич, студент;
Басанец Никита Александрович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются правовые проблемы и перспективные направления цифровой трансформации контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации. На основе анализа действующего законодательства, доктринальных позиций и правоприменительной практики выявлены ключевые противоречия, возникающие при внедрении информационных технологий в систему государственного контроля (надзора), — среди них цифровое неравенство регионов, угрозы информационной безопасности, избыточность и рассогласованность информационных систем, нерешённость вопроса правосубъектности алгоритмов искусственного интеллекта. Рассмотрен зарубежный опыт цифровизации

контрольных функций. Сформулированы предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: государственный контроль, надзор, цифровизация, информационные системы, искусственный интеллект, риск-ориентированный подход, персональные данные, электронный документооборот, ГИС ТОР КНД, ЕРКНМ.

Стремительное распространение цифровых технологий в публичном управлении ставит перед юридической наукой задачу переосмысления устоявшихся институтов государственного контроля и надзора. Принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [1] ознаменовало переход к принципиально новой парадигме осуществления контрольно-надзорных функций, в которой цифровые инструменты занимают системообразующее положение. Закон закрепил обязательность электронного документооборота, риск-ориентированный подход, Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий и механизм досудебного обжалования через портал государственных услуг. Всё это делает цифровые технологии не факультативным дополнением, а неотъемлемой архитектурной основой современного надзорного процесса. Вместе с тем практика обнажает ряд правовых пробелов и технологических ограничений, требующих научного осмысления.

Правовую основу цифровизации контрольно-надзорной деятельности формирует взаимосвязанный комплекс нормативных актов. Помимо базового Закона № 248-ФЗ, регулирование информационного обеспечения контроля опирается на Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], определяющий принципы функционирования государственных информационных систем и ограничения доступа к данным. Распоряжением Правительства РФ от 21 декабря 2023 г. № 3745-р утверждена Концепция совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года [3], обозначающая дорожную карту дальнейшей цифровизации — от внедрения сервиса «калькулятор рисков» в личном кабинете контролируемого лица до полного перевода механизма досудебного обжалования в электронную форму. Что касается защиты персональных данных, обрабатываемых информационными системами контроля, центральным актом остаётся Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [4], устанавливающий требования к операторам и порядку обработки сведений о гражданах. Специфические условия для апробации инновационных цифровых решений создаёт Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [5], позволяющий тестировать новые технологические продукты без предварительного приведения всего законодательного массива в полное соответствие.

Ядром цифровой инфраструктуры контроля выступает государственная информационная система «Ти-

повое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности» (ГИС ТОР КНД). По данным, приводимым А. А. Тотурбиевым, этой платформой пользуются свыше пяти тысяч органов контроля различных уровней публичной власти, а число инспекторов, работающих в системе, превышает шестнадцать тысяч [6, с. 248]. В. Н. Сиваков, анализируя функциональные возможности ТОР КНД, справедливо отмечает, что данная система «помогает надзорным органам увеличить свой потенциал, преобразовать громоздкие процессы в цифровые, оснащает надзорных органов аналитическими инструментами и защищает систему от сбоев, связанных с электронными технологиями» [7, с. 428]. Вместе с тем указанный автор подчёркивает, что система находится на стадии совершенствования и полностью автономный надзор пока недостижим. Это замечание представляется весьма точным: технологическая зрелость платформы ещё не позволяет исключить ключевую роль инспектора в принятии итогового решения, а значит, цифровой инструментарий на данном этапе выполняет обеспечительную, но не замещающую функцию.

Не менее значимым элементом цифровой архитектуры контроля является Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий (ЕРКНМ). К. А. Филонец обращает внимание на то, что данный реестр обеспечивает фиксацию каждого контрольного мероприятия, от планирования до итогов исполнения, и тем самым предотвращает избыточность проверок одних и тех же организаций разными органами [8, с. 191–192]. Н. Н. Макеев и А. А. Савина приводят показательный пример из судебной практики: «Решением Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа было признано недействительным предписание контрольного органа, так как данные о проверке были включены в Реестр на день позже её проведения» [9, с. 47]. Этот случай наглядно подтверждает, что цифровой реестр выполняет не только учётную, но и правозащитную функцию: внесение сведений «задним числом» становится формальным основанием для признания результатов проверки незаконными. Между тем те же авторы фиксируют обратную сторону нововведения — внесение значительного объёма данных в ЕРКНМ создаёт для контрольных органов дополнительную административную нагрузку, и попытка оптимизации процесса проверки, парадоксальным образом, генерирует новые сложности для самих проверяющих [9, с. 48].

Отдельного анализа заслуживает проблема множественности информационных систем в сфере контроля. Н. Н. Макеев и А. А. Савина обращают внимание на то, что наряду с ЕРКНМ продолжает действовать Единый реестр проверок в качестве его подсистемы, хотя функ-

ционально новый реестр способен существовать самостоятельно. Ещё более тревожной выглядит ситуация в отраслевом разрезе: часть автоматизированных систем, применяемых, к примеру, в контроле качества лекарственных средств, не имеет надлежащей нормативной основы, а их правовой статус не совпадает с тем, что указан в актах Росздравнадзора [9, с. 48]. Подобная рассогласованность подрывает системность цифровой среды контроля: когда одна и та же платформа именуется в разных документах то самостоятельной автоматизированной системой, то подсистемой, то просто разделом сайта, адресаты регулирования лишаются правовой определённости. Представляется, что устранение этого дефекта возможно лишь путём принятия единого подзаконного акта, закрепляющего исчерпывающий перечень информационных систем в каждой отрасли контроля, их иерархию и взаимосвязь с базовыми платформами ТОР КНД и ЕРКНМ.

Переход к электронному документообороту, провозглашённый Законом № 248-ФЗ, также обнажает юридические коллизии. Н. Н. Макеев и А. А. Савина моделируют ситуацию, при которой контролируемое лицо подаёт жалобу в бумажной форме, а уполномоченный орган отказывает в её принятии со ссылкой на ненадлежащий формат: по мнению авторов, в таком случае нововведение приобретает черты формализма [9, с. 47]. С этой оценкой трудно не согласиться. Императивное требование электронной формы при отсутствии реальной технической возможности для всех категорий участников правоотношений может привести к ограничению конституционного права на обращение. Именно поэтому разумным шагом стало бы закрепление в законе принципа равнозначности бумажной и электронной формы документа — хотя бы на переходный период, пока уровень цифровой грамотности населения не достигнет показателей, обеспечивающих повсеместный доступ к электронным сервисам.

Объективные данные о результатах цифровой трансформации подтверждают эффективность предпринятых мер, однако одновременно указывают на сохраняющиеся резервы. По информации вице-премьера Д. Ю. Григоренко, озвученной на итоговом совещании по контрольно-надзорной деятельности в марте 2026 г., в 2025 г. проведено 273 тысячи проверок — на семь процентов меньше, чем годом ранее, а показатель результативности вырос с 57 до 64 процентов при дореформенном уровне в 39 процентов. Резко — со ста до двухсот пятидесяти тысяч — увеличилась доля «бесконтактных» мероприятий, включая контрольные закупки [10]. Д. Ю. Григоренко подчеркнул, что благодаря мобильному приложению «Инспектор» уже в 2024 г. стало возможным проводить 43 вида контроля без физического присутствия инспектора [11]. Эти показатели свидетельствуют о том, что цифровые инструменты действительно меняют саму модель взаимодействия контрольного органа и бизнеса, смещая акцент с карательного воздействия к дистанционному мониторингу и профилактике.

Вместе с тем расширение цифрового пространства контроля порождает серьёзные угрозы в сфере информационной безопасности. Т. В. Вакулюк констатирует, что цифровизация «открывает новые возможности и создаёт новые риски» — утечка данных и взлом систем становятся реальными угрозами, способными дискредитировать весь механизм электронного контроля [12, с. 342]. Масштаб этих рисков подтверждается статистикой Роскомнадзора: в 2024 году зафиксировано 135 фактов утечек персональных данных, в результате которых в открытый доступ попало более 710 миллионов записей о гражданах [13]. Даже в 2025 году, несмотря на снижение числа инцидентов до 118, объём скомпрометированных сведений составил свыше 52 миллионов записей [14]. Подобные цифры ставят под сомнение надёжность инфраструктуры, на которую опирается контрольно-надзорная деятельность, и актуализируют вопрос об ужесточении требований к защите данных, обрабатываемых информационными системами контроля.

Помимо кибербезопасности, цифровизация контроля наталкивается на барьер цифрового неравенства. Д. С. Стенькин среди ключевых проблем выделяет неравномерную техническую оснащённость регионов, финансовые затраты на внедрение и модернизацию информационных систем, а также низкую цифровую грамотность сотрудников контрольных органов [15, с. 60–61]. С. Е. Трубникова дополняет этот перечень ссылкой на исследование А. В. Мартынова, Е. В. Ширевой и А. Э. Логиновой, которые зафиксировали, что значительная часть инспекторов по-прежнему отдаёт предпочтение общению по телефону или электронной почте, а не через цифровые платформы, что авторы квалифицируют как неэффективное в современных условиях [16, с. 538–539]. Вместе с тем, на начальном этапе переход от бумажного к электронному документообороту парадоксально приводит к увеличению нагрузки на сотрудников, поскольку требует параллельного заполнения как цифровых, так и бумажных форм, дополнительного обучения работе с новыми интерфейсами и устранения неизбежных технических сбоев. Пока данная «переходная нагрузка» не будет системно учтена при планировании штатной численности и финансирования контрольных органов, рассчитывать на полноценный положительный эффект от цифровизации преждевременно.

Одним из наиболее перспективных, но в то же время и наиболее юридически неопределённых направлений цифровизации контроля является внедрение технологий искусственного интеллекта. В. П. Лагаева аргументирует необходимость нормативного регулирования применения ИИ при осуществлении контроля и предлагает систему целей такого регулирования: обеспечение эффективности контроля, сокращение нагрузки на добросовестных контролируемых лиц и стимулирование внедрения ИИ-технологий в надзорную деятельность. Среди принципов правового регулирования она называет безопасность, открытость, приоритет применения ИИ для профилак-

тики нарушений, а также «право контролируемого лица на отказ от обработки методами ИИ данных о нём и о его деятельности» [17, с. 176–177]. Последний тезис заслуживает отдельного внимания: он устанавливает правовую границу между оптимизацией контроля и вторжением в автономию хозяйствующего субъекта. Между тем, как справедливо отмечает сама В. П. Лагаева, в настоящее время Закон № 248-ФЗ «в отношении информационного обеспечения государственного контроля (надзора) предусмотрены только положения о видах информационных систем и о целях их создания, о межведомственном информационном взаимодействии» [17, с. 175], тогда как отношения по применению информационных технологий, включая ИИ, остаются за пределами нормативного поля. Этот пробел особенно критичен с учётом того, что алгоритмы машинного обучения уже фактически задействуются при определении категорий риска и планировании контрольных мероприятий, однако правовой статус решений, принятых с участием таких алгоритмов, законодательно не определён.

Зарубежный опыт свидетельствует о многообразии стратегий включения цифровых инструментов в контрольный процесс. А. С. Скворцов приводит примеры Эстонии, где создана единая цифровая платформа электронного аудита, Великобритании, где Национальное аудиторское управление применяет технологии анализа больших данных (Big Data), Сингапура с платформой «GovTech», использующей ИИ для проверки соответствия нормативным требованиям, а также Республики Корея, где система KONEPS обеспечивает полную цифровизацию государственных закупок [18, с. 32–33]. Исследования О. И. Долгановой и Д. А. Козырева фиксируют глобальный тренд создания интегрированных цифровых платформ и отмечают, что в США реализован принцип «открытого правительства» с публикацией структурированных данных о проверках, в Канаде применяется ИИ для оценки рисков, а Китай делает ставку на централизацию и мониторинг финансовых потоков в режиме реального времени [19]. Сопоставление этих моделей позволяет обнаружить общую закономерность: наиболее устойчивые результаты даёт не изолированное внедрение отдельных цифровых сервисов, а формирование единой экосистемы, в которой данные из различных источников аккумулируются на централизованной платформе и обрабатываются с помощью аналитических алгоритмов. Именно в этом направлении, по-видимому, движется и российская модель — но с существенным отставанием в части нормативного обеспечения.

А. А. Лернер и Е. Н. Приймак обращают внимание на то, что внедрение цифровых технологий в контрольную деятельность трансформирует сам характер взаимодействия инспектора и контролируемого лица. Создание цифровых приложений, включая «Цифровой надзор», сокращает временные затраты на проведение проверок и стимулирует развитие дистанционного мониторинга. Положительные результаты реформы надзора авторы

видят в снижении количества проверок при сохранении высокого уровня защиты прав граждан. Вместе с тем ими же фиксируется, что наблюдаются сложности интеграции информационных систем, недостаточный уровень цифровой грамотности персонала и отсутствие единообразной терминологии между контрольными и правоохранительными органами [20, с. 29–30]. Именно последнее обстоятельство — терминологическая рассогласованность — зачастую остаётся на периферии научного анализа, хотя на практике оно способно блокировать межведомственное взаимодействие даже при наличии технически совместимых платформ.

Концепция совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г. очерчивает амбициозные перспективы. В числе запланированных мер — создание функционального личного кабинета контролируемого лица на портале Госуслуг в режиме «одного окна», развитие мобильного приложения «Инспектор», формирование справочников оснований проведения контрольных мероприятий и распространение дистанционных форматов взаимодействия. Д. С. Стенькин рассматривает эти планы как закономерное продолжение реформы и фиксирует практический результат цифровизации — «полный переход видов государственного контроля (надзора), а также лицензионной деятельности на «цифровые рельсы» [15, с. 62]. При этом автор оговаривается, что из данного перехода исключаются случаи, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну. Такая оговорка представляется принципиальной: она очерчивает пределы допустимой цифровизации и напоминает о том, что технологическая модернизация не может и не должна подменять собой вопрос о границах публичного контроля над информацией.

Финансовое обеспечение цифровой трансформации контроля также нуждается в критическом анализе. К. А. Филонец приводит данные о динамике расходов федерального проекта «Цифровое государственное управление», фиксируя устойчивый тренд роста затрат с пиком финансирования в 2022 г., и ссылается на результаты аудита Счётной палаты РФ за 2024 г., который выявил нарушения на общую сумму более 86 миллиардов рублей [8, с. 195]. Подобные масштабы нецелевого и неэффективного расходования средств порождают обоснованные сомнения в том, насколько прозрачно и рационально организован процесс закупки и внедрения цифровых решений в самих контрольных органах. Парадокс состоит в том, что система, призванная обеспечить прозрачность контроля над бизнесом, сама остаётся в известной мере непрозрачной в части расходования бюджетных ресурсов на собственную модернизацию.

Подводя итог, следует констатировать, что цифровизация государственного контроля (надзора) в Российской Федерации достигла существенных институциональных результатов: сформирована законодательная база, развёрнуты ключевые информационные системы, реализован механизм досудебного обжалования, существенно сокра-

щено число контрольных мероприятий. Однако правовое регулирование отстаёт от технологического развития. Остаются нерешёнными проблемы правового статуса решений, принятых с участием ИИ, избыточности и рассогласованности информационных систем, цифрового неравенства регионов, защиты персональных данных, а также формализма при внедрении электронного документооборота. Преодоление этих вызовов требует комплексных законодательных решений: принятия специального регулирования применения ИИ в контрольно-надзорной

деятельности, унификации номенклатуры информационных систем, закрепления принципа равнозначности бумажной и электронной формы документа на переходный период, а также усиления парламентского и общественного контроля за расходованием средств на цифровую трансформацию. Только системный подход, совмещающий технологическую модернизацию с адекватным правовым сопровождением, способен обеспечить баланс между эффективностью контроля и защитой прав контролируемых лиц.

Литература:

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 17.04.2026) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (ч. I). — Ст. 5007; 2026. — № 16. — Ст. 1952.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3448; 2025. — № 52 (ч. I). — Ст. 8356.
3. Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2023 г. № 3745-р (ред. от 17.06.2024) «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 1 (ч. IV). — Ст. 285; 2024. — № 26. — Ст. 3702.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3451; 2025. — № 26 (ч. I). — Ст. 3486.
5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (ч. I). — Ст. 5017; 2025. — № 31. — Ст. 4690.
6. Тотурбиев А. А. Совершенствование государственного контроля в условиях цифровизации // Вестник науки. 2025. № 3 (84). С. 245–255.
7. Сиваков В. Н. Цифровизация государственного контроля (надзора): теоретический аспект // Научный вектор. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2024. С. 426–429. <https://elibrary.ru/item.asp?id=69400195>
8. Филонец К. А. Цифровизация государственного контроля: новые инструменты и подходы // Цифровое общество: образование, экономика, технологии. Москва: ООО «Актуальность.РФ», 2025. С. 190–196.
9. Makeev N. N., Savina A. A. Цифровизация государственного контроля (надзора): новеллы, проблемы, тенденции развития // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2023. № 21. С. 47–50.
10. Мосолкина Д. Количество проверок бизнеса в 2025 году снизилось на 7 % // Сетевое издание Ведомости (Vedomosti). URL: <https://clck.ru/3Tnagr> (дата обращения: 15.05.2026).
11. Григоренко назвал главные задачи в сфере контроля в 2025 году // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://clck.ru/3TnaiG> (дата обращения: 15.05.2026).
12. Вакулюк Т. В. Понятие и сущность государственного контроля и надзора в условиях цифровизации // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях. Симферополь: Издательство «Научный мир», 2025. С. 337–345.
13. Плетнева С. Роскомнадзор зафиксировал 135 утечек баз данных в 2024 году // Сетевое издание «Forbes.ru». URL: <https://clck.ru/3TnarT> (дата обращения: 15.05.2026).
14. В России снизилось число утечек персональных данных в 2025 году // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://clck.ru/3Tnar6> (дата обращения: 15.05.2026).
15. Стенькин Д. С. Реформа контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации: опыт цифровизации // Legal Bulletin. 2024. Т. 9, № 1. С. 52–65.
16. Трубникова С. Е. Проблемы реализации контрольно-надзорной деятельности в условиях цифровой трансформации // Студенческий сборник научных статей по итогам проведения месяца науки, посвященном 10-летию воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 536–541.
17. Лагаева В. П. Цели и принципы правового регулирования искусственного интеллекта, применяемого при осуществлении государственного контроля (надзора) // Седьмые Бачиловские чтения. Москва: Институт государства и права РАН, 2024. С. 173–178.

18. Скворцов А. С. Зарубежный опыт цифровизации функции государственного контроля // Экономика строительства. 2025. № 8. С. 32–34. <https://elibrary.ru/item.asp?id=82920332>
19. Долганова О. И., Козырев Д. А. Зарубежный опыт цифровизации превентивного государственного финансового контроля (на примере США, Китая, Канады, Индии и Австралии) // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. №. 104. С. 147–161.
20. Лернер А. А., Приймак Е. Н. Государственный контроль и надзор за соблюдением законодательства: правовые и цифровые аспекты // Диалог. 2025. № 22(52). С. 28–30.

Проблемы защиты персональных данных при использовании электронной подписи

Сергеев Тимур Андреевич, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

В статье рассматриваются проблемы защиты персональных данных, возникающие при использовании электронной подписи в цифровой среде. Электронная подпись связана не только с подтверждением электронного документа, но и с обработкой сведений о субъекте: данных, необходимых для идентификации, выдачи сертификата, проверки подписи и фиксации электронных действий [1]. Такая связь делает персональные данные важной частью правового режима электронной подписи [4].

Особое внимание уделяется рискам избыточной обработки данных, утечкам, неясному распределению ответственности между участниками цифровой инфраструктуры, а также недостаточной прозрачности процедур, связанных с использованием электронной подписи [2]. Автор исходит из того, что защита персональных данных в этой сфере не должна рассматриваться как дополнительное требование. Она является условием доверия к электронному документообороту и юридически значимым действиям, совершаемым в электронной форме [4].

В статье обосновывается необходимость более четкого определения минимального состава персональных данных, используемых при применении электронной подписи, усиления требований к операторам информационных систем и удостоверяющим центрам, а также закрепления понятных правил реагирования на утечки и иные инциденты [2]. Сделан вывод о том, что развитие электронной подписи невозможно без устойчивого режима защиты персональных данных [4].

Ключевые слова: электронная подпись, персональные данные, информационное право, электронный документ, удостоверяющий центр, цифровая идентификация, информационная безопасность.

Использование электронной подписи давно вышло за пределы технической процедуры. Сегодня она применяется в электронном документообороте, государственных сервисах, корпоративных системах, банковской сфере и иных формах цифрового взаимодействия [5]. Через электронную подпись подтверждается связь между лицом, электронным документом и юридически значимым действием [1]. Но эта связь не возникает сама по себе. Чтобы подпись могла выполнять свою функцию, система должна установить субъекта, проверить его данные, выдать или проверить сертификат, зафиксировать действие и сохранить сведения о нем [2].

Именно здесь возникает проблема персональных данных. Электронная подпись работает не только с документом, но и с информацией о человеке. При ее использовании могут обрабатываться фамилия, имя, отчество, данные документа, удостоверяющего личность, СНИЛС, ИНН, сведения о владельце сертификата, данные учетной записи, информация о времени входа в систему, IP-адресе, устройстве и совершенных операциях [1]. Состав данных

зависит от конкретной системы, но общий принцип один: чем серьезнее юридическое значение электронного действия, тем больше внимания уделяется установлению личности субъекта [2].

Федеральный закон «Об электронной подписи» определяет электронную подпись как информацию в электронной форме, которая присоединена к другой электронной информации или иным образом связана с ней и используется для определения лица, подписывающего информацию [1]. Уже само это определение показывает, что персональные данные находятся рядом с электронной подписью не случайно. Без сведений о субъекте невозможно подтвердить, кто именно подписал электронный документ и может ли такое действие иметь юридическое значение [2].

При этом обработка персональных данных не должна становиться чрезмерной. Закон «О персональных данных» закрепляет принцип целевой обработки: персональные данные должны обрабатываться для конкретных, заранее определенных и законных целей. Закон также прямо ука-

зывает, что объем обрабатываемых данных не должен быть избыточным по отношению к этим целям [2]. Для сферы электронной подписи это имеет практическое значение: если для выдачи сертификата, проверки подписи или подтверждения действия достаточно определенного набора сведений, сбор дополнительных данных требует отдельного обоснования.

На практике этот баланс выдерживается не всегда. Удостоверяющие центры, операторы информационных систем, сервисы электронного документооборота и организации, использующие электронную подпись, могут накапливать значительные массивы данных о пользователях [3]. Часть этих сведений нужна для нормальной работы системы. Например, без данных о владельце сертификата невозможно подтвердить принадлежность подписи, а без журналов операций трудно проверить спорное действие. Но проблема начинается там, где данные собираются «на всякий случай», хранятся неопределенно долго или становятся доступными слишком широкому кругу лиц [2].

Особенно чувствительным является вопрос повторного использования данных. Один и тот же субъект может передавать сведения удостоверяющему центру, работодателю, оператору электронного документооборота, государственному сервису и другим участникам цифровой инфраструктуры [3]. В результате персональные данные распределяются между несколькими системами. Для пользователя эта цепочка часто непрозрачна. Он может не понимать, кто именно хранит его сведения, кому они передаются, как долго сохраняются и кто отвечает при утечке или неправомерном использовании [2].

Эта проблема усиливается на фоне общего роста утечек персональных данных. По данным Роскомнадзора, за 2024 год было зафиксировано 135 случаев утечки баз данных, в которых содержалось более 710 млн записей о россиянах. Эти показатели не относятся только к электронной подписи, но они показывают масштаб рисков в цифровой среде. Когда персональные данные оказываются в открытом доступе, это затрагивает не только частную жизнь человека. Возникают риски неправомерного доступа к информационным системам, попыток оформить действия от чужого имени, использования данных для социальной инженерии и создания спорных ситуаций вокруг подлинности электронного документа [3].

Для электронной подписи утечка персональных данных особенно опасна. Сама по себе утечка не всегда означает, что подпись будет незаконно использована. Но она может стать первым звеном в цепочке нарушения. Например, раскрытые сведения могут применяться для восстановления доступа, обхода проверочных процедур, обмана пользователя или получения дополнительной информации о владельце сертификата. В такой ситуации электронная подпись формально может оставаться действующей, но доверие к действиям, совершенным с ее использованием, уже ослабевает [4].

Проблема состоит еще и в том, что законодательство о персональных данных и законодательство об элек-

тронной подписи часто работают параллельно. Первое регулирует обработку сведений о человеке, второе — виды электронной подписи, сертификаты, удостоверяющие центры и порядок применения подписи. Но при реальном использовании электронной подписи эти сферы пересекаются. Если данные субъекта были обработаны избыточно, переданы без достаточного основания или раскрыты третьим лицам, это влияет не только на режим персональных данных. Под вопросом оказывается и надежность электронного взаимодействия [4].

Поэтому защита персональных данных при использовании электронной подписи должна рассматриваться как часть ее правового режима [1]. Нельзя ограничиваться формальной фразой о согласии на обработку данных. Важно понимать, какие именно сведения собираются, зачем они нужны, кто получает к ним доступ и как субъект может защитить свои права при ошибке, утечке или спорном электронном действии. Электронная подпись должна подтверждать доверие к цифровому документу, а не создавать дополнительный риск для лица, чьи данные используются в системе.

Отдельного внимания требует принцип минимизации данных. Для разных процедур нужен разный объем сведений. Выдача квалифицированного сертификата требует более строгой идентификации. Проверка электронной подписи не всегда должна сопровождаться широким доступом к данным владельца. Хранение журналов операций может быть оправдано для последующего подтверждения действия, но такие журналы не должны превращаться в постоянный цифровой профиль пользователя. Чем точнее определена цель обработки, тем проще установить допустимый объем данных [2].

Практическая сложность заключается в распределении ответственности. В использовании электронной подписи участвуют разные субъекты: владелец подписи, удостоверяющий центр, оператор информационной системы, организация, где применяется электронный документооборот. Каждый из них обрабатывает отдельную часть информации. Но для субъекта персональных данных вся система выглядит единой. Если возникает проблема, ему важно понимать, кто обязан предоставить сведения, кто отвечает за хранение данных, кто должен уведомить об инциденте и кто принимает меры по прекращению риска.

В действующем регулировании эти вопросы не всегда раскрыты достаточно ясно. Закон задает общие требования к обработке персональных данных и к применению электронной подписи, но конкретная модель защиты часто зависит от правил информационной системы, соглашения участников или внутренних регламентов организации. Из-за этого уровень защиты может различаться. В одной системе пользователь получает уведомления о действиях с подписью, в другой — узнает о проблеме только после возникновения спора. Такая неравномерность снижает доверие к электронному документообороту.

Для решения обозначенных проблем нужны более понятные правила обработки персональных данных при использовании электронной подписи. В первую очередь следует точнее определить минимальный состав данных для разных процедур. Получение квалифицированного сертификата, проверка электронной подписи, хранение сведений в реестре и фиксация факта подписания документа — это не одно и то же. Для каждой процедуры нужен свой объем сведений. Если для выдачи сертификата требуется надежная идентификация лица, то при последующей проверке подписи во многих случаях достаточно подтвердить статус сертификата, срок его действия и отсутствие оснований для недоверия к подписи. Такой подход помогает снизить избыточную обработку данных без ослабления юридического значения электронной подписи.

Отдельное значение имеет срок хранения данных и доступ к ним. Сведения, связанные с использованием электронной подписи, не должны храниться неопределенно долго только потому, что они могут когда-нибудь пригодиться. Это касается данных о владельце сертификата, журналов действий, сведений о входах в систему и подтверждении операций. Если срок хранения и круг лиц, имеющих доступ к таким данным, не определены ясно, цифровой след пользователя становится слишком объемным. Это повышает риск утечек и последующего неправомерного использования сведений.

Нужна и более прозрачная система информирования пользователя. Формального согласия на обработку персональных данных недостаточно, если человек не понимает, какие сведения используются и зачем. При получении сертификата ему должно быть понятно, какие данные нужны для идентификации. При подписании документа — что именно подписывается, каким видом электронной подписи и какие сведения фиксирует система. При изменении данных, аннулировании сертификата или подозрительной активности пользователь должен получать не общую формальную фразу, а понятное уведомление с указанием возможных действий.

Еще одно направление — быстрый порядок реагирования на утечки и иные инциденты. Если данные, связанные с электронной подписью, могли быть раскрыты или использованы неправомерно, субъект должен понимать, что делать: проверить действующие сертификаты, изменить средства доступа, обратиться к удостоверяющему центру, ограничить использование подписи или отозвать сертификат. Такой порядок должен быть заранее закреплен в правилах информационной системы, регламентах удостоверяющих центров и соглашениях об электронном взаимодействии.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

Особую роль здесь играют удостоверяющие центры и операторы информационных систем. Именно они могут выявить подозрительную активность, проверить статус сертификата, ограничить использование скомпрометированных средств доступа и предоставить сведения о спорных действиях [3]. Поэтому их участие не должно сводиться только к выдаче сертификата или хранению сведений в реестре. В сфере электронной подписи они фактически поддерживают режим доверия, а значит, должны участвовать и в защите персональных данных при возникновении рисков [4].

Такие меры позволяют сократить избыточную обработку данных, сделать действия участников цифровой инфраструктуры более понятными и снизить последствия возможных утечек. Для электронной подписи это имеет прямое значение: чем яснее устроена защита персональных данных, тем устойчивее доверие к электронному документу и цифровому взаимодействию в целом.

Проблема защиты персональных данных при использовании электронной подписи не сводится к вопросу конфиденциальности. Электронная подпись работает только тогда, когда можно установить связь между субъектом, электронным документом и совершенным действием [1]. Для этого обрабатываются сведения о лице, сертификате, учетной записи и действиях в информационной системе. Поэтому персональные данные становятся частью механизма доверия к электронной подписи.

Основной риск связан с тем, что цифровая инфраструктура нередко накапливает больше данных, чем нужно для конкретной цели [2]. Эти сведения хранятся в разных системах, передаются между участниками электронного взаимодействия и могут использоваться при проверке подписи или разрешении спора. Если порядок обработки непрозрачен, а сроки хранения и доступ к данным определены слишком широко, электронная подпись из средства правовой определенности может превратиться в источник новых рисков [4].

Для устойчивого применения электронной подписи нужно точнее связывать ее правовой режим с требованиями законодательства о персональных данных [2]. Важны минимальный состав обрабатываемых сведений, понятное информирование пользователя, распределение ответственности между удостоверяющими центрами, операторами информационных систем и иными участниками, а также быстрый порядок реагирования на утечки и компрометацию данных [3]. Такой подход укрепляет доверие к электронному документообороту и снижает риск оспаривания юридически значимых действий, совершенных в электронной форме.

4. Рассолов И. М. Информационное право: учебник и практикум для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 427 с.
5. Рассолов И. М. Информационное право: курс лекций. М.: МГПУ, 2020. 168 с.

Пути совершенствования системы юридической ответственности за коррупционные правонарушения

Сигалаев Денис Васильевич, студент магистратуры
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

Введение

Противодействие коррупции входит в число постоянных приоритетов государственной политики Российской Федерации. Несмотря на наличие в стране разветвленной нормативной базы и различных механизмов контроля, коррупционные правонарушения продолжают иметь место, негативно влияя на деятельность органов публичной власти и снижая уровень доверия общества к государству.

Как показывает правоприменительная практика, само по себе наличие норм, устанавливающих юридическую ответственность за коррупционные правонарушения, не гарантирует достижения поставленных целей. Существенное значение имеют качество правового регулирования, согласованность мер ответственности и особенности их применения на практике. В ряде случаев именно недостатки в реализации правовых норм сводят к минимуму превентивный эффект.

В связи с этим особую актуальность приобретает анализ путей совершенствования системы юридической ответственности за коррупционные правонарушения с учетом реальных проблем правоприменения. Рассмотрение данного вопроса позволяет выявить направления развития законодательства и практики, способствующие повышению эффективности антикоррупционной политики.

Целью настоящей статьи является определение основных направлений совершенствования системы юридической ответственности за коррупционные правонарушения. Проведен анализ действующей системы ответственности и проблем ее реализации, сформулированы обоснованные предложения по ее дальнейшему развитию.

Система юридической ответственности за коррупционные правонарушения

Юридическая ответственность за коррупционные правонарушения в Российской Федерации формируется как совокупность взаимосвязанных мер, применяемых в различных отраслях права. Такой подход обусловлен

сложным характером коррупционных проявлений, которые затрагивают публичные, имущественные и служебные отношения.

Уголовная ответственность предусмотрена за наиболее опасные для общества коррупционные деяния и ориентирована на их пресечение и предупреждение. Административная ответственность, в свою очередь, позволяет оперативно реагировать на правонарушения меньшей степени общественной опасности, совершаемые в том числе юридическими лицами. Гражданско-правовые меры направлены на компенсацию причиненного вреда и изъятие незаконно полученных доходов, а дисциплинарная ответственность обеспечивает соблюдение норм служебной этики и антикоррупционных стандартов.

На практике, однако, указанные виды ответственности не всегда применяются согласованно. В ряде случаев наблюдается их формальное сосуществование при отсутствии единого подхода к реагированию на коррупционные правонарушения, что снижает общую эффективность правового воздействия.

Ответственность должностных и юридических лиц за коррупционные правонарушения

Особое место в системе противодействия коррупции занимает ответственность должностных лиц, поскольку именно они наделены полномочиями на принятие управленческих решений. Совершение такими лицами коррупционных правонарушений причиняет значительный вред публичным интересам и объективно предполагает применение более строгих и последовательных мер ответственности.

Вместе с тем привлечению должностных лиц к ответственности нередко препятствуют трудности доказывания и проблема оценки служебных полномочий. Это приводит к ситуациям, когда очевидные с точки зрения общественной оценки коррупционные проявления могут не получать надлежащей правовой реакции.

Не менее важным является институт ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения. Привлечение организаций к ответственности за незаконное вознаграждение от их имени способствует фор-

мированию антикоррупционных стандартов делового поведения и стимулирует внедрение внутрикорпоративных механизмов комплаенса.

Проблемы реализации юридической ответственности за коррупционные правонарушения

Практика реализации юридической ответственности за коррупционные правонарушения выявляет ряд нерешенных проблем. Одной из них является отсутствие четких критериев разграничения видов ответственности и связанные с этим затруднения при выборе адекватной правовой реакции на конкретное деяние.

Существенные сложности возникают и на стадии доказывания. Коррупционные правонарушения, как правило, носят латентный характер и сопровождаются использованием сложных схем, для выявления которых правоохранительным органам требуются значительные ресурсы, включая высококвалифицированных сотрудников. В результате значительная часть дел либо прекращается, либо переквалифицируется.

Кроме того, неоднородность судебной практики приводит к различным правовым оценкам схожих ситуаций. Это снижает предсказуемость правоприменения и негативно отражается на доверии к институту юридической ответственности.

Основные направления совершенствования системы юридической ответственности

По мнению автора, совершенствование системы юридической ответственности за коррупционные правонарушения должно осуществляться в нескольких ключевых направлениях. В первую очередь необходимо уточнить законодательные формулировки, устанавливающие основания и пределы ответственности.

Важно также обеспечить соразмерность санкций характеру и последствиям совершенного деяния. Чрезмерная

строгость либо неоправданная мягкость наказаний снижают их превентивный потенциал и не способствуют достижению целей применения.

Значительную роль играет и развитие судебной практики, в том числе формирование единых подходов к применению антикоррупционных норм посредством разъяснений со стороны высших судебных органов.

Профилактика коррупционных правонарушений как элемент системы юридической ответственности

Профилактика коррупционных правонарушений органично дополняет систему юридической ответственности. Ограничения и запреты, установленные для государственных и муниципальных служащих, контроль доходов и расходов, а также антикоррупционное обучение способствуют снижению риска совершения правонарушений.

Эффективность профилактических мер во многом зависит от уровня правосознания и добросовестности должностных лиц. В связи с этим формирование нетерпимого отношения к коррупции должно рассматриваться как важнейшая задача государственной политики.

Заключение

Таким образом, совершенствование системы юридической ответственности за коррупционные правонарушения представляет собой комплексную задачу, требующую согласованных усилий законодателя, правоприменительных органов и судебной системы. Устранение выявленных проблем позволит повысить эффективность противодействия коррупции и укрепить доверие общества к государственным институтам.

Сформулированные выводы и предложения могут быть использованы как в научных исследованиях, так и в практической деятельности, а также при подготовке выпускных квалификационных работ по проблемам юридической ответственности за коррупционные правонарушения.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (редакция от 28.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу 01.01.2026) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 27.05.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации (редакция от 09.04.2026, с изм. и доп., вступ. в силу 20.04.2026) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 27.05.2026).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ред. от 02.05.2026) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 27.05.2026).
4. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 09.12.2025) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 27.05.2026).

Анализ и обобщение судебной практики по признанию постройки самовольной

Смолина Галина Линуровна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

Работа посвящена анализу и обобщению судебной практики по застройке земельных участков, которая в ряде случаев восполняет пробелы в правовом регулировании земельных отношений (признание постройки самовольной).

Ключевые слова: земельное право, правовое регулирование застройки земель, самовольная постройка.

Современное правовое регулирование земельных отношений характеризуется наличием ряда пробелов и коллизий, особенно в сфере застройки земельных участков. Несмотря на существование базовых нормативных актов — Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ), Градостроительного кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) на практике нередко возникают спорные ситуации, связанные с вопросами легализации самовольных построек. В этих условиях особую роль играет судебная практика, которая не только помогает разрешить конкретные споры, но и фактически восполняет пробелы в законодательстве, формируя устойчивые правовые позиции.

Рассмотрим часто встречающиеся случаи из судебной практики по реализации на практике норм статьи 263 ГК РФ о застройке земельных участков: признание построенного объекта недвижимости самовольной постройкой (ст. 222 ГК РФ).

Статьей 222 ГК РФ установлено, что самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные или созданные без получения на это необходимых в силу закона согласований, разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, если разрешенное использование земельного участка, требование о получении соответствующих согласований, разрешений и (или) указанные градостроительные и строительные нормы и правила установлены на дату начала возведения или создания самовольной постройки и являются действующими на дату выявления самовольной постройки. При этом не признается самовольной постройкой здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные с нарушением установленных в соответствии с законом ограничений использования земельного участка, если собственник данного объекта не знал и не мог знать о действии указанных ограничений в отношении принадлежащего ему земельного участка.

Согласно пункта 2 указанной статьи лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности. Это лицо не вправе распоряжаться постройкой — продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки. Такая постройка подлежит сносу или

приведению в соответствие с правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории, или обязательными требованиями к параметрам постройки, предусмотренными законом.

Право собственности на самовольную постройку может быть признано судом. Решение о сносе самовольной постройки либо решение о ее приведении в соответствие с установленными требованиями принимается судом либо в ряде случаев органами местного самоуправления в соответствии с их компетенцией, установленной законом.

Статья 222 ГК РФ определяет признаки самовольной постройки, но судебная практика [1, 2, 3] показывает, что:

- критерии «существенности» нарушения норм не всегда однозначны;
- возможность сохранения постройки при незначительных нарушениях требует дополнительных критериев оценки;
- порядок сноса или приведения в соответствие не всегда учитывает интересы добросовестных застройщиков;
- органы местного самоуправления имеют соблазн превысить свои полномочия по принятию решения о сносе самовольной постройки и признания ее таковой.

Нечеткость критериев для признания постройки самовольной, установленных статьей 222 ГК РФ, и многочисленных случаев рассмотрения судами вопроса признания самовольной постройкой объектов недвижимости привела к необходимости принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной застройке» (далее — постановление ПВС РФ № 44) в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами правовых норм о самовольной застройке.

Постановлением ПВС РФ № 44 установлен исчерпывающий перечень признаков самовольной постройки при наличии хотя бы одного из следующих признаков:

- возведение (создание) на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке;
- возведение (создание) на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта на дату начала его возведения и на дату выявления постройки;
- возведение (создание) объекта без получения на это необходимых в силу закона согласований, разрешений,

если требование о получении соответствующих согласований, разрешений установлено на дату начала возведения и является действующим на дату выявления постройки;

— возведение (создание) с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, если такие нормы и правила установлены на дату начала возведения постройки и являются действующими на дату ее выявления.

В связи с тем, что органами местного самоуправления начали устанавливаться свои критерии отнесения постройки к самовольной, Постановлением ПВС РФ № 44 также установлено, что:

органы власти не вправе вводить дополнительные признаки самовольной постройки;

изменение требований к строительству после начала правомерного строительства или реконструкции объекта (например, установление границ территорий общего пользования (красных линий) после начала строительства объекта с соблюдением правового режима земельного участка) не является основанием для признания такой постройки самовольной;

постройку могут признать самовольной на любом этапе ее строительства, начиная с возведения фундамента; могут признать самовольной постройкой:

— объект, который возник в результате реконструкции объекта недвижимости, изменившей его параметры и части (высоту, количество этажей, площадь, объем);

— объект, который создан на участке, находящемся в долевой собственности (в результате реконструкции объекта, находящегося в долевой собственности), без согласия всех собственников;

— объект, созданный с нарушениями градостроительных, строительных норм и правил (по общему правилу);

суд может признать объект самовольной постройкой и принять решение о сносе, даже если право на нее зарегистрировано;

можно признать право собственности на самовольную постройку (когда иное не установлено законом), не имея разрешения на строительство, если делались попытки легализовать ее в административном порядке;

самовольную постройку снесут, если она возведена без учета разрешенного использования земельного участка и ее нельзя привести в соответствие с правилами землепользования и застройки;

решение суда о сносе самовольной постройки, права на которую зарегистрированы, прекращает все обременения

(заклад, аренду и т. д.) независимо от фактического исполнения такого решения.

Значительное количество иных разъяснений высших судов [4, 5, 6, 7, 8, 9] показывает, сколько пробелов в регулировании вопроса признания постройки самовольной существует в действующем законодательстве Российской Федерации.

Один из важных выводов высших судов — положения ст. 222 ГК РФ не распространяются на строения, не относящиеся к недвижимому имуществу.

Проанализировав судебную практику по применению положений статьи 222 ГК РФ в рамках реализации на практике положений статьи 363 ГК РФ можно сделать следующие выводы по регулированию самовольных построек:

признаки самовольной постройки четко определены в ст. 222 ГК РФ и постановлении ПВС РФ № 44, дополнительные признаки органами власти вводиться не могут;

существенность нарушений оценивается судом индивидуально по каждому делу на основании доказательств; незначительные нарушения не всегда ведут к сносу построенного объекта;

право собственности на самовольную постройку может быть признано судом при соблюдении ряда условий (наличие прав на участок, соответствие постройки требованиям, отсутствие нарушений прав третьих лиц);

проводить мероприятия по легализации возводимого объекта необходимо до начала строительства; попытки легализации после возведения постройки часто приводят к отказам;

снос или приведение объекта недвижимости в соответствие требованиям законодательства происходит по решению суда или уполномоченного органа местного самоуправления;

защита прав третьих лиц — ключевой критерий: сохранение постройки допустимо, если это не нарушаются их права и не создается угрозы жизни/здоровью;

положения ст. 222 ГК РФ не распространяются на строения, не относящиеся к недвижимому имуществу;

исключения предусмотрены для случаев, когда лицо не знало/не могло знать об ограничениях.

Для снижения рисков признания постройки самовольной рекомендуется:

заранее проверять разрешённое использование участка и наличие ограничений;

получать все необходимые разрешения до начала строительства;

документировать попытки легализации возводимого объекта недвижимости для возможного последующего использования в суде.

Литература:

1. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022), «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 2, февраль, 2023.
2. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014), «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 6, 2014.

3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.12.2010 N 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации», «Вестник ВАС РФ», № 2, февраль, 2011.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2021 № 48-П.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025) (утв. Президиумом ВС РФ 08.10.2025).
7. Обзор судебной практики по спорам, связанным с реконструкцией, переустройством и перепланировкой помещений в многоквартирном доме (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023).
8. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022).
9. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2021) (утв. Президиумом ВС РФ 30.06.2021).

Институт примирительных процедур в гражданском процессе

Степчук Татьяна Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ширяева Кристина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье рассматривается важность внедрения примирительных процедур в гражданском процессе. Проведение примирительных процедур способно снизить нагрузку на судебную систему, которая приводит к ухудшению качества правосудия, а также в процессе примирения обе стороны чем-то пожертвуют и взамен что-то приобретут, впоследствии у них не будет причин для неисполнения судебного акта, как это зачастую бывает в исполнительном производстве. На основании изученной научной литературы в данной статье представлены главные причины актуальности использования примирительных процедур в гражданском процессе, а также факторы, тормозящие применение примирительных процедур.

Ключевые слова: примирительные процедуры, гражданский процесс, загруженность судов, правовая грамотность граждан, достижение компромисса, улучшение качества правосудия.

Развитие человечества всегда сопровождалось конфликтами, которые в зависимости от степени развития общества решались различными способами. Один из таких способов — примирение. Так, развитие института примирения шло параллельно с развитием общества.

В современном обществе законодатель понимает важность развития и внедрения института примирения, эту позицию отображают изменения в законодательстве. Так, например, с 2011 года действует Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1] (далее — ФЗ «О медиации»), что как раз указывает на то, что законодатель стремится развивать институт примирения и осознаёт его важность и необходимость. Также в 2019 году Федеральным законом в ГПК РФ [2] была введена глава 14.1, которая предусматривает применение примирительных процедур на любой стадии гражданского процесса и при исполнении судебного акта, а также содержит положения относительно мирового соглашения и его исполнения.

Активное внедрение примирительных процедур способствует проявлению осознанности и самостоятельности в обществе, что помогло бы решить проблему загруженности судов, ведь как раз ввиду отсутствия правовой самостоятельности люди стремятся урегулировать любые

свои проблемы сразу через судебную инстанцию, даже не рассматривая вариант о том, что их проблемы возможно разрешить при помощи примирения.

Согласно статистике с сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [3], в которой представлены данные по спорам, урегулированным путем проведения процедуры медиации и судебного примирения, с каждым годом в России растет количество обращений в суд по гражданским делам, значительного роста примирительных процедур не отмечается, но при этом число их применения остается стабильным — за 2021 год из 23 478 946 гражданских дел только 721 спор урегулирован путем примирения сторон, за 2022 год поступило 26 021 658 гражданских дел из которых 897 урегулированы, также представлена статистика за 2023 год — всего поступило 28 482 785 гражданских дел из которых урегулировано 982, за 2024 год поступило 29 293 839, урегулировано из них 1 087. За первое полугодие 2025 года поступило 10 541 169 дел, урегулировано из них 538 дел.

Данная статистика свидетельствует о том, что с каждым годом в России растет количество обращений в суд по гражданским делам, а на пути развития примирительных процедур присутствуют факторы, которые тормозят их применение:

1. Отсутствие правовой грамотности граждан, неготовность брать ответственность на себя, нежелание идти на уступки и находить компромиссы, распространённость мнения о том, что лишь уполномоченный орган способен разрешить грамотно их правовой спор;

2. Прямое влияние на применение примирительных процедур оказывает низкий показатель в исполнении судебных актов в принудительном порядке, поэтому у стороны нет заинтересованности в примирении, так как возникает возможность злоупотребить своим правом и избежать исполнения решения суда;

3. Отсутствие заинтересованности представителей сторон в урегулировании спора. Данный фактор можно обосновать тем, что в процессе обучения юристов акцент делается на получение навыков по подготовке процессуальных документов, по самостоятельному моделированию ситуаций, потенциально возможных в рамках судебных разбирательств. На изучение альтернативных способов урегулирования споров отводится довольно небольшое количество времени, в которое входит изучение основной теории без составления необходимых документов для данных процедур. Также для участия в примирении представителю необходимо обладать знаниями в области психологии.

Что касается самих примирительных процедур, тут важно отметить, что ввиду того, что это достаточно новый институт, несмотря на то, что примирительные процедуры урегулированы российским законодательством, а именно ГПК, АПК, а также ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», ни один их перечисленных нормативно-правовых актов не содержит в себе определения примирительных процедур. В науке и правоприменительной практике также нет единого понятия примирительных процедур, что является пробелом в российском законодательстве, но всё же некоторые учёные, а в некоторых случаях и суды выделяют сами данное понятие.

Например, О. Н. Здрок в диссертации на тему, касающуюся примирительных процедур, дала понятие прими-

рительных процедур: «как предусмотренных законом, договором или существующих на уровне обычая процедур, имеющих целью урегулирование конфликта его сторонами путем выработки в ходе переговоров с привлечением или без привлечения иных лиц соглашения, результатом которого становится отказ сторон конфликта от обращения за его разрешением в юрисдикционные органы либо окончание юрисдикционного процесса без вынесения правоприменительного акта, разрешающего дело по существу» [4].

Также примером может послужить решение Арбитражного суда, в котором под претензионным или иным досудебным порядком урегулирования спора понимается одна из форм защиты гражданских прав, которая заключается в попытке урегулирования спорных вопросов непосредственно между предполагаемыми кредитором и должником по обязательству до передачи дела в арбитражный суд [5].

Таким образом, можно сказать, что примирительные процедуры — это определённые способы, которые направлены на урегулирование спора между конфликтующими сторонами своими силами или при помощи посредника, путём достижения компромисса, выраженного в заключении мирового соглашения.

Целью примирительных процедур является достижения компромисса, путём уступок с обеих сторон, который поможет сохранить мирные отношения между сторонами конфликта. Судебная же процедура разрешения спора в свою очередь имеет иную цель, которая направлена на вынесение положительного решения для той стороны, которая окажется правой, основываясь при этом на нормах права действующего законодательства.

Из всего вышеперечисленного стоит отметить, что примирительные процедуры в гражданском процессе — важный институт, который при должном внимании способен разгрузить судебную систему, что впоследствии поможет улучшить качество правосудия, так как у судей появится больше времени на рассмотрение наиболее сложных споров.

Литература:

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193 (ред. от 26.07.2019 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. ст. 4162; 2019. № 30. ст. 4099.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532; 2026. № 15. ст. 1846.
3. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 23.05.2026).
4. Здрок О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: автореферат дис. доктора юридических наук: по специальности 12.00.15 Гражданский процесс; хозяйственный процесс; арбитражный процесс. Минск, 2019. 50 с.
5. Решение Арбитражного суда Брянской области от 6 мая 2022 г. по делу № А09–1905/2021 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mkob3IQ7kJWw/> (дата обращения: 23.05.2026).

Сущность корпоративного права

Сычева Наталья Леонидовна, студент

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье исследуется сущность корпоративного права как комплексного и дискуссионного явления современной юридической науки. Рассматриваются основные теоретические подходы к определению корпоративного права, его признаки, предмет и метод правового регулирования. Особое внимание уделяется принципам, функциям, источникам и месту корпоративного права в системе российского права. Анализируются современные тенденции его развития, включая цифровизацию корпоративных отношений и усиление требований к корпоративному управлению и защите прав участников.

Ключевые слова: право, корпорация, управление, участник, норма, ответственность, экономика.

Сущность корпоративного права представляет собой одну из наиболее значимых и дискуссионных категорий современной юридической науки, поскольку корпоративные отношения занимают важное место в системе экономических и правовых связей государства. Корпоративное право регулирует деятельность юридических лиц, порядок управления корпорациями, права и обязанности их участников.

Актуальность исследования связана с тем, что в современных условиях корпоративное право активно развивается под воздействием процессов цифровизации экономики, глобализации бизнеса и модернизации гражданского законодательства. Постоянное совершенствование корпоративных механизмов, появление новых форм корпоративных отношений и необходимость повышения эффективности управления юридическими лицами обуславливают потребность в теоретическом осмыслении сущности корпоративного права и его места в системе российского права.

В современной юридической науке существует несколько подходов к определению корпоративного права, сформированных различными учёными-цивилистами. А. В. Волченко рассматривает корпоративное право, как составную часть гражданского права, регулиющую имущественные и связанные с ними неимущественные отношения внутри корпораций [5, с. 76]. По мнению учёного, корпоративные отношения основаны на принципах юридического равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Аналогичной позиции придерживается В. В. Сбитнева, определяющая корпоративное право, как совокупность гражданско-правовых норм, регулирующих порядок создания, деятельности и прекращения корпоративных организаций [7, с. 355]. Данный подход получил отражение и в нормах Гражданского кодекса РФ [2], особенно после реформы корпоративного законодательства 2014 года.

Иной подход представлен по мнению Э. Р. Хамитовой, которые рассматривают корпоративное право, как самостоятельную комплексную отрасль права [10, с. 243]. И. В. Скобилова указывает, что корпоративное право объединяет нормы различных отраслей — гражданского, предпринимательского, трудового и административного права, поскольку регулирует не только имущественные, но и ор-

ганизационно-управленческие отношения внутри корпораций [8, с. 307]. А. А. Хлыбов подчеркивает, что сущность корпоративного права проявляется в регулировании корпоративного управления, корпоративного контроля и защиты прав участников хозяйственных обществ [11, с. 515].

К числу основных признаков корпоративного права относятся следующие положения:

- нормативность: корпоративное право представляет собой систему общеобязательных норм, регулирующих типичные внутрикорпоративные отношения;
- внутриорганизационный характер: регулирование направлено на внутреннюю деятельность корпорации и поведение её участников;
- комплексность правового регулирования: сочетает нормы гражданского, предпринимательского, административного и трудового права;
- организационно-управленческая направленность: регулирует вопросы управления корпорацией, компетенцию органов и порядок принятия решений;
- локальный характер норм: значительная часть правил закрепляется в корпоративных актах (устав, внутренние положения);
- сочетание диспозитивного и императивного методов: участники обладают автономией воли, но в рамках обязательных законодательных требований;
- наличие корпоративного принуждения: обеспечение исполнения норм осуществляется внутри корпорации, а при необходимости — государственными механизмами защиты.

Предмет корпоративного права составляет совокупность корпоративных правоотношений, возникающих в процессе создания, деятельности, реорганизации и ликвидации юридических лиц корпоративного типа (хозяйственных обществ и товариществ). В рамках данных отношений регулируются вопросы участия учредителей и участников в корпорации, формирование и изменение уставного капитала, распределение корпоративных прав (в частности, права голоса и права на получение дивидендов), порядок управления юридическим лицом через его органы (общее собрание, совет директоров, исполнительные органы).

Метод корпоративного права представляет собой совокупность юридических способов и приёмов воздей-

ствия на корпоративные отношения, определяющих характер регулирования поведения участников корпораций.

С одной стороны, диспозитивный метод проявляется в предоставлении участникам корпорации свободы усмотрения при определении условий участия в обществе, распределения прав и обязанностей, заключения корпоративных соглашений и регулирования внутренней структуры через устав и локальные акты. С другой стороны, императивный метод выражается в обязательных законодательных предписаниях, регулирующих порядок создания и ликвидации юридических лиц, компетенцию органов управления, защиту прав акционеров и участников. В результате метод корпоративного права носит императивно-диспозитивный характер, обеспечивая баланс автономии воли участников и публичных гарантий стабильности корпоративного оборота.

Принципы корпоративного права представляют собой исходные и наиболее общие положения, которые определяют содержание и направленность регулирования корпоративных отношений. Они выступают системообразующей основой отрасли, поскольку через них выражается баланс интересов участников корпорации, самой корпорации и государства. Принципы пронизывают все уровни регулирования — от норм законодательства до внутренних корпоративных актов — и обеспечивают внутреннее единство правового регулирования корпоративных отношений.

К числу ключевых принципов корпоративного права относится, прежде всего, принцип пропорциональности участия, предполагающий зависимость объёма корпоративных прав от вклада участника в уставный капитал. Существенное значение имеет принцип автономии воли, выражающийся в возможности участников самостоятельно определять внутреннюю структуру и правила деятельности корпорации через устав и корпоративные соглашения. Наряду с этим действует принцип равенства участников, обеспечивающий недопустимость произвольного ущемления прав миноритариев [6, с. 78].

Функции корпоративного права отражают основные направления его воздействия на корпоративные отношения и раскрывают его роль в системе правового регулирования экономики и предпринимательской деятельности:

- регулятивная функция: установление правил создания, управления и прекращения деятельности корпораций;
- охранительная функция: защита корпоративных прав участников, акционеров и самой корпорации от нарушений и злоупотреблений;
- организационная функция: обеспечение структуры управления юридическим лицом, распределения компетенции между органами управления и упорядочение внутренних процессов;
- контрольная функция: закрепление механизмов внутреннего и внешнего контроля (ревизионные комиссии, аудит, государственный надзор);

– компенсационно-восстановительная функция: восстановление нарушенных прав участников и возмещение убытков, причинённых корпоративными нарушениями;

– стимулирующая функция: формирование условий для эффективного корпоративного управления и повышения инвестиционной привлекательности корпораций.

Источники корпоративного права представляют собой систему внешних форм выражения правовых норм, регулирующих корпоративные отношения. В российской правовой системе базовым источником выступает Конституция РФ [1], закрепляющая общие принципы свободы экономической деятельности, признания и защиты частной собственности, равенства форм собственности.

Центральное место занимает Гражданский кодекс РФ [2], особенно его часть первая, где закреплены положения о юридических лицах корпоративного типа, их организационно-правовых формах, порядке управления и основах участия в корпорациях. Существенное значение имеют специальные федеральные законы, прежде всего Федеральный закон «Об акционерных обществах» [3] и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» [4], которые детально регулируют корпоративную структуру, компетенцию органов управления, порядок проведения собраний участников и защиту прав акционеров и участников.

Место корпоративного права в системе российского права определяется его двойственной природой и тесной связью прежде всего с гражданским правом, поскольку корпоративные отношения прямо включены в предмет его регулирования (ст. 2 ГК РФ). В доктрине преобладает позиция, согласно которой корпоративное право рассматривается как подотрасль гражданского права, регулирующая отношения участия в корпоративных организациях и управления ими. В этом смысле оно не образует самостоятельной отрасли, а выступает структурным элементом частноправового регулирования, применяя гражданско-правовые методы равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности субъектов.

Вместе с тем в юридической литературе существует и альтернативный подход, согласно которому корпоративное право включается в систему предпринимательского (хозяйственного) права как комплексное образование, сочетающее нормы гражданского, административного, финансового и трудового права. Корпоративные отношения включают не только имущественные, но и организационно-управленческие элементы, где проявляются элементы власти и подчинения. В результате корпоративное право занимает промежуточное положение в системе права, соединяя частноправовые и публично-правовые начала регулирования [9, с. 313].

Современное корпоративное право развивается в условиях усложнения экономических связей, цифровизации управления и усиления регуляторного воздействия государства на корпоративный сектор. Одной из ключевых тенденций является цифровая трансформация корпоративных отношений: внедрение электронного го-

лосования, дистанционных форм проведения общих собраний, использование цифровых реестров акционеров и элементов искусственного интеллекта в корпоративном управлении. Параллельно усиливается регуляторная нагрузка на корпорации, связанная с требованиями прозрачности структуры собственности, раскрытия информации, комплаенса и ESG-стандартов.

К числу актуальных проблем относятся корпоративные конфликты между участниками и менеджментом, недостаточная защита миноритарных акционеров, злоупотребления корпоративным контролем и сложности в применении механизмов корпоративного управления в транснациональных компаниях. Существенное значение приобретает проблема правового регулирования новых объектов корпоративных отношений, включая цифровые активы и корпоративные структуры с участием искусственного интеллекта. Сохраняется дискуссия о балансе между государственным регулированием и автономией корпораций, о необходимости адаптации корпоративного законодательства к глобализации рынков и усилению международной конкуренции.

В ходе проведённого исследования установлено, что корпоративное право представляет собой сложную и многоаспектную правовую категорию, объединяющую нормы, регулирующие создание, деятельность, реорганизацию и ликвидацию корпораций. В юридической доктрине отсутствует единый подход к определению его сущности: одни учёные рассматривают корпоративное право, как подотрасль гражданского права, другие — как комплексную или потенциально самостоятельную отрасль.

Корпоративное право обладает специфическими признаками, включающими сочетание диспозитивного и императивного методов регулирования, внутриорганизационный характер отношений и значительную роль локальных корпоративных актов. Его предмет и методы отражают баланс частных интересов участников и публичных гарантий стабильности экономического оборота. Современное развитие корпоративного права характеризуется цифровизацией корпоративных процессов, усилением требований к прозрачности управления и необходимостью совершенствования механизмов защиты корпоративных прав.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025)
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью»
5. Волченко, А. В. К вопросу об определении понятия корпоративного правоотношения // Инновационная наука. — 2022. — № 1. — С. 73–76.
6. Корпоративное право / Г. Ф. Ручкина, О. Н. Васильева, И. И. Ромашкова, Е. Л. Венгеровский; под ред. д-ра юрид. наук Г. Ф. Ручкиной. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 160 с.
7. Сбитнева, В. В. Корпоративное право в системе современного российского права // Научные междисциплинарные исследования. — 2021. — № 1. — С. 355–362.
8. Скобилева, И. В. Место корпоративного права в системе российского права // Молодой ученый. — 2025. — № 19 (570). — С. 305–307.
9. Хамитова, Э. Р. Сущность корпоративного права // Молодой ученый. — 2026. — № 12 (615). — С. 311–313.
10. Хамитова, Э. Р. Правовая природа корпоративных прав // Молодой ученый. — 2026. — № 13 (616). — С. 243–244.
11. Хлыбов, А. А. Правовая сущность корпоративных правоотношений // Вестник науки. — 2026. — № 4(97). — С. 505–515.

Основания для признания несостоятельности (банкротства) физических лиц

Титаев Даниил Иванович, студент

Научный руководитель: Романова Галина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

Статья посвящена системному анализу материально-правовых и процессуальных оснований для признания гражданина банкротом. На основе разъяснений Верховного Суда РФ (Постановление Пленума № 40 от 17.12.2024, Обзор судебной практики от 18.06.2025), статистических данных за 2025–2026 гг. и сравнительно-правового анализа выявлены ключевые проблемы: неопределенность содержания категорий «неплатежеспособность» и «недостаточность имуще-

ства», формальный характер презумпций, отсутствие четких критериев выбора между процедурами реструктуризации и реализации, размытость пределов исполнительского иммунитета, а также низкая доступность внесудебного банкротства как альтернативного основания освобождения от долгов. Предлагаются конкретные законодательные изменения, включая закрепление легальных критериев неплатежеспособности, введение «теста на средний доход», расширение порогов внесудебного банкротства и внедрение элементов немецкой «фазы хорошего поведения».

Ключевые слова: банкротство физических лиц, основания несостоятельности, неплатежеспособность, недостаточность имущества, реструктуризация долгов, исполнительский иммунитет, внесудебное банкротство, злоупотребление правом.

Grounds for recognizing the insolvency (bankruptcy) of individuals

Titayev Daniil Ivanovich, student

Scientific advisor: Romanova Galina Vladimirovna, phd in law, associate professor
Russian New University (Moscow)

The article is devoted to a systematic analysis of the substantive and procedural grounds for declaring a citizen bankrupt. Based on the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation (Resolution of the Plenum No. 40 dated 12/17/2024, Review of Judicial Practice dated 06/18/2025), statistical data for 2025–2026. The comparative legal analysis revealed key problems: the uncertainty of the content of the categories «insolvency» and «insufficient property», the formal nature of presumptions, the lack of clear criteria for choosing between restructuring and implementation procedures, the blurred limits of executive immunity, as well as the low availability of out-of-court bankruptcy as an alternative basis for debt relief. Specific legislative changes are proposed, including the consolidation of legal criteria for insolvency, the introduction of the «average income test», the expansion of the thresholds for out-of-court bankruptcy and the introduction of elements of the German «phase of good behavior».

Keywords: bankruptcy of individuals, grounds for insolvency, insolvency, insufficient property, debt restructuring, executive immunity, extrajudicial bankruptcy, abuse of law.

Сведения в России процедуры банкротства физических лиц (1 октября 2015 г.) прошло более десяти лет. За это время суммарное количество людей, получивших статус финансово несостоятельных, перешло отметку 2,22 млн. Только за 2025 год суды признали банкротами около 568 тыс. россиян — прирост на 31,5 % по сравнению с 2024 годом; еще 68,3 тыс. воспользовались упрощенным порядком [13]. На первый взгляд, цифры говорят о востребованности института. Однако массовость применения не сопровождается ясностью главного вопроса: при каких именно обстоятельствах человека можно/нужно признать банкротом.

Хотя закон оперирует двумя базовыми критериями: неплатежеспособностью и недостаточностью имущества, — их реальное содержание остается расплывчатым [4]. Суды трактуют их по-разному: в одном регионе трехмесячная просрочка автоматически ведет к банкротству, в другом — отказывают, если должник доказывает, что может расплатиться в ближайшем будущем. Сложности со сбором доказательств и законодательные презумпции создают неравенство: у кредиторов информации о реальных финансах должника меньше, чем у него самого. Кроме того, выбор между реабилитационной процедурой и ликвидационной никак не привязан к объективным показателям — отсюда перекося: доля реструктуризации упала ниже и стала ничтожно мала [13]. Наконец, внесудебное банкротство, задуманное как легкий способ списать долги для самых уязвимых, остается доступным лишь немногим из-за заниженного верхнего порога [6].

Цель настоящей работы — детально разобрать правовое регулирование и правоприменительные проблемы, связанные с основаниями банкротства граждан, и предложить пути исправления ситуации с учетом опыта других стран.

1. Теоретико-правовая структура оснований банкротства граждан

1.1 Материально-правовые критерии: неплатежеспособность и недостаточность имущества

Ключевые понятия — неплатежеспособность и недостаточность имущества — раскрываются в законе о несостоятельности [9].

Под недостаточностью имущества понимается ситуация, когда сумма всех долгов гражданина больше совокупной стоимости того, чем он владеет.

Неплатежеспособность — это состояние, при котором человек перестает исполнять часть своих денежных обязательств, потому что у него не хватает денежных средств.

Для граждан главное отличие от банкротства компаний — приоритет критерия неплатежеспособности над недостаточностью имущества [9]. Для обычного человека регулярный доход, такой как зарплата или пенсия, важнее, чем имеющиеся активы. Поэтому даже при формальном превышении долгов над стоимостью вещей гражданин может считаться платежеспособным, если его заработок стабилен.

1.2 Формальные условия возбуждения дела

Инициировать дело о банкротстве вправе сам должник, любой кредитор или налоговая инспекция. Минимальные требования для принятия заявления: долг не ниже 500 000 руб. и просрочка по нему более трех месяцев [9].

Также законодательно закреплена обязанность должника обратиться в суд в случае, если он объективно понимает, что дальнейшее исполнение им финансовых обязательств невозможно, несмотря на наличие признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества. Срок — 30 рабочих дней с того момента, как гражданин узнал (или должен был узнать) о наступлении таких обстоятельств. Российское законодательство в этом пункте уникально: оно требует от должника прогноза, что на практике доказывать крайне сложно [1;2].

1.3 Соотношение материальных и формальных критериев: проблема выбора процедуры

Закон о банкротстве предлагает две главные процедуры: реструктуризацию долгов (восстановительная) и реализацию имущества (ликвидационная). Реструктуризация вводится, если у гражданина есть источник дохода, позволяющий за три года погасить часть долгов. Реализация — если такого дохода нет, либо план реструктуризации не утвержден.

Однако на деле выбора почти не происходит. Итоги 2025 года: реструктуризацию применили всего к 37,8 тыс. граждан, а реализацию — к 568 тыс. [13]. Доля реструктуризации в общем числе судебных процедур — ничтожно мала и продолжает падать. В 97,3 % случаев заявление подает сам должник, который заинтересован не в переговорах с кредиторами, а в скорейшем списании долгов [13]. В противоречие с реабилитационной идеей института вступает то обстоятельство, что не столько подлинная неплатежеспособность направляет процесс, сколько субъективное намерение гражданина. Получается, что именно желание должника, а не его объективное финансовое положение, служит реальным катализатором банкротства.

2. Ключевые проблемы в определении и доказывании оснований банкротства

2.1 Размытость критериев неплатежеспособности

На практике сложно отличить истинную неплатежеспособность от обычной временной просрочки. У человека может быть долг более 500 тыс. руб. и задержка платежа в три месяца (формальные критерии соблюдены), но при этом он имеет стабильный доход или имущество, которое позволит рассчитаться в разумные сроки. Закон не дает ответа, сколько именно кредиторов или какой размер долга достаточен для вывода о неплатежеспособности.

В разъяснениях Верховного Суда, датированных декабрем 2024 года, и в обзоре практики за июнь 2025 года

[11;12] подчеркивается: суды должны оценивать реальную платежеспособность. Приводится пример, когда апелляция отменила введение банкротства, потому что должник объяснил: просрочка возникла в период поиска работы, а к моменту заседания он уже трудоустроился и вскоре сможет погасить долг [12]. Однако единых численных индикаторов, позволяющих всем судам действовать одинаково, так и не появилось.

Как справедливо отмечено в литературе [2], до запуска процедуры банкротства никто, кроме самого должника, не может с высокой достоверностью установить его реальное финансовое положение. Это порождает асимметрию информации, которой часто пользуются недобросовестные должники.

2.2 Презумпции неплатежеспособности и проблемы их опровержения

Законодательство закрепляет правило-презумпцию: если гражданин не исполняет обязательство дольше трех месяцев, он считается неплатежеспособным, пока не докажет иное. Верховный Суд уточнил [12]: чтобы эту презумпцию снять, должник должен привести убедительные доказательства того, что нехватка денег носит временный характер, и в ближайшем будущем он полностью расплатится.

Неопределенность здесь в двух моментах. Во-первых, что считать «ближайшим будущим»? Во-вторых, какие именно документы достаточны? На практике многие суды идут по формальному пути: раз есть трехмесячная просрочка, банкротство вводится автоматически, а должник часто не в состоянии собрать убедительные подтверждения.

2.3 Обход закона под видом несостоятельности

Одна из самых болезненных тем — злоупотребление, когда должник использует банкротство не для честного освобождения, а для того, чтобы избавиться от долгов, сохранив имущество и высокий доход. Верховный Суд в обзоре от 18.06.2025 [12] перечислил типичные схемы: покупка дорогого имущества перед банкротством с последующим сокрытием; вывод активов через фиктивное ИП; частичная оплата долга третьим лицом после запуска процедуры, чтобы искусственно снизить сумму основного обязательства; настаивание на немедленном списании при очевидной способности платить.

Если человек имеет доход, позволяющий гасить долги, но требует «списать все и сразу», суд признает это злоупотреблением и вправе навязать реструктуризацию вопреки воле должника [12]. Главная сложность — доказывание. Кредиторам и финансовому управляющему приходится собирать косвенные доказательства, а суды оценивают их по собственному усмотрению, что порождает правовую неопределенность.

2.4 Пределы оснований для исключения имущества

По нормам гражданского процессуального законодательства, единственное жилье должника и участок под

ним не может быть продано за долги. Это же правило действует при банкротстве. Однако практика выработала исключение для так называемого «роскошного жилья», когда его площадь заметно превышает разумные потребности.

В обзоре Верховного Суда от 18.06.2025 [12] даны важные ориентиры: иммунитет может распространяться на несколько объектов, если они фактически используются вместе и не выходят за рамки разумной нужды; чтобы признать жилье роскошным, учитывают не только метраж, но и местоположение, архитектурные особенности, отделку, инфраструктуру; превышение площади должно быть существенным (кратным).

Но что именно считать «существенным кратным превышением» — не прописано. Как отмечает Игнатъев А. А. [3], в одном деле арбитражный суд оставил должнику доли в двух квартирах, потому что общая площадь на человека была меньше 8 кв. м при норме 12 кв. м. В другом случае квартиру в 150 кв. м на одного человека признали роскошной и исключили из-под иммунитета. Разброс решений огромен, и отсутствие легальных критериев оставляет судьям слишком широкую свободу, что нарушает принцип предсказуемости правосудия.

2.5 Проблема оснований для внесудебного банкротства

Внесудебная процедура была введена в 2020 году и затем доработана в 2023–2024 гг. [10]. Она предназначена для граждан с долгами от 25 тыс. до 1 млн руб., у которых нет имущества, которое можно продать, и есть окончательное исполнительное производство [6].

В 2025 году стартовало 68,3 тыс. таких процедур — на 22,9 % больше, чем годом ранее [13]. Но это лишь малая часть от общего числа россиян с просроченными кредитами. Как справедливо пишут Калинина В. Р. и Талянина И. А. [6], узкий верхний порог (1 млн руб.) сильно ограничивает доступ. Человек с долгом 1,2 млн руб. вынужден идти в суд, что перегружает арбитражную систему. При этом, по данным Федеральной службы судебных приставов, на исполнении находится более 25 млн производств о взыскании долгов с физических лиц [14]. Национальный союз защиты прав потребителей предложил поднять планку до 2 млн руб., и это предложение выглядит разумным [13].

3. Сравнительный анализ зарубежных подходов к основаниям банкротства

3.1 Модель США: «средний тест» (means test)

В США гражданин может выбрать главу 7 (ликвидация с немедленным освобождением от долгов) или главу 13 (реструктуризация на 3–5 лет). Решающим фактором служит «средний тест». Заявитель вычисляет свой среднемесячный доход за последние полгода и сравнивает с медианным доходом по своему штату для семьи такого же размера. Если доход ниже медианного, глава 7 доступна. Если выше — проводится более детальный расчет

с учетом разрешенных трат; при превышении должник обязан использовать главу 13 [8].

Этот механизм четко разграничивает, кому положена ликвидация, а кому — реструктуризация, и эффективно блокирует злоупотребления. Как отмечает Петров А. А. [8], внедрение подобного теста в России могло бы исправить нынешний дисбаланс, однако потребует создания статистической базы и расширения полномочий финансовых управляющих.

3.2 Модель Германии: «фаза хорошего поведения»

Германия не дает быстрого освобождения от долгов после распродажи имущества. Вместо этого закон устанавливает шестилетнюю фазу хорошего поведения (Wohlverhaltensphase): все это время должник должен отчислять часть своих доходов кредиторам. Только по истечении шести лет оставшиеся долги списываются. По данным Пятшевой Е. Н. [5], в Германии кредиторы получают около 50 % от суммы требований, тогда как в России — лишь 6,75 %.

Разница в философии оснований: в Германии сам по себе факт долга и неплатежеспособности недостаточен для списания. Необходимо длительное добросовестное поведение. Российская же модель ориентирована на быстрое (в среднем 7–9 месяцев) освобождение, что подталкивает должников сразу бежать в суд, даже не пытаясь реструктуризировать долги.

3.3 Модели Англии и Новой Зеландии: внесудебные альтернативы

В Англии (Debt Relief Orders) и Новой Зеландии (No Asset Procedure) давно работают упрощенные внесудебные механизмы. Новозеландская модель особенно интересна [7]: должник идет в государственную Службу доверительного управления (Trustee Service), которая назначает ему управляющего. Порог долга — от 1 000 до 50 000 новозеландских долларов (примерно 91,5 тыс. — 4,58 млн руб.). Из конкурсной массы не изымается автомобиль дешевле 6 500 долларов. Процедура длится год, после чего человек свободен от долгов.

Российский верхний порог в 1 млн руб. (около 17 тыс. новозеландских долларов) значительно ниже новозеландского, что еще раз подтверждает необходимость его повышения.

4. Направления совершенствования законодательства об основаниях банкротства граждан

На основе анализа предлагается следующий ряд мер.

4.1 Легальное закрепление критериев неплатежеспособности

Стоит дополнить закон о банкротстве [9] четким перечнем ситуаций, которые однозначно говорят о неплате-

жеспособности. Например: если человек перестал платить по большинству своих обязательств, прошло уже три месяца, а у него нет ни имущества, ни реальных перспектив заработать столько, чтобы расплатиться в разумный срок. Также необходимо закрепить право должника представить суду план восстановления платежеспособности (с указанием сроков и сумм платежей). Если финансовый управляющий и суд посчитают план реалистичным, банкротство можно не вводить.

4.2 Введение «теста на средний доход» по аналогии с США

Чтобы объективно решать, нужна гражданину реструктуризация или сразу реализация имущества, предлагается ввести тест на платежеспособность. Если среднемесячный доход человека за последние полгода больше двукратного прожиточного минимума на каждого члена семьи (с учетом иждивенцев), то он обязан сначала пройти через реструктуризацию [8], а не сразу требовать распродажи имущества. Это позволит сократить долю ликвидационных процедур, сейчас они составляют 99,5 %, и поощрит добросовестных должников к погашению долгов.

4.3 Законодательное закрепление критериев «роскошного жилья»

Опираясь на судебную практику [12] и научные предложения [3], следует внести поправки в процессуальное законодательство и нормы о банкротстве граждан, установив:

- жилье можно продать, если его общая площадь больше чем в 2,5 раза превышает региональный норматив предоставления на каждого члена семьи должника;
- при продаже «роскошного» жилья должнику обязаны предоставить замещающее жилье (в пределах социальной нормы) за счет вырученных средств;
- в исключительных случаях при недобросовестности (например, если должник нарочно увеличил площадь перед банкротством) разрешается продать единственное жилье без замены, но только при условии, что за ним сохранится право пользования иным жилым помещением.

Литература:

1. Курилин В. В. Банкротство физических лиц: списание долгов от «А» до «Я». — СПб.: Большие города, 2025. — 176 с.
2. Османова Д. О. Банкротство гражданина: монография. — М.: Проспект, 2025. — 208 с.
3. Игнатьев А. А. Проблемы судебно-арбитражной практики при банкротстве физических лиц // Арбитражный и гражданский процесс. — 2025. — № 1. — С. 46–49.
4. Ячменев А. А. Банкротство физических лиц: проблемы теории и практики // Молодой ученый. — 2025. — № 50 (601). — С. 507–509.
5. Пятшева Е. Н. Социально-экономические показатели и финансовые аспекты банкротства физических лиц в России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2024. — № 4. — С. 42–60.
6. Калинина В. Р., Талянина И. А. О внесудебном банкротстве физических лиц // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 12. — С. 287–294.

4.4 Расширение доступа к внесудебному банкротству

Поддерживая инициативу Национального союза защиты прав потребителей [13], необходимо поднять верхнюю границу долга для внесудебного банкротства до 2 млн рублей.

4.5 Внедрение элементов «фазы хорошего поведения»

Опираясь на немецкий опыт [5], было бы полезно ввести для добросовестных должников со стабильным доходом контролируемый период исполнения обязательств длиной 3–5 лет. В течение этого периода должник ежемесячно перечисляет в конкурсную массу 30–50 % от той части дохода, которая превышает прожиточный минимум. По окончании срока остаток долгов списывается, даже если не все погашено. Такая мера повысит удовлетворение требований кредиторов до 25–30 % и сохранит стимулы к честному поведению.

4.6 Усиление механизмов противодействия злоупотреблениям

Необходимо дополнить нормы закона о банкротстве [9] правилом: если суд установит факт фиктивного или преднамеренного банкротства, а также сокрытия имущества или доходов, он вправе:

- отказать в освобождении от обязательств (даже после завершения реализации имущества);
- назначить повышенные расходы на процедуру (например, взыскать с должника двойное вознаграждение финансового управляющего).

Институт банкротства физических лиц в России стал поистине массовым: за 2025 год списали долги более 630 тыс. человек — 568 тыс. через суд и 68,3 тыс. во внесудебном порядке [13]. Но массовость не должна затмевать главное: насколько четкими и предсказуемыми являются основания, по которым человек получает статус банкрота.

Дальнейшие научные изыскания целесообразно направить на экономическое моделирование предлагаемых новелл и анализ того, как они могут повлиять на поведение должников и кредиторов в российских реалиях.

7. Кремер А. А., Карамышев И. О. Сравнительный анализ процедуры внесудебного банкротства в России и в зарубежных странах // Молодой ученый. — 2025. — № 26 (577). — С. 308–310.
8. Петров А. А. Rehabilitation function in bankruptcy law: a comparative study of the legal mechanisms of the USA and Russia // Law, Economics and Management: материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Чебоксары: Sreda Publishing House, 2025. — С. 37–43.
9. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
10. Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 23. — Ст. 3021.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2025. — № 3.
12. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Статистика банкротства физических лиц за 2025 год / К. Кандеев // РБК. — 2026. — 26 янв. — URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/01/2026/69762dfa9a79475c617c508f>
14. Основные результаты деятельности Федеральной службы судебных приставов: статистика за январь — ноябрь 2025 г. // Официальный сайт ФССП России. — URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoj_sluzhby_sudebnykh_prstavov/statistics

Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц

Толстоброва Елизавета Леонидовна, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье исследуется проблема злоупотребления правом на управление корпорацией со стороны контролирующих её лиц в контексте доктрины «снятия корпоративной вуали». Анализируется понятие контролирующего лица. Особое внимание уделяется сравнению лиц, имеющих фактическую возможность управлять корпорацией и формальную. Автор приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления доктрины «снятия корпоративной вуали» для обеспечения единообразия судебной практики и эффективной защиты прав кредиторов корпорации.

Ключевые слова: право на управление корпорацией, лица, контролирующие корпорацию, фактическая возможность определять действия корпорации, отношения, связанные с управлением корпорации, доктрина снятия корпоративной вуали.

Проблема злоупотребления правом при использовании юридического лица начала своё обсуждение в англосаксонской системе права. Со временем образовалась доктрина «снятия корпоративной вуали» [1. С. 175]. Данный механизм защиты нарушенных прав и законных интересов кредиторов юридического лица заключается в переложении ответственности за действия, совершённые юридическим лицом, на контролирующих его лиц.

Здесь важно разобраться, кем является контролирующее лицо. Согласно п. 3 ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа юридического лица или членов коллегиального органа юридического лица, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно. Оно несет ответственность за убытки, причиненные по его

вине юридическому лицу. Стоит отметить, что в данной статье напрямую не говорится, что такие лица являются контролирующими лицами, откуда возникают вопросы, про них ли законодатель писал в статье.

Идея доктрины «снятия корпоративной вуали» состоит в установлении механизма защиты нарушенных прав и законных интересов кредиторов юридического лица, который заключается в переложении ответственности за действия, совершенные юридическим лицом, на контролирующих его лиц. То есть смысл доктрины в защите прав кредиторов юридического лица. Соответственно, контролирующее лицо должно отвечать перед кредиторами юридического лица. Согласно же п. 3 ст. 53.1 ГК РФ лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, отвечает перед самим юридическим лицом, а не перед его кредиторами. То есть лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, не может быть контролирующим лицом.

Соответственно, в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ речь не может идти о контролирующем лице в контексте доктрины «снятия корпоративной вуали».

Проблемой является управление корпорацией со стороны лиц, которые не имеют статуса ни участника, ни члена органа управления, однако такие лица обладают реальной возможностью влиять на деятельность корпорации и предопределять её. Как выяснилось ранее, лица, указанные в п. 3 ст. 53.1 ГК не являются контролирующими в контексте доктрины «снятия корпоративной вуали».

Согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ гражданское законодательство регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения). По данному вопросу интересным представляется мнение И. С. Шиткиной: «поскольку участие членов корпорации в управлении проявляется как раз в том, что они формируют (по существу составляют) высший орган и принимают указанным органом решения, логично предположить, что в ст. 2 ГК РФ, говоря об управлении, законодатель не имеет в виду участие в управлении корпорацией ее членов (оно охватывается понятием членства), а подразумевает участие в управлении иных субъектов корпоративных отношений, членами корпорации не являющихся» [3. С. 52].

Соответственно, возникает вопрос: можно ли отнести лиц имеющих фактическую возможность управлять корпорацией к субъектам правоотношений по управлению корпорацией? У О. В. Гутников иная позиция, он отмечает, что независимо от того, фактически или юридически лицо способно влиять на деятельность корпорации, такое лицо будет являться субъектом управленческих отношений, ведь сам факт контроля означает, что лицо обладает властными полномочиями, хоть и не закрепленными формально, но представляющими большее значение, чем права номинальных директоров или держателей акций, подчиняющихся его указаниям [4. С. 105–106].

Законодатель справедливо приравнял лиц, имеющих фактическую возможность определять действия корпорации и членов органов управления, п. 3 ст. 53.1 ГК РФ установил обязанность лица, имеющего фактическую возможность определять действия юридического лица, действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно, такая же обязанность установлена п. 3 ст. 53 ГК РФ в отношении лиц входящих в состав органов управления корпорации. Но разница между данными лицами есть, ведь у лиц, являющимися членами корпорации право на управление закреплено законом, а вот у лиц, имеющих фактическую возможность управлять корпорацией субъективного права на управление нет, Гутников О. В. указывает: право управления юридическим лицом (а не участие в управлении) является основным субъективным корпоративным правом, а не одним из корпоративных прав и не одним из правомочий субъективного корпоративного права. Все корпоративные правомочия проистекают из права корпоративного управления и производны от него [5. С. 59].

Означает ли это, что данные лица и не злоупотребляют правом, ведь как можно злоупотребить тем, чего нет, в данном случае правомочием?

Приравнивание двух категорий лиц означает, что к ним обоим могут быть применены одинаковые правовые последствия, в таком случае решается проблема злоупотребления правом на управление корпорацией со стороны контролирующих ее лиц. А также приравнивание решит проблему юридического оформления отношений между корпорацией и лицами, фактически контролирующими ее.

Согласно п. 1 ст. 81 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО), контролирующим лицом признается лицо, имеющее право прямо или косвенно (через подконтрольных ему лиц): распоряжаться более 50 % голосов в высшем органе управления подконтрольной организации; либо назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 % состава коллегиального органа управления подконтрольной организации.

Как видим, здесь также речь идет об отношениях между юридическим лицом и контролирующим лицом, однако целью данных правил является защита прав и законных интересов не только самой корпорации, но и других акционеров (участников) корпорации. В частности, понятие контролирующее лицо используется для определения критериев сделки, в совершении которой имеется заинтересованность.

В рамках доктрины «снятия корпоративной вуали» юридическое лицо рассматривается как фикция, соответственно, доктрина предполагает возможность отождествления действий корпорации с действиями лица, его контролирующего. В случае нарушения порядка совершения сделки с заинтересованностью ответственность контролирующие лица будут нести не перед кредиторами юридического лица. Значит контролирующее лицо, указанное в п. 1 ст. 81 не имеет никакого отношения к контролируемому лицу из доктрины «снятия корпоративной вуали».

Статья 67.3 ГК РФ предусматривает ответственность основного и дочернего обществ, эта норма напрямую реализует принцип привлечения к ответственности контролирующего лица. В случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества по вине основного хозяйственного товарищества или общества последнее несет субсидиарную ответственность по его долгам (абз. 3 п. 3 ст. 67.3 ГК РФ, абз. 3 п. 3 ст. 6 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», абз. 3 п. 3 ст. 6 Закона об АО).

Применительно к акционерным обществам субсидиарная ответственность по долгам несостоятельного дочернего общества наступает только в случае, когда основное общество (товарищество) использовало право и (или) возможность давать обязательные указания в целях совершения дочерним обществом действия, заведомо зная, что вследствие этого наступит несостоятельность (банкротство) дочернего общества (абз. 3 п. 3 ст. 6 Закона об АО).

Исходя из этого, основное общество (товарищество) может быть признано контролирующим лицом должника-дочернего общества.

Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» предусматривает субсидиарную ответственность: в пункте 1 разъясняется, что контролирующие должника лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности только в случае, если неспособность должника удовлетворить имеющиеся требования обусловлена их поведением, которое не отвечало критериям добросовестности и разумности, в том числе не связана с рыночными или иными объективными факторами. То есть привлечение к субсидиарной ответственности является механизмом, который применяется, когда юридическое лицо используется для причинения вреда независимым участникам оборота.

Данное положение представляется справедливым, так как юридическое лицо в руках контролирующих лиц может являться инструментом совершения недобросовестных действий. Так как корпорация действует в общих интересах участников, а контролирующее лицо не всегда. То есть контролирующим лицом может быть совершена обычная сделка, но не в интересах корпорации, а в своих.

Попытка законодательно закрепить доктрину в России не была успешной из-за недостаточной проработанности законопроекта № 47538–6/13 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» по мнению Груздева О. С. и Артемовой А.Н [2. С.

211] Считаю, что было бы лучше, если бы ст. 53.3, содержащую положения о контролирующих лицах, приняли бы, ведь тогда законодательное закрепление устранило бы все сложности в применении механизма снятия корпоративной вуали.

В российском правопорядке доктрина была введена на уровне судебной практики, четкого законодательного закрепления не имеет. Впервые она была упомянута в Постановлении Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу Банка «Парекс». Однако суд в данном деле четко не определил положения доктрины, что спровоцировало вопросы у правоприменителей об основаниях её применения. Но, с другой стороны, должен ли суд четко раскрывать положения доктрины, ведь проще было бы, чтобы они были законодательно закреплены, суд в данном случае, наоборот, поступил смело сославшись на неё.

В российском законодательстве нет механизма снятия корпоративной вуали, так как ст. 53.1 ГК РФ не относится к указанной доктрине. Вместо этого отечественная правовая система пошла по пути закрепления разрозненных законодательных положений и разъяснений, которые в совокупности выполняют схожую функцию, но с определенными особенностями.

В настоящий момент доктрина используется в судебных решениях редко, носит несистемный характер. Необходимость в применении доктрины «снятия корпоративной вуали» существует, её закрепление в законе решило бы проблему отсутствия единообразия в судебной практике.

Литература:

1. Кривцун Е. П. «Доктрина снятия корпоративной вуали»: история появления, становление, развития, и ее имплементация в правовой системе России // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 175–179.
2. Груздев О. С., Артемова А. Н. Злоупотребление правом на управление корпорацией со стороны контролирующих её лиц: вопросы квалификации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 211–217.
3. Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статус, 2017. Т. 1. С. 976.
4. Гутников О. В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: дис. д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 599.
5. Гутников О. В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3 (243). С. 54–65.

Проблемные вопросы приведения в соответствие с установленными требованиями самовольной постройки, образовавшейся в результате реконструкции

Усков Николай Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Качур Нина Федоровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье автор рассматривает легальный и практический подходы к приведению в соответствие с установленными требованиями самовольной постройки, образовавшейся в результате реконструкции. Делается вывод о том, что большинство судов справедливо дезавуировали легальное последствие приведения в соответствие с установленными требо-

ваниями самовольной постройки, образовавшейся в результате реконструкции, а применяют иное последствие в виде приведения такой постройки в прежнее состояние.

Ключевые слова: самовольная постройка, реконструкция.

Одним из дискуссионных вопросов является противоречие легального и практического подхода при приведении в соответствие с установленными требованиями самовольной постройки (далее — приведение в соответствие), появившейся в результате реконструкции. К проблеме привлечено внимание в статье В. А. Алексеева «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» [1, с. 64]. Данное правовое последствие является новеллой гражданского законодательства, закрепленного в п. 2 ст. 222 ГК РФ в 2018 году. Возникает вопрос: на какой момент определяется объем таких установленных требований?

Ответ дан судебной практикой. Приведение в соответствие самовольной постройки с установленными требованиями означает его соответствие гражданским, градостроительным и земельным нормам права на дату обращения в суд. Данное толкование отражено в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 N 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке».

Нынешний подход имеет существенное различие с существовавшим ранее, изложенным в п. 28 Постановлении Пленума 10/22: «Суд обязывает лицо к сносу самовольно реконструированного недвижимого имущества лишь в том случае, если будет установлено, что объект не может быть приведен в состояние, существовавшее до проведения таких работ» [4]. Применение такого последствия относилось лишь к частному случаю реконструированного недвижимого имущества и применялась исключительно в случае установления того, что объект не может быть приведен в состояние, существовавшее до проведения таких работ. Другими словами, самовольную постройку возвращают «вспять» до момента проведения реконструкции.

Проблема также состоит в том, что если ранее достаточно было вернуть реконструируемую часть в прежнее состояние, то сейчас этого недостаточно. Необходимо не только снести реконструируемую часть, но также предпринять дополнительные действия по приведению в соответствие с действующими правилами.

С целью более полной иллюстрации проблемы приведем пример. Допустим, на территории ИЖС находится жилой дом с четырьмя этажами, построенный в дореволюционный период. Действующие правила ИЖС допускают дома с этажностью не более трёх (п. 39 ст. 1 ГрК РФ). Однако, согласно п. 4 ст. 85 ЗК РФ, чч. 8–10 ст. 36 ГрК РФ объекты капитального строительства, правомерно возведенные до утверждения градостроительных регламентов правилами землепользования и застройки, а также земельные участки, на которых они расположены, виды разрешенного использования которых не соответствуют гра-

достроительному регламенту могут быть использованы по прежнему фактическому виду разрешенного использования, за исключением случаев, если использование таких земельных участков и объектов капитального строительства опасно для жизни или здоровья человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия. Титульный владелец решает построить еще один этаж путем реконструкции. В данном случае, это является самостроем, и в случае приведения в соответствие с установленными требованиями, собственнику придется сносить не только пятый, но и четвертый этаж. Так как действующими правилами допускается не более трех этажей, и данный дом должен этим параметрам соответствовать.

Приведенный пример не следует смешивать со сносом такой самовольной постройки (этажи). В конкретном случае, чтобы привести в соответствие, такому владельцу необходимо убрать «беститульные» этажи, т. е. снести. Иными словами, юридические действия характеризуются как приведение в соответствие, а фактические — являются сносом.

Стоит отметить, что в доктрине отсутствует единое понимание правовой природы приведения в соответствие. Например, Е. А. Останина отрицает возникновение гражданской ответственности при самострое в целом [3, с. 37]. Напротив, В. А. Алексеев [1, с. 45] и О. В. Гумилевская [2, с. 99] считают последствия самовольного строительства гражданской ответственностью. Не вдаваясь глубоко в исследование правовой природы, тем не менее отметим, что последствие приведения в соответствие самовольной постройки, образованной в результате реконструкции, является чрезмерно обременительным, обладает, скорее, «штрафным» свойством. Согласно общим началам ответственности в гражданском праве, ответственность — это всегда дополнительные имущественные лишения для правонарушителя. В классической концепции перераспределение благ происходит в пользу потерпевшего. А в случае же со сносом самовольно построенных этажей, ни у кого не происходит перераспределения благ. В вышеприведенном примере титульный владелец имел право на четыре этажа, однако, при самострое ему нужно лишить себя не только незаконно построенного (пятого), но и ранее правомерного этажа (четвертого). В части лишения себя права на четвертый этаж такой снос будет являться ответственностью.

Несмотря на введение новеллы в законодательство, судебная практика дезавуировала таковую и руководствуется недействующей правовой позицией п. 28 Постановления Пленума 10/22. Обратимся к практике судов общей юрисдикции, в частности к Решению № 2–1590/2025 от 9 марта 2025 г. по делу № 2–1590/2025 Ленинского районного суда г. Махачкалы [5]. Администрация г. Махачкалы

обратилась в суд с иском об обязании привести нежилое помещение в прежнее состояние, соответствующее проектному решению, признать самовольной постройкой и обязать снести за счет собственных средств объект капитального строительства, возведенный к указанному помещению. Суд обязал ответчика привести нежилое помещение в прежнее состояние, соответствующее проектному решению.

Иными словами, суд обязал не привести в соответствие с установленными требованиями на дату обращения в суд, а привести в прежнее состояние, которое отражено в проектном решении при строительстве нежилого помещения.

Практика арбитражных судов аналогична. В деле № А57–14359/2024 от 10 июля 2025 г. Арбитражного суда Саратовской области, суд признал самовольной постройкой нежилое здание кафе «Жасминный» и обязал ИП привести в первоначальное состояние, существовавшее до самовольной реконструкции в соответствии с техническим паспортом от 1995 года данное здание [6]. Здесь также суд обязал привести не в соответствие с установленными требованиями на дату обращения в суд, а привести в прежнее состояние, которое отражено в техническом паспорте прошлого века.

Постановлением от 26 июня 2025 г. по делу № А12–23296/2022 Двенадцатого арбитражного апелляционного суда, отменено решение первой инстанции [7]. Первая инстанция отказала в удовлетворении исковых требований Администрации городского округа — г. Волжский Волгоградской области; встречный иск ООО «Ставнефть» удовлетворила и решила сохранить реконструированный объект недвижимости — здание автомойки. Апелляционный суд не согласился и отметил следующее: «Учи-

тывая, что сохранение спорного объекта в реконструированном виде нарушает права смежного землепользователя ООО «Лента», волеизъявление которого на сохранение постройки в реконструированном виде отсутствует, а согласно экспертному заключению приведение здания автомойки в первоначальное состояние до проведения реконструкции является возможным, судебная коллегия приходит к выводу о наличии оснований для удовлетворения первоначального иска Администрации о приведении реконструированного объекта недвижимости — здания автомойки в состояние, существовавшее до проведения работ по реконструкции».

Считаем, что судебная практика по данной категории дел весьма противоречива. Несмотря на нынешнюю рекомендацию толковать приведение в соответствие на дату обращения в суд, некоторые суды исходят из прежнего толкования. Полагаем, что такая правовая неопределенность недопустима. Законодательство динамично и титульному владельцу заранее неизвестен объем правил, которым должен соответствовать его объект. Если допустить в перспективе ужесточение градостроительных и земельных норм, то может возникнуть ситуация существенного ограничения правомочий на объект недвижимости, на который ранее распространялись безусловные правомочия. Следовательно, такая юридическая конструкция недопустима, она приводит к «подвешенному состоянию» владельца объекта недвижимости.

Необходимо внести в законодательство дополнение, а именно в п.2 ст. 222 ГК РФ о возможности приведения самовольной постройки, образовавшейся в результате реконструкции в прежнее состояние до проведения работ по ее реконструкции. Именно такой подход соответствует принципам справедливости и правовой определенности.

Литература:

1. Алексеев, В. А. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» / В. А. Алексеев. — М.: Проспект, 2025. — 144 с. — Текст: непосредственный.
2. Гумилевская, О. В. Ответственность за самовольное строительство в России / О. В. Гумилевская. — Текст: непосредственный // Общество и право. — 2008. — № 1. — С. 98–101.
3. Останина, Е. А. Юрико-фактические основания динамики правоотношений, возникающих в связи с осуществлением самовольной постройки / Е. А. Останина. — Текст: непосредственный // Вестник ЧелГУ. — 2009. — № 31. — С. 37–43.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: <https://sudact.ru/>. (дата обращения: 05.04.26).
5. Решение № 2–1590/2025 от 9 марта 2025 г. по делу № 2–1590/2025 Ленинского районного суда г. Махачкалы // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: <https://sudact.ru/>. (дата обращения: 05.04.26).
6. Решение Арбитражного суда Саратовской области по делу № А57–14359/2024 от 10 июля 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: <https://sudact.ru/>. (дата обращения: 05.04.26).
7. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2025 г. по делу № А12–23296/2022 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: <https://sudact.ru/>. (дата обращения: 05.04.26).

Правовое регулирование деятельности постоянных представительств в трансграничной электронной коммерции во Вьетнаме

Фам Минь Чинь, студент магистратуры

Научный руководитель: Шмелев Иван Валерьевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье анализируются действующие правовые нормы Вьетнама, регулирующие деятельность постоянных представительств в сфере трансграничной электронной коммерции. Особое внимание уделяется Закону об электронной коммерции № 122/2025/QH15, а также Постановлениям № 52/2013/NĐ-CP и № 85/2021/NĐ-CP. Автор раскрывает роль данных норм в государственном управлении, защите прав потребителей и обеспечении справедливой конкуренции. В заключении предлагаются направления совершенствования правового регулирования постоянных представительств в цифровой среде.

Ключевые слова: постоянное представительство, трансграничная электронная коммерция, правовое регулирование, государственное управление, Вьетнам.

Legal regulation of permanent missions in cross-border e-commerce in Vietnam

The article analyzes the current legal norms of Vietnam regulating the activities of permanent representative offices in the field of cross-border e-commerce. Special attention is paid to the E-commerce Law No. 122/2025/QH15, as well as Decrees No. 52/2013/NĐ-CP and No. 85/2021/NĐ-CP. The author reveals the role of these norms in public administration, consumer protection and ensuring fair competition. The conclusion proposes directions for improving the legal regulation of permanent representative offices in the digital environment.

1. Введение

Электронная коммерция (ЭК) стала важной составляющей цифровой экономики, изменив способы совершения сделок, распределения товаров и доступа к рынкам. В цифровой среде товары и услуги могут поставляться через государственные границы с очень высокой скоростью, при этом субъект предпринимательской деятельности не обязательно должен физически присутствовать в месте проживания потребителя. Именно эта особенность делает трансграничную ЭК одновременно расширяющей рыночные возможности и порождающей множество новых правовых проблем для государственного управления [4].

Для Вьетнама задача заключается не только в признании участия иностранных платформ, но и в определении правового механизма, обязывающего этих субъектов нести конкретную ответственность на территории Вьетнама. Если отсутствует чёткий правовой инструмент, то проверка информации, рассмотрение жалоб, принятие мер в отношении нарушений и защита прав потребителей становятся значительно более сложными [5]. Поэтому регулирование деятельности трансграничных постоянных представительств имеет особое значение, поскольку оно позволяет государству установить точку связи между иностранным субъектом и национальным регулирующим органом [6].

Статья сосредоточена на трёх основных аспектах: действующее правовое регулирование деятельности постоянных представительств в трансграничной ЭК; роль этих норм в практике управления и правоприменения; существующие недостатки и направления совершенствования.

В статье использованы общенаучные методы анализа и синтеза, формально-юридический метод для толкования норм Закона № 122/2025/QH15, Постановлений № 52/2013/NĐ-CP и № 85/2021/NĐ-CP, а также метод обобщения правоприменительной практики для формулирования выводов и предложений.

2. Действующее правовое регулирование

Действующая правовая база Вьетнама в сфере трансграничной ЭК сформирована на основе Закона об электронной коммерции № 122/2025/QH15 (вступает в силу с 1 июля 2026 года), а также ранее принятых Постановления № 52/2013/NĐ-CP и Постановления № 85/2021/NĐ-CP. Это важная правовая основа для регулирования деятельности как национальных, так и иностранных субъектов, участвующих в рынке ЭК Вьетнама.

В отношении иностранных коммерсантов и организаций, предоставляющих услуги ЭК во Вьетнаме, законодательство устанавливает требование о чётком юридическом присутствии посредством регистрации, получения разрешения, создания постоянного представительства или назначения уполномоченного юридического лица [5]. Такой подход направлен на то, чтобы иностранный субъект не мог участвовать во вьетнамском рынке полностью анонимно, без ответственного лица.

Показательной правовой нормой является статья 27 Закона № 122/2025/QH15, которая специально регулирует электронную коммерцию с иностранным участием и деятельность иностранных платформ во Вьетнаме [6]. Это положение свидетельствует о том, что законодатель чётко

осознаёт специфику трансграничной ЭК. Публикации о данном законе также показывают, что новые нормы направлены на ужесточение ответственности иностранных платформ, особенно в части регистрации деятельности, предоставления информации, взаимодействия с государственными органами и обеспечения возможности контроля со стороны Вьетнама над цифровым рынком [7].

Помимо требования о юридическом присутствии, действующая система норм также включает обязанности по верификации продавцов, управлению информацией о транзакциях, защите прав потребителей и содействию в разрешении споров [2] [3]. Это технические по своему характеру, но имеющие большое правовое значение обязанности, поскольку они превращают управленческую ответственность из принципа в механизм, применимый на практике.

С точки зрения законодательного процесса можно отметить, что действующие нормы развивают ранее заложенный в Постановлениях № 52/2013/NĐ-CP и № 85/2021/NĐ-CP механизм регистрации деятельности и создания представительства на территории Вьетнама для некоторых субъектов ЭК. Закон № 122/2025/QH15 развил этот подход более полно, последовательно и системно.

3. Роль правовых норм о постоянных представительствах

Во-первых, нормы о трансграничных постоянных представительствах играют роль установления юридического присутствия иностранного субъекта во Вьетнаме. В цифровой среде сделки могут совершаться без необходимости традиционного физического присутствия. Именно поэтому при отсутствии конкретного правового инструмента определение ответственности и применение мер к нарушителям становится крайне затруднительным [5].

Во-вторых, эти нормы способствуют повышению эффективности государственного управления в сфере трансграничной ЭК. Когда иностранная компания обязана зарегистрироваться, получить разрешение или иметь представительство во Вьетнаме, у регулирующих органов появляется основа для проверки, требования взаимодействия и применения санкций в случае необходимости [6]. Это особенно важно в условиях, когда цифровые платформы работают быстро, в то время как традиционное управление сталкивается с трудностями в вопросах юрисдикции, данных и доступа к информации.

В-третьих, эти нормы способствуют защите прав потребителей. Когда платформа обязана верифицировать продавцов, управлять информацией о товарах и взаимодействовать при рассмотрении жалоб, у потребителя появляются дополнительные инструменты для разрешения споров и защиты своих прав. Постоянное представительство или иной правовой инструмент во Вьетнаме служит в этом случае не только для регулирующих органов, но и является связующим звеном между потребителем и трансграничным поставщиком услуг.

В-четвёртых, эти нормы имеют значение для обеспечения рыночного порядка и добросовестной конкуренции. Если отечественные предприятия обязаны соблюдать все правовые требования, в то время как иностранные компании могут действовать без соразмерной ответственности, конкурентная среда искажается [5]. Требование к трансграничным субъектам иметь конкретное юридическое присутствие во Вьетнаме помогает уменьшить разрыв в соблюдении обязательств, создавая тем самым более равные конкурентные условия.

4. Недостатки и направления совершенствования

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый действующей системой норм, остаётся ряд вопросов, требующих дальнейшего уточнения.

Прежде всего, конкретный объём обязательств постоянных представительств, уполномоченных юридических лиц и иностранных платформ ЭК нуждается в более детальном разъяснении в подзаконных актах, чтобы избежать разночтений при правоприменении [4].

Во-вторых, такие аспекты, как механизм отчётности, процедура взаимодействия между регулирующими органами, стандарты верификации продавцов и пределы ответственности инструментов представительства, также требуют конкретизации [2] [3]. Это ключевые моменты правоприменения, поскольку норма, даже будучи правильно сформулированной на законодательном уровне, но неясной в части техники применения, остаётся трудно реализуемой на практике.

Во-третьих, эффективность этих норм в значительной степени зависит от способности государства осуществлять мониторинг, от инфраструктуры данных и от возможности межведомственной координации [6]. В цифровой среде данные часто распределены, транзакции совершаются непрерывно, а бизнес-субъекты могут быстро меняться. Поэтому если существуют только нормы на бумаге, но отсутствуют инструменты их реализации, то роль постоянных представительств также будет существенно снижена.

Во-четвёртых, для преодоления указанных недостатков необходимо скорейшее принятие подзаконных актов, конкретизирующих Закон № 122/2025/QH15, которые должны детально регулировать процедуру регистрации, механизм отчётности и санкции за нарушения в отношении постоянных представительств иностранных платформ. Одновременно требуется разработка специальных контрольных процедур для цифровой среды, включая механизмы сбора электронных доказательств и использование инструментов автоматического мониторинга [5].

5. Заключение

Можно констатировать, что действующие правовые нормы Вьетнама о постоянных представительствах

в трансграничной ЭК сформировали относительно более чёткую систему управления, непосредственной основой которой является Закон № 122/2025/QH15 [4], в особенности его статья 27, а также предшествующие Постановления № 52/2013/NĐ-CP [2] и № 85/2021/NĐ-CP [3]. Эти нормы не только устанавливают юридическое присутствие иностранных субъектов, но и усиливают возможности мониторинга, защиты прав потребителей и обеспечения порядка на цифровом рынке.

Важно подчеркнуть, что постоянное представительство не следует понимать как единичное административное требование. В контексте трансграничной ЭК оно является правовым институтом, позволяющим государ-

ству определять ответственность, получать информацию и эффективно реагировать на нарушения.

Однако для максимальной эффективности этого механизма правовое регулирование нуждается в дальнейшей конкретизации с помощью подзаконных актов, а также в более тесной увязке с управленческой инфраструктурой и правоприменительным потенциалом государственных органов.

Проведённый в статье анализ вносит вклад в теоретическое осмысление совершенствования правовой базы о постоянных представительствах и может быть использован в качестве справочного материала для государственных регулирующих органов в процессе разработки и реализации политики.

Литература:

1. Министерство промышленности и торговли Вьетнама. (2026). План реализации Закона об электронной коммерции. URL: <https://moit.gov.vn/en/news/plan-to-implement-the-law-on-e-commerce.html>
2. Правительство Вьетнама. (2013). Постановление № 52/2013/NĐ-CP об электронной коммерции.
3. Правительство Вьетнама. (2021). Постановление № 85/2021/NĐ-CP о внесении изменений и дополнений в Постановление № 52/2013/NĐ-CP об электронной коммерции.
4. Национальное собрание Вьетнама. (2025). Закон об электронной коммерции № 122/2025/QH15.
5. Vietnam Law Magazine. (2025, 25 января). Трансграничные платформы электронной коммерции будут обязаны создавать свои представительства во Вьетнаме. URL: <https://vietnamlawmagazine.vn/cross-border-e-commerce-platforms-to-be-required-to-establish-offices-in-vietnam-73440.html>
6. Vietnam Law Magazine. (2026, 21 января). Опубликован английский перевод Закона об электронной коммерции 2025 года. URL: <https://vietnamlawmagazine.vn/english-translation-of-the-2025-law-on-e-commerce-is-newly-published-892-106765-article.htm>
7. Журнал «Вьетнамское право» (Tập chí Luật Việt Nam). (2026, 21 января). Закон об электронной коммерции 2025 года, № 122/2025/QH15 (английский перевод). URL: <https://english.luatvietnam.vn/law-on-e-commerce-no-122-2025-ql15-dated-december-10-2025-of-the-national-assembly-423356-doc1.html>

Судьи и их взгляд на добросовестность в гражданском судопроизводстве: от формализма к оценочным категориям

Федотова Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируется эволюция подхода судей к принципу добросовестности в современном российском гражданском судопроизводстве. Рассматривается переход от формальной оценки действий сторон к содержательному анализу их поведения. На основе правовых позиций Верховного и Конституционного Судов РФ, а также выступлений представителей судейского сообщества, раскрываются критерии, которыми руководствуются суды при оценке добросовестности. Особое внимание уделяется институту приобретательной давности, принципу эстоппель и последствиям установления недобросовестного поведения. Делается вывод о том, что добросовестность из абстрактной этической категории трансформировалась в действенный правовой инструмент, позволяющий судам обеспечивать справедливость и баланс интересов сторон.

Ключевые слова: добросовестность, гражданское судопроизводство, судебная практика, эстоппель, злоупотребление правом, приобретательная давность, оценочные категории.

Введение

Принцип добросовестности (*bona fides*) в современном гражданском судопроизводстве Российской Федерации

перестал быть лишь декларативной нормой и превратился в один из ключевых инструментов правоприменения. Эволюция взглядов судейского корпуса на данную категорию отражает глобальный тренд перехода от фор-

мального правопонимания к прагматичному и содержательному разрешению споров. Если ранее суды ограничивались проверкой формального соответствия действий сторон букве закона, то сегодня на первый план выходит оценка реального поведения участников оборота с точки зрения справедливости, разумности и учета взаимных интересов. Данная статья посвящена анализу того, как именно современные судьи воспринимают и применяют принцип добросовестности в своей повседневной практике.

1. Активная роль суда: от пассивного арбитра к защитнику справедливости

Ключевым изменением в подходе судей стало признание за судом права и обязанности оценивать добросовестность поведения сторон по собственной инициативе. Эта позиция была четко сформулирована в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015.

Как отмечал Председатель Совета судей РФ Виктор Момотов, принцип добросовестности является оценочным и абстрактным понятием, что предопределяет особую роль суда в его толковании. Суд более не является пассивным наблюдателем спора; он выступает активным участником процесса, стремящимся установить истину по существу. Пленум ВС РФ разъяснил, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только по заявлению другой стороны, но и по инициативе самого суда. При этом суд обязан вынести обстоятельства недобросовестности на обсуждение, предоставив сторонам возможность высказать свою позицию.

Такой подход полностью соответствует принципу справедливости, который предполагает установление баланса интересов на основе содержательного, а не формального анализа.

2. Практические маркеры недобросовестности: как судьи видят «недобросовестное лицо»

Отсутствие в законе четких критериев добросовестности не означает, что суды действуют вслепую. За годы формирования практики был выработан ряд маркеров, которые служат для судей сигналами о возможном злоупотреблении правом.

Приобретение имущества по заниженной цене. Это один из самых распространенных маркеров. Судьи исходят из того, что предложение приобрести недвижимость или иной дорогостоящий актив по цене, значительно ниже рыночной, должно вызвать у любого разумного участника оборота сомнения в праве продавца на отчуждение. Если покупатель не проявил должной осмотрительности (не проверил юридическую судьбу объекта), его поведение признается недобросовестным. Аналогичные выводы делаются при совершении цепочки быстрых перепродаж имущества.

Противоречивое поведение (принцип эстоппель). Судьи крайне негативно относятся к непоследователь-

ности процессуальной позиции стороны. Если участник спора сначала признает определенные факты (например, долг или факт получения товара), а затем в суде занимает противоположную позицию, суд расценивает это как недобросовестное поведение (эстоппель). Такое поведение лишает сторону права ссылаться на данные обстоятельства в дальнейшем.

Бездействие титульного собственника. В спорах о приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ) взгляд судей на добросовестность фактического владельца стал более гибким благодаря позиции Конституционного Суда РФ (Постановление № 48-П). Суд признал, что добросовестным может быть владение лица, которое осознавало отсутствие у него титула собственника, но при этом вело себя как собственник: содержало имущество, несло расходы. При этом суды обращают внимание и на поведение законного собственника. Длительное бездействие публично-правового образования (например, непринятие мер по оформлению выморочного имущества) может быть расценено как утрата интереса к активу, что создает предпосылки для признания добросовестности фактического владельца.

3. Последствия недобросовестного поведения: санкции со стороны суда

Установление факта недобросовестности влечет за собой серьезные правовые последствия, которые суды активно применяют для защиты добросовестной стороны и поддержания стабильности оборота.

Отказ в судебной защите. Суд вправе полностью или частично отказать в защите права недобросовестной стороне (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Распределение судебных расходов. Все судебные расходы могут быть возложены на недобросовестную сторону, даже если она формально выиграла дело.

Признание доказательств недопустимыми. Доказательства, полученные с нарушением принципа добросовестности или в результате злоупотребления процессуальными правами, могут быть отвергнуты судом.

Применение принципа эстоппель. Суд лишает сторону права ссылаться на факты, которые она ранее признавала или которые вытекают из ее предшествующего поведения.

Возложение убытков. Лицо, злоупотребившее правом и причинившее вред другому лицу, обязано возместить эти убытки.

Заключение

Взгляд судей на добросовестность в гражданском судопроизводстве прошел путь от формального следования нормам к глубокому содержательному анализу поведения участников спора. Добросовестность сегодня — это не просто моральная категория, а работающий правовой стандарт и эффективный инструмент правосудия.

Современный судья рассматривает добросовестность как модель поведения «разумного участника оборота»,

который учитывает интересы контрагента и не стремится извлечь выгоду из своего недобросовестного или незаконного поведения.

Современный подход судов заключается в том, что добросовестность — это не просто отсутствие нарушений закона, а модель должного поведения.

— Активная роль суда: Суд не обязан ждать заявления стороны о недобросовестности оппонента. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ (Постановление № 25), суд сам, по собственной инициативе, может признать поведение участника спора недобросовестным. При этом суд обязан вынести обстоятельства недобросовестности на обсуждение, чтобы стороны могли изложить свои доводы. Это подчеркивает отход от принципа чистой

состязательности в пользу установления истины и справедливости по делу.

— Оценка «разумного участника»: При оценке добросовестности судьи исходят из поведения, которого можно ожидать от любого разумного участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны. Как отметил председатель Совета судей РФ Виктор Момотов, добросовестность — это «справедливость действий по отношению к другому человеку».

Таким образом, принцип добросовестности служит важнейшим механизмом обеспечения баланса частных и публичных интересов и поддержания доверия к судебной системе.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 8.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2020 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. Н. Волкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2020. — № 6.
4. Добросовестность: как ее определяют суды в имущественных спорах // Право.ру. — URL: <https://pravo.ru/story/202441> (дата обращения: 29.05.2026).
5. Виктор Момотов: Особая роль при реализации и толковании принципа добросовестности принадлежит судам // Адвокатская газета. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/viktor-momotov-osobaya-rol-pri-realizatsii-i-tolkovanii-printsipa-dobrosovestnosti-prinadlezhit-sudam/> (дата обращения: 29.05.2026).

Женская преступность в современной России: криминологический анализ и пути профилактики

Хабалова Фатима Мурмановна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются актуальные проблемы женской преступности в современной России с позиций криминологического анализа. На основе статистических данных МВД России, судебной практики и научных исследований за 2021–2025 гг. выявляются структура, динамика и детерминанты женского преступного поведения. Особое внимание уделено гендерной специфике преступлений, виктимности женщин, а также росту экономических и киберпреступлений. Подчеркивается необходимость перехода от карательной модели уголовной политики к гендерно-ориентированной профилактике, включающей социальную, психологическую и правовую поддержку уязвимых категорий женщин. Предложены конкретные меры по совершенствованию системы профилактики и реабилитации.

Ключевые слова: женская преступность, криминология, гендерная специфика, виктимность, профилактика, реабилитация, социальные детерминанты, рецидив, Россия, судебная практика.

Female crime in modern Russia: a criminological analysis and prevention strategies

Khabalova Fatima Murmanovna, master's student
Moscow University «Synergy»

The article examines current issues of female crime in modern Russia from the perspective of criminological analysis. Based on statistical data from the Ministry of Internal Affairs (MVD) of the Russian Federation, judicial practice, and scientific research from

2021–2025, the structure, dynamics, and determinants of female criminal behavior are identified. Particular attention is paid to gender-specific characteristics of crimes, female victimization, and the increasing rates of economic and cybercrimes. The necessity of shifting from a punitive model of criminal policy to a gender-sensitive prevention approach is emphasized, including social, psychological, and legal support for vulnerable groups of women. Specific measures are proposed to improve the systems of crime prevention and rehabilitation.

Keywords: *female crime, criminology, gender specificity, victimization, prevention, rehabilitation, social determinants, recidivism, Russia, judicial practice.*

Введение

Женская преступность представляет собой не просто форму правонарушения, а социальный симптом, отражающий состояние семьи, экономики и гендерных отношений в обществе. Хотя женщины совершают меньшее количество преступлений по сравнению с мужчинами, их доля в общей структуре преступности стабильно растет. Современная женская преступность вышла за рамки традиционно «бытовых» или «эмоциональных» форм, и женщины все чаще вовлекаются в мошенничество, незаконное предпринимательство, оборот наркотиков и киберпреступления. При этом мотивация остается специфической, часто связанной с выживанием, защитой детей, бедностью и жертвенностью.

Цель настоящей статьи заключается в проведении криминологического анализа женской преступности в России за последние пять лет, выявлении ключевых тенденций и предложении научно обоснованных мер профилактики и социальной реинтеграции. Анализ строится на данных официальной статистики, судебной практики и криминологических исследований, позволяющих осмыслить феномен в контексте гендерных и социальных детерминант.

Основная часть

Анализ преступлений, совершаемых женщинами, всегда выделяется как ключевой аспект в области криминологии. Хотя женщины составляют лишь небольшую часть среди всех зафиксированных правонарушений по статистике (около 15–20 % в России, что соответствует глобальным тенденциям), внимание ученых к этой проблеме по-прежнему остается на высоком уровне. Это обусловлено, прежде всего, уникальной природой данного вида преступности, его тесной связью с фундаментальными социальными институтами, прежде всего семьей, и существенной трансформацией в условиях меняющегося общества» [1, с.235]. Структура и динамика женской преступности в период 2021–2025 годов демонстрируют устойчивый рост. В 2021 году было осуждено 172 400 женщин, а к 2024 году этот показатель увеличился до 189 300 человек, что соответствует приросту на 9,8 % за три года [2]. Доля женщин среди всех осужденных выросла с 16,3 % в 2020 году до 18,7 % в 2024-м, что подчеркивает эволюцию их роли в криминальной среде. Классификация преступлений, совершаемых женщинами, отражает разнообразие форм: имущественные преступления доминируют с долей 58 %, включая кражи, мошенничество и мелкие хищения, часто обусловленные экономической необходимостью. Преступления против личности составляют 22 %, преимущественно в семейно-бытовой сфере, такие как убийства, побои и истязания. Экономические преступления занимают 12 %, охватывая факторинг, незаконную предпринимательскую деятельность и уклонение от уплаты налогов. Особо стоит отметить рост киберпреступлений до 5 % (увеличение на 45 % с 2021 года), включая фишинг, мошенничество в социальных сетях и участие в опасных онлайн-группах. Наркопреступления, хотя и составляют всего 3 %, часто реализуются женщинами в роли курьеров или «закладчиков», что связано с уязвимым социальным статусом.

Гендерная специфика женской преступности проявляется в мотивационной сфере и виктимности. В отличие от мужчин, женщины совершают преступления под влиянием иных факторов: экономическая необходимость мотивирует 45 % случаев, особенно при наличии детей и отсутствии работы; семейно-бытовые конфликты — 30 %, связанные с насилием, изменой или разводом; защита детей — 15 %, например, в форме убийства насильника над ребенком; зависимости (алкоголь, наркотики, азартные игры) — 10 %. Как подчеркивает Антонян Ю. М., «женщина-преступница чаще действует в состоянии аффекта под влиянием сильного эмоционального напряжения, что требует дифференцированного подхода к квалификации деяний» [3, с. 45]. Виктимность осужденных женщин высока: более 60 % из них, осужденных за убийство супруга, сами были жертвами домашнего насилия; у 40 % диагностированы признаки посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), депрессии или иных психических нарушений; 75 % — матери-одиночки, воспитывающие детей в сложных условиях. Судебная практика все чаще учитывает виктимность как смягчающее обстоятельство, как в примере приговора Ленинского районного суда г. Уфы от 09.09.2025 по делу № 1–188/2025 [4].

Социальные и криминологические детерминанты женской преступности коренятся в социально-экономических, семейных и психологических факторах. Низкий доход ниже прожиточного минимума отмечен у 52 % осужденных женщин, безработица — у 48 %, жилищная нестабильность (проживание в съемных квартирах или у родственников) — у 40 %. Семейные обстоятельства усугубляют ситуацию: развод или раздельное проживание — у 65 %, отсутствие поддержки со стороны семьи — у 58 %, наличие малолетних детей до 14 лет — у 70 %. Психоло-

гические особенности включают низкую стрессоустойчивость (47 %), импульсивность (39 %), склонность к депрессии (35 %) и зависимость от партнера (экономическую и эмоциональную — 41 %), что усиливает риск криминализации. [5, с. 152]

Обсуждая факторы, провоцирующие женскую преступность в наше время, стоит обязательно отметить радикальные сдвиги и реформы, затронувшие практически все аспекты общественной жизни за минувшие годы. Сдвиг в сторону рыночных отношений, активное включение женщин в рабочие и производственные процессы, эволюция их общественных обязанностей и позиций — лишь часть тех трансформаций, что мы фиксируем сегодня. Однако некоторые из этих нововведений влекут за собой деструктивные эффекты, такие как рост безработицы, обвал уровня жизни, алкоголизация общества, ослабление роли семьи, нравственный упадок, и в итоге это спровоцировало всплеск правонарушений.

Особенности женской психики делают их более уязвимыми к стрессовым ситуациям: они острее реагируют на эмоциональные потрясения, поэтому то, что мужчина способен перетерпеть без особых последствий, для женщины порой оборачивается толчком к совершению противоправного акта.

Проблемы уголовно-правового и социального реагирования на женскую преступность связаны с судебной практикой и рецидивом. В 2024 году отсрочка отбывания наказания по ст. 82 УК РФ для женщин с детьми применялась в 68 % случаев условного осуждения, альтернативные меры (общественные или исправительные работы) — в 25 %, реальные сроки — в 32 %, особенно при тяжких преступлениях. Однако «». Рецидивная преступность достигает 31,4 % в течение трех лет после освобождения, обусловленная отсутствием жилья, стигматизацией, трудоустройством и психологической помощью [6, с. 404].

Направления совершенствования профилактики и реабилитации предполагают гендерно-чувствительную криминологию с обучением сотрудников МВД, судей и прокуроров гендерным аспектам, разработкой методик работы с женщинами-правонарушителями. Необходимо расширить альтернативные меры наказания, включая условное осуждение, общественные работы и реабилитационные центры для матерей с детьми. Социальная поддержка должна включать кооперативы для трудоустройства бывших заключенных, программы психологической помощи в СИЗО и колониях, а также убежища для семей в кризисе и центры помощи жертвам насилия. Правовые инициативы подразумевают принятие федерального закона о гендерно-ориентированной криминологической политике и учет виктимности как смягчающего обстоятельства, аналогично зарубежной практике.

За минувшие десять лет власти страны предпринимают ощутимые шаги для поддержки женщин в социальной сфере, обеспечения безопасности материнства и благополучия детей, повышения их социального статуса и минимизации гендерного неравенства в эволюции об-

щества в целом. В частности, «сформировано законодательство в области социальной политики и экономики, направленное на создание основы для развития гендерно-ориентированной и гендерно сбалансированной жизни. Однако имеющиеся сегодня проблемы практической реализации этих важных начинаний говорят о неэффективности предпринимаемых усилий».

В рамках инициатив по социальной поддержке для повышения статуса женщин стоит рассмотреть следующие шаги:

1) комплексную помощь от государства и общества в укреплении института материнства, а также заботу о женском здоровье на всех этапах жизни;

2) гарантии и меры защиты для наиболее подверженных рискам слоев населения, включая женщин и детей, против вредных эффектов от неравенства в доходах и социальном положении;

3) запуск федеральных и местных проектов по ликвидации нищеты и обнищания, с приоритетом на устранение угрозы роста женской доли среди бедных и безработных, а также других подобных проблем.

Как экономические инструменты для всеобщей профилактики преступлений среди женщин можно использовать: нормализацию экономической ситуации, минимизацию негативных последствий глобального финансового спада (включая ограничения, наложенные на Россию), активную борьбу с безработицей среди представительниц прекрасного пола и аналогичные действия.

Политические подходы к общей превенции женской преступности «направлены на оптимизацию работы органов власти, обеспечение равенства в социальном плане для женщин, укрепление веры населения в официальные и общественные структуры, формирование надежной системы продвижения женщин в сферу политики и руководства для тех, кто стремится применить свой потенциал» [8, с. 193].

Идеологические меры общесоциального предупреждения женской преступности «должны быть сосредоточены на создании у женщин осознанного отказа от решения собственных проблем путем совершения преступления. В наше время в стране полностью отсутствует общая идеологическая основа, а этические нормы стали расплывчатыми, что провоцирует у людей ощущение уязвимости и тревоги по поводу своего завтрашнего дня» [9, с. 39].

Меры культурного характера при условии их грамотного воплощения в жизнь «способны положительно повлиять на формирование женщины, гармонично развивая ее внутренние способности и таланты. Ключевыми субъектами, в обязанности которых входит подобная деятельность, являются учреждения дополнительного образования, призванные направить интересы женщин в созидательную сторону» [10, с. 205]. Часто именно вне круга семьи, учебного заведения и трудовой деятельности представительницы прекрасного пола стремятся найти пути для воплощения своих задумок, обретения уверенности в себе, поддержки и симпатии от тех, кто разделяет их

взгляды. А в ситуациях, когда альтернативные пути той или иной причине закрыты, роль дополнительного «воспитания» за пределами дома и школы берёт на себя уличная среда со своими правилами и ценностями.

Некоторую полезную роль в предотвращении правонарушений играет использование инженерных решений, включая устройства, усложняющие акты преступлений (например, меры по техническому усилению защиты в паре с установкой на объектах систем видеонаблюдения, сигнализации тревоги и прочих элементов).

Основы специальной профилактики женской преступности реализуются уполномоченными органами (правоохранительными, социальной защиты и др.). Значительную роль играют комиссии по делам несовершеннолетних: они проводят беседы с девушками-подростками на учете, встречи с населением, работу в образовательных учреждениях и информирование через СМИ. Это способствует борьбе с преступностью как несовершеннолетних, так и взрослых женщин через воспитательное воздействие на матерей.

Критической проблемой остается семейное неблагополучие, провоцирующее женскую преступность. Необ-

ходима активизация работы государственных и общественных органов, создание механизма взаимодействия субъектов профилактики.

В индивидуальной профилактике акцент на микросоциальной среде, особенно в пенитенциарных учреждениях. Пенитенциарное и постпенитенциарное предупреждение фокусируется на социальной реабилитации (ресоциализации) осужденных женщин через карательные-воспитательные меры для личностного изменения.

Заключение

Женская преступность — это социальный сигнал о системных проблемах, таких как бедность, насилие и отсутствие поддержки, и ее нельзя анализировать в отрыве от жизненного контекста женщины. Для эффективного противодействия требуется признание гендерной специфики, переход от репрессивной к профилактической модели и внедрение комплексных мер социальной, психологической и правовой поддержки. Такой подход позволит не только снизить уровень преступности, но и обеспечить реинтеграцию женщин в общество.

Литература:

1. Солодянкина О. Ю. Женская преступность: криминологический аспект // Вестник науки. — 2025. — № 10 (91). — С. 235–243. EDN: QXDYUC
2. Состояние преступности. МВД России // <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения 12.04.2026).
3. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. — Москва: Российское право, 1992. — 256 с. EDN: ZQONVS
4. Приговор Ленинского районного суда г. Уфы от 09.09.2025 по делу № 1–188/2025 // <https://www.klerk.ru/doc/665295/> (дата обращения 12.04.2026).
5. Кунц Е. В. Специфика причин и условий современной женской преступности // Вестник ВИПК МВД России. — 2025. — № 3 (75). — С. 151–156. EDN: GJPSGR
6. Новиков Е. Е., Темирханов М. А., Шерхов Р. Р. О некоторых проблемах уголовно-правового регулирования и практики применения отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) в период исполнения лишения свободы // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 7(223). — С. 403–406. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_7_403 EDN: ELFLAY
7. Фоман А. А. Политический аспект борьбы с преступностью в современной России / А. А. Фоман, М. А. Фомин // Антиобщественный образ жизни и преступность молодежи: материалы Всероссийского круглого стола (16–17 сентября 2011 г.). — Ростов н/Д: ДЮИ, 2011. — С. 192–198.
8. Петин И. А. Формирование и предупреждение преступного поведения: идеологические аспекты / И. А. Петин // Российский следователь. — 2011. — № 14. — С. 39–42. EDN: NYFNTP
9. Лукаш А. В. Трудовое воспитание молодого поколения средствами культуры как фактор снижения преступности / А. В. Лукаш // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. материалов XIV науч.-практ. конф. (17 февраля 2017 г.): в 2 ч. Ч. 1. — Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. — С. 205–209.

Проблемы института адвокатского расследования в уголовном процессе

Чернышев Кирилл Васильевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Заворин Андрей Александрович, студент

Московский университет «Синергия»

Казакалиев Марсель Таалайбекович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Авторы анализируют понятие «адвокатское расследование», а также рассматривают полномочия адвоката по актуальному уголовно-процессуальному законодательству.

Ключевые слова: адвокат, защитник, адвокатское расследование, деятельность адвоката, уголовный процесс.

Адвокатское расследование — это совокупность действий и мероприятий, проводимых адвокатом для сбора сведений в целях защиты интересов клиента в уголовном, гражданском или административном процессе. Оно представляет собой альтернативный или дополняющий механизм к официальному расследованию, проводимому правоохранительными органами.

Основная цель адвокатского расследования в рамках уголовного процесса — выявить и зафиксировать доказательства, которые могут быть использованы в суде для оправдания подзащитного, смягчения его вины или установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

Самостоятельная деятельность защитника по собиранию сведений, имеющих доказательственное значение, является важной составляющей реализации защитной функции в уголовном процессе и закреплена в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, а также в пп. 1–3 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Эти нормы позволяют защитнику-адвокату собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе:

1. опрашивать лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь.
 2. собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами.
 3. запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также общественных объединений и иных организаций. Указанные органы и организации обязаны выдать адвокату запрошенные им документы или их заверенные копии.
 4. привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.
 5. Допрашивать свидетеля при обеспечении его явки.
- Далее будут подробно рассмотрены вышеуказанные способы.

Опрос. Адвокат может оформить опрос в виде ответов лица на определенные вопросы, либо позволить лицу свободно рассказать об интересующих обстоятельствах и задать вопросы в конце. Совершить опрос ранее допрошенного лица возможно, только если данное лицо не предоставило исчерпывающих или интересующих сведений ранее.

Акт опроса, как представляется, должен соответствовать требованиям допроса свидетеля. Поскольку протокол опроса лица с его согласия отвечает указанным требованиям, он является доказательством, в связи с чем подлежит приобщению. Если у следователя возникают сомнения относительно подлинности протокола опроса лица с его согласия, то возможна проверка доброкачественности его как доказательства, например, проведение допроса лица.

Получение предметов, документов и иных сведений. В отличие от следователя, адвокат не может принудительно изъять интересующие предметы и документы. Поэтому данная деятельность представляется исключительно на добровольной основе с согласия владельца. Адвокату следует получить заявление от владельца интересующей вещи или документа. Защитнику следует указать, каким образом и в какое время лицом был получен предмет, индивидуальные признаки, причина передачи адвокату, взять расписку о добровольности и отсутствии воздействия и принуждения. ФПА рекомендует нотариально засвидетельствовать эту подпись.

Адвокат может пригласить двух лиц, в присутствии которых произойдет передача предмета по воле владельца и ход осмотра. Также возможно участие специалиста и ведение аудио или видео записи. По окончании составляется документ, где указывается ход исследования и результаты.

В документе можно отразить: время и место передачи предмета, перечень лиц, основания получения предмета, технические средства, какой именно предмет был передан, результаты его осмотра, упаковка и опечатывание предмета.

Запрос. Адвокат наделен особым полномочием направлять запросы в органы и организации, которые обя-

зательны для исполнения. Соответствующие органы и организации обязаны предоставить документы, копии, составить характеристику, направить иные сведения, которыми они обладают. Путем запроса могут быть истребованы любые сведения, кроме персональных данных и информации с особым режимом доступа. Те, кому был направлен запрос, не вправе отказать лишь на основании непонятности и неясности причин, по которым защитнику понадобилась данная информация.

Основной проблемой адвокатского запроса является его игнорирование. Защитнику доступны следующие способы борьбы с этим системным явлением: заявление ходатайства об истребовании доказательств; повторный запрос с указанием на ответственность за незаконный отказ; обращение к руководителю организации или органа власти; обращение в вышестоящий орган власти; обращение в прокуратуру о проведении проверки на предмет исполнения закона об адвокатской деятельности и адвокатуре; обращение в суд с административным исковым заявлением о признании бездействия незаконным.

Привлечение специалиста. Фактически, специалист является главным инструментом в руках адвоката для противодействия экспертизе следствия. Поскольку в привлечении специалиста и его допросе нельзя отказать, то в тех ситуациях, когда тактика и стратегия защиты заключаются в назначении по делу повторной или дополнительной экспертизы, сторона защиты получает заключение специалиста в свете обоснованности и достоверности экспертного заключения, соответствии методик и технического обеспечения эксперта последним и актуальным научным знаниям. Самое главное в заключении специалиста — именно оценочный, консультативно-информационный характер, поскольку в противном случае суды мотивируют свой отказ в приобщении доказательств или назначении экспертизы тем, что оно не соответствует критериям допустимости доказательств, поскольку специалист, в отличие от эксперта, не наделен правом проведения исследования, а лишь вправе высказать суждения по вопросам, касающимся той области, в которой он обладает специальными познаниями.

Допрос свидетеля. Поскольку нельзя отказать в допросе свидетеля, при обеспечении его явки, то данный способ расследования является одним из наиболее эффективных. Особого внимания требует предварительная работа со свидетелем — необходимо установить устойчивый, доверительный психологический контакт, согласие на допрос и желание явиться в суд или к следователю. Также важной частью является предварительная беседа со свидетелем, где кроме объяснения правовых аспектов, присутствует структурирование воспоминаний, выявление новых фактов, свидетелей, обстоятельств, которые имеют значение для расследуемого дела, предупредить о потенциальных вопросах со стороны других участников. Возможна репетиция для снижения стресса перед самим допросом.

Проанализировав вышеуказанные полномочия, можно заявить о том, что в настоящий момент институт адво-

катского расследования не существует, поскольку самостоятельная деятельность адвоката в настоящее время поставлена в зависимость от следствия и суда, то и сам этот термин очень условен. В силу отсутствия властных полномочий, статуса представляемых сведений в качестве «иных документов», данную деятельность нельзя назвать дополнительным или альтернативным расследованием, наиболее точный термин — самостоятельная деятельность адвоката.

В науке существует несколько концепций адвокатского расследования: параллельное расследование, где адвокат наделяется полномочиями производить следственные действия самостоятельно и оформлять их протоколом; концепция с участием следственного судьи, имеющего кроме обычных полномочий, свойственных следственному судье, специальные — на придание доказательственной силы сведениям и предметам со стороны защиты. Сторонники первой концепции, в частности Мельников В. Ю. указывают на необходимость укрепления состоятельности, повышения эффективности защиты прав обвиняемого. Согласно данной точке зрения адвокатам предлагается дать полномочия на проведение следственных действий, в частности на осмотры, привлечение экспертов, обязательное приобщение материалов адвокатского расследования к делу.

Однако данная инициатива имеет существенные недостатки, как отмечают критики, в частности Давлетов А. А.

Во-первых, она противоречит исторически сложившемуся континентальному типу российского уголовного процесса, который носит публично-обвинительный (смешанный) характер с преобладанием полномочий государственных органов и не позволяет возлагать обязанность по собиранию доказательств.

Во-вторых, в настоящее время отсутствует четкая правовая регламентация. Даже при законодательном закреплении полномочий адвокатского расследования, необходимо определить допустимые действия, процессуальные формы фиксации и порядок представления собранных доказательств. Без этого они рискуют не получить статус доказательств и не быть приобщенными к делу, поскольку в УПК РФ они прямо не указаны, как доказательства.

В-третьих, сейчас существует зависимость от органов расследования и суда. Адвокат не может самостоятельно придавать полученным материалам статус доказательств, для этого требуется ходатайство, в котором могут отказать. Это сохраняет розыскной характер следствия, оставляя следователя и суд в доминирующей позиции, а защитника — в роли просителя.

Наконец, существуют проблемы с признанием материалов, собранных адвокатами из-за отсутствия процессуальной формы. Сроки получения информации по адвокатскому запросу также могут не соответствовать срокам расследования. Таким образом, несмотря на демократический потенциал идеи адвокатского расследования, ее практическая реализация сталкивается с препятствиями.

Литература:

1. Ильюхов, А. А. Расширение полномочий адвоката посредством введения института следственного судьи в рамках параллельного расследования при производстве по уголовным делам: вопросы теории и практики / А. А. Ильюхов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2023. — № 2(36). — С. 77–83.
2. Давлетов А. А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 1. С.72–76.
3. Мельников В. Ю. Адвокатское расследование в состязательном уголовном процессе // Адвокатская практика. М., 2010. № 4. С. 32–40.
4. Салакко А. С. Адвокатское расследование // Адвокатская практика. — М.: Юрист, 2016. № 4. С. 15–22.
5. Салакко А. С. Адвокатское расследование как деятельность адвоката в российском уголовном процессе // Адвокатская практика. — М.: Юрист. 2017. № 3. С. 46–51.
6. Сибирцев Г. И. Институт адвокатского расследования как необходимый элемент независимости адвоката // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 263–269.
7. Халилов Ф. Я. Понятие адвокатского расследования в уголовном процессе: краткий анализ позиций в теории // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 183–186.

Проблемы института соучастия в уголовном праве

Чернышев Кирилл Васильевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Заворин Андрей Александрович, студент

Московский университет «Синергия»

Казакалиев Марсель Таалайбекович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Авторы анализируют проблемы института соучастия, в частности, неосторожного сопричинения, а также рассматривают возможности их решения.

Ключевые слова: соучастие, неосторожное сопричинение, преступление, группа лиц, исполнитель, пособник.

В правоприменительной практике по соучастию в преступлении встречаются определенные проблемы, которые условно можно поделить на следующие виды: проблемы неосторожного сопричинения, применимость понятия соучастие к посредственному исполнителю и ошибки правоприменения.

1. Проблемы возникающие вследствие «неосторожного сопричинения», под которым понимается ситуация, при которой группа лиц заранее не договорившись, а равно не согласовавшая свои действия совершает одно и то же преступление.

Данная проблема сугубо доктринальна, поскольку законодатель дает однозначный ответ — каждому вменяется отдельный состав. Данная формулировка отразилась большой доктринальной полемикой. Разные авторы делят нас сторонников института неосторожного сопричинения и противников.

К противникам относится Н. С. Таганцев, отметивший, что исходя из самой сущности неосторожности, лицо не может быть сообщником в вине других, не может нести ответственность за совместность его действия с другими. В подтверждение он выделяет три случая, при которых

возможно совершение преступления по неосторожности, исключая соучастие: неосторожное участие в умышленном действии другого лица, умышленное участие в неосторожном действии другого, и наконец, случаи совместного учинения неосторожности.

Так, Н. Д. Сергеевский считал, что неосторожное соучастие возможно при определенных обстоятельствах. Так, например, если переносить описанную им конструкцию на реальное дело, то можно привести следующий пример: глава обслуживающей компании приказал двум рабочим внести в смету осмотра несущих балок крыши помещения удовлетворительный результат. Он не полагал, что возможно может случиться чрезвычайное происшествие с обвалом и последующими жертвами, однако это случилось, в данном случае его роль можно рассматривать в качестве подстрекателя, по ст. 33 УК РФ, а действия подчиненных ему должностных лиц в качестве исполнителя и соисполнителя, и применить к ним троим ч.2 ст. 293 УК РФ.

В противовес его точке зрения выступал Ф. Лифт, который считал, что в соучастии не может быть неосторожности, т. к. и подстрекатель и пособник должны осозна-

вать свои действия и возможное наступление преступных последствий.

Что касается последствий при неосторожном сопричинении, то нередко они по своей общественной опасности не уступают (или даже превосходят) результатам сопричинения в соучастии. Руководствуясь этим В. Нерсисян предложил вести следующее изменение в УК РФ: «Если при совершении единого неосторожного преступления в нем взаимосвязано и взаимообусловлено участвовали несколько лиц, что повлекло создание угрозы или наступление единого для них преступного последствия, предусмотренного конкретной нормой Особенной части настоящего Кодекса, то совершенное должно быть определено как неосторожное сопричинение. Каждому из сопричинителей вменяется полностью состав совершенного преступления. Различная степень сопричинения связана лишь с дифференциацией и индивидуализацией ответственности и наказания»

2. Проблема посредственного исполнительства, т. е. когда лицо в качестве исполнителя преступления использует другое лицо, неподлежащее уголовной ответственности по различным основаниям.

Стоит отметить, что по поводу проблемы посредственного исполнения, присутствует толкование Верховного суда Российской Федерации, в котором сказано, что лицо, вовлекшее в преступление лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, или невменяемое лицо, несет уголовную ответственность за данное преступление как исполнитель.

В кассационном определении от 27 мая 2021 г. Верховный Суд указал, что при доказанности согласованности действий и совместного выполнения объективной стороны преступления участие лица, не подлежащего уголовной ответственности, не исключает вменения квалифицирующего признака совершения преступления группой лиц. Подобное толкование породило ряд дискуссий в научной среде, так ряд ученых утверждают, что наличие в преступлении субъекта, не подлежащего уголовной ответственности, попросту отрицает само по себе существование соучастия. Так как из этого следует, что уголовной ответственности подлежит только одно лицо — исполнитель, а исходя из диспозиции ст. 32 УК РФ следует, что соучастие — это преступление, совершаемое двумя и более лицами. В таком случае данный критерий не выполняется, а следственно подобные действия нельзя расценивать в качестве преступления совершенного в соучастии.

3. Проблема неправильного толкования судом и органами следствия норм уголовного кодекса, вследствие чего возникает неправильная квалификация судом деяний преступников.

Из основных ошибок:

Поспособников или подстрекателей необоснованно квалифицируют как соисполнителей, игнорируя УК РФ. На выходе получается ситуация, когда лицо, которое лишь передало орудие преступления, порой привлекается к от-

ветственности наравне с тем, кто непосредственно совершил убийство или кражу.

Смещение форм соучастия, когда происходит подмена организованной группы на преступное сообщество или спонтанного умысла на предварительный сговор.

Вменение эксцесса исполнителя остальным соучастникам.

Следствие склонно квалифицировать любую помощь как соучастие по инерции, игнорируя то, что именно человек осознавал в момент действий, таким образом некоторых лиц определяют, как пособников.

На наш взгляд, главной причиной данных проблем является, в первую очередь, недостаточность правового регулирования, в частности они могут возникать вследствие неправильной работы системы правоохранительных органов. Так, ввиду наличия системы АППГ (аналогичный период прошлого года) следователи и дознаватели заинтересованы в неправильной квалификации действий подозреваемых, для установления более высокого процента показателей раскрываемости дел, связанных с институтом соучастия. Помимо этого возможна неправильная квалификация судом действий подсудимых ввиду ложных или неточных показателей свидетелей, а в доверок недостаточности разграничений различных форм соучастия, им может быть принято неправильное решение по делу, и соучастники понесут либо неоправданно суровое наказание, либо неоправданно мягкое.

Анализируя представленные проблемы, возникающие вследствие недостаточности правового регулирования института соучастия, можно сделать вывод о том, что зачастую научная дискуссия и разногласия в большинстве случаев имеет доктринальный характер. На практике подобные разночтения нивелируются актами Верховного Суда РФ, и устраняются на апелляционных и кассационных инстанциях. Однако стоит отметить, что подобная ситуация, по нашему мнению, не является удовлетворительной, ввиду увеличения и так большой нагрузки на суды данных инстанций.

Говоря о первой проблеме, предлагаем дополнить определение И. А. Рарога с дальнейшим введением в УК РФ:

1. неосторожное сопричинительство — совершение двумя или более лицами, обладающими признаками субъекта деяния, предусмотренного особенной частью настоящего кодекса, противоправных, объективно взаимосвязанных и взаимообусловленных действий (бездействия), каждое из которых входит в объективную сторону преступления, совершённого по неосторожности, и совокупность которых образует причину неосторожного причинения единого, общего для всех причинителей общественно опасных последствий.

2. При назначении наказания каждому из участников неосторожного сопричинения учитываются степень и характер участия, роль и значение действия (бездействия) каждого из сопричинителей для причинения общественно опасных последствий.

Решая вторую проблему предлагаем:

1. Разработать и закрепить в своих четкие ориентиры для разграничения ситуаций соучастия с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности, и случаев, когда одно лицо выступает лишь как инструмент для совершения преступления другим.

2. Унифицировать подход к тому, как мотивы и цели влияют на уголовную ответственность лиц, совместно совершивших преступление. При этом, мотивы и цели одного участника должны вменяться другим только в том случае, если будет доказано, что они знали о них.

3. Унифицировать практику оценки совместного совершения преступлений в соучастии, уделяя особое внимание ситуациям, когда в преступлении участвуют лица, не подпадающие под уголовную ответственность.

Рассматривая третью проблему, трудно дать ответ, который послужит решением, поскольку это системная проблема.

Как возможный вариант решения частной проблемы с квалификацией лица как пособника — детально анали-

зировать субъективную сторону, осведомленность лица и истинную направленность его действий.

Говоря о ошибках квалификации формы соучастия, требуется анализ времени и наличия подготовки. Также на практике иногда путают критерии устойчивости и организованности, следует перестать отождествлять способность сохранять состав и продолжать совместную деятельность с наличием четкого разделения ролей.

В заключение необходимо указать, что соучастие — это один из главных институтов уголовного права Российской Федерации, он гармонично дополняет понятие преступление, вследствие чего правоприменительная может более эффективно квалифицировать те или иные действия различных субъектов одного преступления, определять их роли, выявлять единый преступный умысел, определять вероятный эксцесс исполнителя и т. д. Ввиду чего судом обеспечивается принцип индивидуализации и дифференциации ответственности каждого из субъектов преступного деяния.

Литература:

1. Симонов В. А. Актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации соучастия в преступлении: теория, практика и пути совершенствования // Вестник науки. 2026. № 5 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-ugolovno-pravovoy-kvalifikatsii-souchastiya-v-prestuplenii-teoriya-praktika-i-puti-sovershenstvovaniya> (дата обращения: 29.05.2026).
2. Козлова Ю. Н. К вопросу о неосторожном сопричинении // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2007. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neostorozhnom-soprishinenii> (дата обращения: 29.05.2026).
3. Кулаков А. В., Болотина А. Ю. Понятие и проблемы правовой природы соучастия в преступлении // Вестник Самарского юридического института. - 2021. - № 5 (46). - С.44–47.
4. Лисица, А. А. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и законодательного применения / А. А. Лисица, Е. А. Шищенко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 15 (149). — С. 262–265
5. Лифт Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., - 1903. - С.245–251.
6. Тасаков С. В. Институт соучастия в уголовном законодательстве России и проблемы его правоприменения // Вестник ЧГУ. - 2014. - № 3. - С.293–296
7. Шиханов В. Н. Участие в совершении преступления с лицами, не подлежащими уголовной ответственности: подходы к правовой оценке в современной судебной практике // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2014. - № 2 (28). - С.52–62
8. Журавлев М. П., Наумов А. В., Никулин С. И., Понятовская Т. Г., Рарог А. И., Янеленко Б. В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная (учебник; под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., проф. А. И. Рарога; издание 10-е, перераб. и доп.). — «Проспект», - 2018 г. - с. 895

К вопросу об относительности признаков недвижимого имущества

Чернявская Валерия Юрьевна, студент

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Правильное установление правовой природы того или иного объекта имеет прикладное значение, поскольку определяет, какие нормы гражданского законодательства подлежат применению, влечет возникновение особого правового режима. Вопрос определения признаков недвижимого имущества не теряет своей акту-

альности, поскольку в судебной и правоприменительной практике по-прежнему отсутствует единообразие.

Тесная связь с землей, бесспорно, является первостепенным свойством для института недвижимого имущества. Значение данного признака сводится к тому, что то или иное здание/сооружение или же объект незавер-

шенного строительства основательно связан с земельным участком. Это может проявляться в наличии такого элемента конструкции, как фундамент. Однако данное свойство описывает только большую часть ординарных объектов, являющихся недвижимостью изначально по своей природе. Признак не распространяется на объекты, которые презюмируются законодателем в качестве исключений: воздушные, морские суда, суда внутреннего плавания, и др., именуемые «условной недвижимостью» [2].

По мнению Суханова Е. А., недвижимое имущество есть прежде всего категория юридическая, а не физическая [5]. В этой связи целесообразно рассмотреть пример, свидетельствующий об относительности даже, казалось бы, самого фундаментального признака. Так, события, происходившие в Москве в 1930-е годы, вошли в историю как «бум переездов». Дело в том, что было запланировано построить мост, но этому препятствовал находившийся неподалеку дом в форме буквы «Г», по улице Осипенко. Кроме того, дом находился на болотистой местности, что также усложняло его перемещение. Тем не менее, это никого не остановило, впоследствии дом был разделен на две части и передвинут с помощью специальной конструкции в виде ходовых балок и роликовых опор. Дом существует до сих пор в новой планировке, в нем по-прежнему проживают люди [1]. Таким образом, учитывая истечение длительного периода времени с момента описанных событий, следует принимать во внимание увеличенные в два и более раз современные технические, инженерные, проекторочные возможности.

Вторым, не менее значимым признаком выступает невозможность перемещения без нанесения несоразмерного ущерба объекту. Более того, после такого перемещения объект не будет пригоден для использования по основному назначению. В теории это звучит твердо и, казалось бы, вопросов вовсе не возникает. Возвращаясь к вышеизложенному примеру с «передвижением домов» в Москве, был констатирован факт отсутствия повреждений на изменившем положение доме и его пригодности для дальнейшего проживания.

Более того, он все еще используется по целевому назначению — для проживания, на время непосредственного изменения положения не переселяли жильцов, не отключали воду, газ, электричество, инженерные сети. Формулировка «несоразмерный ущерб», использованная законодателем в ст. 130 ГК РФ имеет своим следствием некоторые расхождения в силу того, что является оценочной категорией, не имеющей пределов «от и до». К тому же, можно ли с абсолютной точностью отнести вещь к недвижимости, если при перемещении был причинен «несоразмерный ущерб», однако после проведения комплекса ремонтных работ, состояние объекта было восстановлено? Или же законодателем подразумевалось, что сам факт причинения «несоразмерного ущерба» не позволяет отнести вещь к недвижимой, не взирая на возможность реконструкции, ремонта? Вопрос по-прежнему остается неразрешенным.

Заслуживающим внимания является следующий пример судебной практики: суд отнес сеть трубопроводов к движимым вещам, ввиду того, что он обладает сборно-разборным характером, а также возможностью монтажа с использованием сварочного оборудования [3]. Суд не учел, что трубопровод является не отдельно взятым элементом, а комплексом объектов, включающих в себя трубы, соединительные механизмы, опоры, затворы и др., функционирующих как система, соответственно, при повреждении одного элемента, его полноценное использование не представляется возможным. Из этого следует, что влияние признака невозможности перемещения без нанесения несоразмерного ущерба рознится и дополнительно требует учета индивидуальных характеристик вещи. В особенности это относится к категории сложных вещей, состоящих из нескольких простых и представляющих собой единое целое, а также имущественных комплексов.

Таким образом, более верным видится использование формулировки «невозможность дальнейшего использования объекта по целевому назначению», вместо «невозможность перемещения без нанесения несоразмерного ущерба объекту» [4].

Обладание недвижимости особым правовым статусом является, пожалуй, единственным неопровержимым признаком, выработанным практикой. Рассматриваемый признак базируется на трех основных составляющих: возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей на недвижимое имущество происходят в особом порядке, сопровождающимся обязательной государственной регистрацией; повышенные требования к осуществлению сделок с недвижимым имуществом; наличие законодательно установленного перечня объектов, ограниченных в обороте, в частности, объекты культурного наследия, оборонно-промышленного комплекса и др. В качестве положительного аспекта стоит отметить детальное законодательное закрепление процедуры государственной регистрации недвижимости. Единый государственный реестр недвижимости является приоритетным и достоверным источником сведений не только о самом недвижимом имуществе, но и о переходе прав на объекты по договорам, а также обременения.

Резюмируя вышеизложенное, стоит подчеркнуть, что выработанные длительными научными изысканиями и практикой признаки недвижимого имущества как объекта гражданских прав все же являются относительными, проблемные ситуации нередко возникают и на практике. Так, Федеральная налоговая служба в информационных письмах в качестве главного и единственного критерия отнесения имущества к категории недвижимости изложила факт регистрации прав на имущество в ЕГРН. Особое внимание этому вопросу уделил ВС РФ, указав на приоритет природных и функциональных признаков объекта, а не исключительно факта государственной регистрации, поскольку ситуации ошибочной постановки на учет в качестве недвижимого имущества по-прежнему имеют место [2].

Литература:

1. Кто и зачем передвигал здания в столице. — URL: <https://realty.rbc.ru/news/577d08a69a7947e548ea42e5>. (Дата обращения: 02.11.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2021 г. по делу № 305-ЭС21–21731 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2020 г. по делу № А65–23979/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Суханов Е. А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 19.

Принцип справедливости в уголовном праве и концепция восстановительного правосудия: точки соприкосновения и противоречия

Чех Карина Витальевна, студент

Научный руководитель: Хожаинова Оксана Васильевна, старший преподаватель
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье на основе сравнительно-правового и доктринального анализа исследуется соотношение принципа справедливости в уголовном праве и концепции восстановительного правосудия. Выявляются общие и отличительные черты этих подходов к реагированию на преступность. Результаты исследования показывают, что, несмотря на существенные различия в целях и методах, существуют значительные точки соприкосновения, позволяющие рассматривать восстановительное правосудие как потенциальный инструмент для более полной реализации принципа справедливости, особенно в части возмещения вреда и ресоциализации.

Ключевые слова: принцип справедливости в уголовном праве, восстановительное правосудие и справедливость, сравнение уголовного права и восстановительного правосудия, точки соприкосновения справедливости и восстановительного правосудия, противоречия принципа справедливости и восстановительного правосудия.

The principle of justice in criminal law and the concept of restorative justice: points of contact and contradictions

Chekh Karina Vitalievna, student

Scientific advisor: Khozhainova Oksana Vasilyevna, senior lecturer
Crimean Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Simferopol)

Based on a comparative legal and doctrinal analysis, the article examines the relationship between the principle of justice in criminal law and the concept of restorative justice. It identifies the common and distinctive features of these approaches to responding to crime. The results of the study show that, despite significant differences in goals and methods, there are significant points of contact that allow restorative justice to be considered as a potential tool for more fully implementing the principle of justice, particularly in terms of compensation for harm and resocialization.

Keywords: the principle of justice in criminal law, restorative justice and justice, comparison of criminal law and restorative justice, points of contact between justice and restorative justice, and contradictions between the principle of justice and restorative justice.

Принцип справедливости занимает центральное место в системе уголовного права Российской Федерации, будучи закреплённым в статье 6 Уголовного кодекса РФ. Согласно законодательной формулировке, наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть

справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [1].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 году в российских судах было рассмо-

тreno более 720 тысяч уголовных дел, при этом доля дел, прекращённых в связи с примирением сторон, составила лишь 4,2 % [6]. Эта статистика демонстрирует, что традиционная карательная модель остаётся доминирующей, несмотря на наличие законодательных возможностей для применения альтернативных механизмов разрешения конфликтов.

Современная уголовно-правовая доктрина переживает период трансформации. Исследователи всё чаще обращают внимание на необходимость расширения понимания справедливости за пределы традиционной формулы «преступление — наказание». Как отмечает Кибальник А. Г., классическая ретрибутивная модель правосудия, ориентированная на воздаяние за содеянное, не всегда обеспечивает достижение всех целей уголовного права, особенно в части восстановления нарушенных прав потерпевшего [4].

Эволюция представлений о справедливости в уголовном праве связана с несколькими факторами:

- признанием того, что интересы потерпевшего часто остаются на периферии традиционного уголовного процесса;
- пониманием ограниченности исключительно карательного воздействия в достижении целей исправления осуждённых;
- необходимостью снижения нагрузки на пенитенциарную систему и судебные органы;
- стремлением к гуманизации уголовной политики в отношении преступлений небольшой и средней тяжести;
- международными обязательствами России в области прав человека.

Принцип справедливости в его традиционном понимании тесно связан с принципом индивидуализации наказания. Суд обязан учитывать множество факторов, включая смягчающие и отягчающие обстоятельства, характеристику личности виновного, влияние наказания на исправление осуждённого и на условия жизни его семьи.

Концепция восстановительного правосудия предлагает радикально иной подход к пониманию справедливости в сфере уголовного права. В центре этой парадигмы находится не наказание преступника, а восстановление нарушенных преступлением общественных отношений, заглаживание вреда, причинённого потерпевшему, и реинтеграция правонарушителя в общество.

Восстановительное правосудие базируется на нескольких ключевых принципах:

- преступление рассматривается прежде всего как причинение вреда конкретным людям и отношениям, а не как нарушение абстрактного закона;
- справедливость понимается как восстановление, а не как возмездие;
- активное участие в разрешении конфликта принимают сами стороны — потерпевший и правонарушитель;
- акцент делается на будущее (предотвращение повторных преступлений, восстановление отношений), а не на прошлое (наказание за содеянное);

— процесс разрешения конфликта является инклюзивным, то есть включает заинтересованных членов общества.

В российской правовой системе элементы восстановительного подхода присутствуют в нескольких институтах. Прежде всего, это институт примирения сторон (статья 76 УК РФ), позволяющий освободить лицо от уголовной ответственности при совершении преступления небольшой или средней тяжести, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причинённый вред [1].

Статистика применения данного института демонстрирует его значимость. В 2024 году количество дел, прекращённых в связи с примирением сторон, выросло на 8,3 % по сравнению с 2023 годом, что свидетельствует о постепенном изменении правоприменительной практики [6]. Однако доля таких дел в общем массиве уголовных дел остаётся незначительной.

Медведева С. В. в своём исследовании отмечает, что развитие восстановительного правосудия в России сталкивается с рядом системных препятствий, включая недостаточную подготовку специалистов, отсутствие единых стандартов проведения восстановительных процедур и сохраняющуюся карательную ориентацию правоохранительной системы [5].

Особый интерес представляет практика применения медиации в уголовном процессе. Хотя Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ прямо не распространяется на уголовно-правовую сферу, на практике медиативные технологии активно используются в рамках восстановительных программ для несовершеннолетних правонарушителей [3].

В некоторых регионах России созданы службы примирения и медиации при судах и комиссиях по делам несовершеннолетних. Анализ их работы показывает впечатляющие результаты: уровень рецидива среди несовершеннолетних, прошедших через восстановительные программы, на 23–28 % ниже, чем среди тех, кто подвергся традиционному уголовному преследованию.

Важным аспектом восстановительного правосудия является его фокус на реституции — возмещении ущерба потерпевшему. Это отличается от традиционного подхода, где возмещение вреда часто носит формальный характер и не является центральным элементом правосудия.

Анализ соотношения принципа справедливости в его традиционном понимании и концепции восстановительного правосудия выявляет как точки соприкосновения, так и фундаментальные противоречия.

Точки соприкосновения

Первая и наиболее очевидная общая черта заключается в стремлении к справедливости как таковой. Обе парадигмы признают, что преступление нарушает баланс в обществе и требует определённой реакции. Различается

лишь понимание того, в чём заключается справедливая реакция.

Вторая точка соприкосновения — признание значимости возмещения вреда потерпевшему. В статье 6 УК РФ указывается, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление, что подразумевает определённую соразмерность и баланс, созвучный восстановительному подходу [1].

Третья общая черта — индивидуализация подхода. Как традиционное правосудие требует учёта личности виновного и обстоятельств дела, так и восстановительное правосудие строится на индивидуальном диалоге между конкретными людьми.

Четвёртая точка соприкосновения — профилактическая направленность. Цель предупреждения совершения новых преступлений присутствует в обеих моделях, хотя механизмы её достижения различаются.

Фундаментальные противоречия

Главное противоречие заключается в различном понимании природы преступления. Традиционное уголовное право рассматривает преступление как нарушение воли государства, выраженной в законе. Государство выступает основным участником уголовно-правового конфликта. Восстановительное правосудие видит преступление прежде всего как конфликт между конкретными людьми, где государство должно играть роль фасилитатора, а не главного обвинителя.

Второе противоречие касается целей правосудия. Карательная модель ориентирована на:

- восстановление социальной справедливости через наказание;
- исправление осуждённого посредством принудительного воздействия;
- предупреждение новых преступлений через устрашение и изоляцию.

Восстановительная модель фокусируется на:

- заглаживании вреда, причинённого преступлением;
- восстановлении отношений между сторонами конфликта;
- реинтеграции правонарушителя в общество через осознание последствий своих действий и принятие ответственности.

Третье противоречие связано с ролью потерпевшего. В традиционной модели потерпевший часто занимает пассивную позицию свидетеля. Его мнение может учитываться, но решение принимает государство в лице суда. В восстановительной модели потерпевший — активный участник процесса, его потребности и мнение являются определяющими.

Четвёртое противоречие касается понимания ответственности. Традиционное правосудие понимает ответственность как претерпевание наказания. Восстановительное правосудие трактует ответственность как активные действия по возмещению вреда и изменению поведения.

Дамм И. А. справедливо отмечает, что попытки механического объединения двух парадигм без осмысления их философских оснований приводят к формализации восстановительных практик и потере их сущностного содержания [3]. Действительно, когда примирение сторон становится лишь формальным основанием для смягчения наказания, не сопровождаясь реальным диалогом и восстановлением, это дискредитирует саму идею восстановительного правосудия.

Пятое противоречие связано с процессуальными аспектами. Традиционный уголовный процесс построен на состязательности, формализованных процедурах и строгих правилах доказывания. Восстановительные практики требуют неформальности, конфиденциальности и гибкости, что трудно совместить с жёсткой процессуальной формой.

Проведённый анализ позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Принцип справедливости в уголовном праве и концепция восстановительного правосудия представляют собой две различные парадигмы понимания целей и сущности реакции на преступление. При наличии общих точек соприкосновения — стремления к справедливости, учёта индивидуальных обстоятельств, значимости возмещения вреда — они фундаментально различаются в понимании природы преступления, роли государства и потерпевшего, целей правосудия и механизмов их достижения.

Противоречия между двумя подходами носят не только технический, но и философский характер. Традиционная карательная модель основана на представлении о преступлении как нарушении воли государства, требующем возмездия. Восстановительная модель рассматривает преступление как конфликт между людьми, требующий разрешения через диалог и заглаживание вреда.

Российская правовая система в настоящее время находится на этапе осторожного встраивания элементов восстановительного правосудия в традиционную карательную модель. Этот процесс сталкивается с серьёзными препятствиями: от инерции правового мышления до отсутствия необходимой инфраструктуры и подготовленных специалистов.

Тем не менее, накопленный за 2022–2025 годы опыт демонстрирует жизнеспособность и эффективность восстановительных практик, особенно в отношении несовершеннолетних правонарушителей и преступлений небольшой тяжести. Снижение рецидива, повышение удовлетворённости потерпевших, разгрузка судебной системы — эти положительные эффекты свидетельствуют о перспективности дальнейшего развития данного направления.

Оптимальным представляется путь не противопоставления, а разумного сочетания двух подходов с учётом категории преступления, личности виновного и позиции потерпевшего. Восстановительные практики не должны полностью заменять традиционное правосудие, но могут стать важным дополнением к нему, расширяя арсенал средств достижения справедливости.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Аналитический доклад Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге «Оценка эффективности восстановительных практик в российской правовой системе». СПб., 2024. 156 с.
3. Дамм И. А. Восстановительное правосудие в России: проблемы теории и практики // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 2. С. 45–58.
4. Кибальник А. Г. Принцип справедливости в уголовном праве: современные вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 78–92.
5. Медведева С. В. Медиация и примирительные процедуры в уголовном процессе России: проблемы правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 48. С. 112–125.
6. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. М., 2024.
7. Панькина И. Ю. Формы восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие / И. Ю. Панькина, В. В. Конин, Т. Н. Долгих — Москва: Полиграфический центр Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2022, — 89 с.
8. Тонков Е. Е. Восстановительное правосудие и традиционная система уголовного права: возможности гармонизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 1. С. 89–104.

Совместное завещание супругов: баланс интересов и риски оспаривания

Яшина Юлия Викторовна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В данной статье рассматривается институт совместного завещания супругов, анализируются его особенности, риски и преимущества, проблемы правоприменения. Более того, подчеркивается грань между наследственным договором и относительно новым видом завещания, который является предметом этого исследования, а также уделяется значительное внимание формальным требованиям к процедуре составления и изменения последнего.

Ключевые слова: совместное завещание, супруги, брак, наследство, обязательная доля, нотариальное удостоверение

С 1 июня 2019 года в российском законодательстве появился институт совместного завещания супругов, который предусмотрел возможность для лиц, состоящих в браке, сообща определять состав наследственной массы, обозначать круг наследников и их очередность в случае смерти завещателей: одного из или сразу обоих супругов.

Заметим, что ранее каждый супруг мог составить только личное завещание в целях распоряжения собственным имуществом, иных альтернатив не предполагалось. Начиная со второй половины 2019 года и по настоящее время супруги имеют право составить единый документ, который будет выражать их общее волеизъявление по поводу перехода наследства. Причём завещать можно как общую, так и личную собственность в том объёме и пределах, которые будут согласованы сторонами.

Обратим внимание, что в качестве наследодателей могут выступать только лица, зарегистрировавшие свой союз в органах записи актов гражданского состояния. Фиктивный брак не порождает никаких правовых последствий, поэтому граждане, которые лишь совместно проживают друг с другом не могут позиционироваться супругами-завещателями. Аналогичная ситуация проис-

ходит и в случае расторжения брака: если совместное завещание уже было составлено, то оно автоматически аннулируется.

Содержание совместного завещания супругов может предусматривать лишение прав на наследство законных наследников, которые могли бы претендовать на них при обычных обстоятельствах. Тем не менее, право на обязательную долю продолжает действовать в рамках этого института. Соответственно, нетрудоспособные родители, супруг, несовершеннолетние или нетрудоспособные дети, иждивенцы гарантировано получают определённый размер отчислений вне зависимости от воли завещателей. Однако, на практике часто возникают споры по поводу момента определения долей, и, как следствие, её величины, так как законодательно этот вопрос пока не урегулирован, что влечёт за собой некую неопределённость.

Также совместное завещание требует нотариального заверения, без которого даже в условиях, угрожающих жизни, письменно выраженные намерения супругов будут считаться лишенными юридической силы. Причина, по которой запрашивается личное присутствие обоих супругов у нотариуса при заключении завещания

кроется в необходимости исключить заблуждение и давление одной стороны на другую.

Если текст завещания уже был ранее составлен и выверен супругами, нотариус всё равно обязан в присутствии обоих супругов прочесть его вслух и удостоверить в истинности их намерений, чтобы избежать спорных моментов в будущем. При желании и согласии завещателей весь процесс фиксируется на видео.

Несмотря на то, что совместное завещание супругов имеет некоторые схожие черты с наследственным договором, данные понятия необходимо чётко разграничивать. Во-первых, наследственный договор можно заключить с любым лицом из числа всех вероятных наследников, что в сравнительно большей степени расширяет границы субъектного состава. Во-вторых, наследственный договор формирует обязательственные отношения, что совсем не свойственно для совместного завещания, где не образуются встречные права и обязанности между наследником и наследодателем.

Получив общее представление о сущности совместного завещания, обратимся к практике мирового масштаба. Действительно, похожая модель существует и в зарубежных странах, но отличается большей императивностью, которая выражается в ограничении возможности внесения изменений в условия, оговоренные супругами ранее.

Федеральный закон «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19.07.2018 N 217-ФЗ закрепляет, что совместное завещание супругов является разновидностью завещания, что явно свидетельствует о том, что весомую роль всё же продолжает играть индивидуальная воля каждого наследодателя, что придаёт некую вариативность и, вероятно, неустойчивость. Ведь супруг вполне может самостоятельно отменить некоторые условия, внести правки или же отказаться от совместного завещания в любой момент и для этого не требуется согласие второго супруга.

Также добавим, что, если муж или жена впоследствии составят личное завещание, то оно станет препятствием для исполнения совместного завещания, так как

последнее утратит силу. В обоих случаях нотариус будет обязан лишь уведомить второго супруга об этом, если последний находится ещё в живых. Отметим, что закрытый характер завещания не допускается, каждый супруг обязательно должен быть осведомлен о всех деталях их общего волевого распоряжения. Однако, в действительности, в условиях, когда наряду с совместным завещанием, кто-либо из супругов составляет личное завещание часто возникают трудности со своевременным информированием, поскольку нотариус может не обладать сведениями о наличии совместного завещания до момента открытия наследственного дела, особенно, если совместное завещание удостоверял не он.

Кроме того, совместное завещание можно оспорить. Если наследники не согласны с тем исходом, который диктует им распоряжение супругов-наследодателей, они могут обратиться в суд с иском о признании завещания недействительным. Соответственно, отсутствует гарантия исполнения изначально совместно согласованной воли супругов, что нарушает, тем самым, баланс интересов и является главным недостатком института совместного завещания.

В заключении, хочется сказать, что невзирая на явную неотработанность и сырьё использования исследуемого нами специфичного вида завещаний в современных реалиях, у этого своеобразного гибрида индивидуальной и общей воли супругов видятся большие перспективы.

Совместное завещание может стать хорошим инструментом, в особенности, когда в семейном кругу муж и жена владеют крупным бизнесом или компанией и необходимо при жизни определить их судьбу, чтобы не допустить больших потерь впоследствии, когда возникнет вопрос о преемственности наследства.

Безусловно, подводя итог всему вышесказанному, отметим, что для обеспечения стабильности необходимо внести некоторые изменения в законодательную и судебную практику, устранив явные противоречия, что, в конечном счёте, позволит добиться устойчивости и распространённости применения института совместного завещания супругов.

Литература:

1. Кархалев Д. Н. Совместное завещание в наследственном праве // Наследственное право. — 2020. — № 1. — С. 12–15.
2. Совместное завещание супругов: особенности и проблемы правоприменения. — Текст: электронный // alrf.ru: [сайт]. — URL: <https://alrf.ru/articles/sovместnoe-zaveshchanie-suprugov-osobennosti-i-problemy-pravoprimereniya/?ysclid=mpjij12758557089323> (дата обращения: 25.05.2026).
3. Туршук Л. Д. Совместное завещание супругов // Наследственное право. — 2021. — № 4. — С. 13–15
4. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19.07.2018 № 217ФЗ (последняя редакция): [принят Государственной Думой 11 июля 2018 года; одобрен Советом Федерации 14 июля 2018 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 30, ч. I. — Ст. 4552. — С. 9245–9246.
5. Якимова Е. С. Совместное завещание супругов: проблемы правового регулирования / Е. С. Якимова // Правовое регулирование экономической деятельности. — 2024. — № 1. — С. 83–90.

ИСТОРИЯ

Русская конница в Первой мировой войне: тактика, огневая мощь и оперативное применение

Диянов Иван Владимирович, студент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье на основе анализа боевого опыта русской кавалерии в 1914–1917 гг. рассматриваются ключевые тенденции её тактического и оперативного использования. Выявляются причины успехов (оборонительные завесы, конные атаки, разведка) и неудач (отсутствие крупных конных масс, неумение организовывать преследование, рутинерство командования). Особое внимание уделяется сражениям при Ярославле, на Гнилой Липе, в ходе Лодзинской и Варшавско-Ивангородской операций, а также реформам 1916–1917 гг. Делается вывод, что русская конница, несмотря на высокий боевой дух, так и не стала полноценным средством оперативного маневра.

Ключевые слова: русская кавалерия, Первая мировая война, конная атака, тактика, оперативный прорыв, кавалерийский корпус, спешивание.

С начала Первой мировой войны в боевой деятельности русской кавалерии выявилось несколько определяющих тенденций, господствовавших в течение всей войны. Во-первых, выдающаяся отвага атак соединениями не выше дивизии. Во-вторых, предпочтение конного боя («шока») всем прочим действиям и склонность к оборонительному бою. В-третьих, неумение кавалерийских начальников руководить большими конными массами в общевойсковом бою. [9; С. 140]

Следствием стало отсутствие конницы в общем бою пехоты и артиллерии; исключение — конные атаки (как правило, силами не выше полка) для прикрытия отхода пехоты. Неумение вести маневренные действия, организовать преследование, ввести конницу в прорыв стали отличительными чертами русской конницы [2, с. 112]. Кавалерийские начальники всеми силами старались беречь людей вплоть до пренебрежения задачами. Исключения — несколько выдающихся командиров — не смогли исправить общей картины. В среде кавалеристов господствовали корпоративные отношения с приоритетом придворных связей [3, с. 78].

Уже в августе 1914 года все эти тенденции проявили себя. О действиях стратегической конницы в Восточной Пруссии будет сказано ниже. Кавалерия Юго-Западного фронта блестяще выполнила задачи по сокрытию сосредоточения русских армий. В ряде столкновений с австро-венгерской кавалерией русская конница вышла победителем. [8; С.247]

В ходе Галицийской битвы кавалерия, не могшая на равных вести огневой бой с пехотой, использовалась как

подвижные резервы. Первым погибшим русским генералом в Первой Мировой войне стал командир Сводной кавалерийской дивизии 5-й армии ген. С. П. Ванновский, убитый в бою под Каменкой Струмиловой. Именно конница сумела предотвратить разгром 19-го армейского корпуса в сражении под Томашовом: 1-я Донская казачья дивизия ген. А. Д. Кузьмина-Короваева сочетанием огня и маневра сорвала планы противника. [2; С.352]

Однако конница Юго-Западного фронта действовала разрозненно — отдельными дивизиями при корпусах. Отсутствие кавалерийских корпусов сковывало действия. В сражении 17 августа 1914 года на Гнилой Липе 10-я кавалерийская дивизия атаковала в конном строю, взяла 4 гаубицы и много пленных, но не была поддержана соседними [9].

Конница нередко использовалась как пехотное прикрытие. Так, на завершающем этапе Галицийской битвы 8-я армия ген. А. А. Брусилова сдерживала контрудар двух австро-венгерских армий. Своевременная поддержка 12-й кавалерийской дивизии ген. А. М. Каледина спасла 24-й армейский корпус. Девятнадцать эскадронов дрались в спешенном строю, пять эскадронов в конной атаке опрокинули 38-ю гонведную дивизию. [9; С.76]

21 августа главнокомандующий Юго-Западного фронта ген. Н. И. Иванов приказал: «Всем армиям иметь кавалерию ближе к противнику, которой всемерно развивать самые энергичные действия в его тылу и на флангах». Однако преследование не удалось. Генерал-квартирмейстер 3-й армии отмечал «странный обычай конницы — отходить на ночлег за свою пехоту». [5; С.115]

Именно в начале войны на Юго-Западном фронте произошло самое большое конное сражение Первой мировой: столкновение русской 10-й кавалерийской дивизии ген. графа Ф. А. Келлера и австрийской 4-й кавалерийской дивизии ген. э.-Р. фон Зарембы 7–10 августа 1914 года у Ярославце. Русские имели 1-ю бригаду (Новгородский и Одесский полки) и донскую артиллерию, австрийцы — пехотный батальон и преимущество в эскадронах. Ген. Келлер, вопреки распространённой «бережливости», решительно атаковал. Ещё в 1910 году он писал: «как только раздался первый выстрел, сбережение конницы неуместно... она должна жертвовать собой» [1; С. 174].

В рукопашной схватке участвовало около трёх тысяч всадников. Австрийцы не имели пик, что давало преимущество русским. В критический момент ген. Келлер сам возглавил атаку, его конвойный сотник Цензин застрелил австрийского командира. Фланговая атака 1-го Оренбургского казачьего полка решила дело: австрийцы бежали, потеряв несколько сотен убитыми и ранеными, 250 пленных кавалеристов, 400 пехотинцев и 8 орудий. Русские потери — 150 человек. Главный итог: 10-я кавдивизия очистила себе дорогу для разведки, что позволило выиграть сражение на Двух Липах. [13; С.110]

В конце Галицийской битвы на левом берегу Вислы был создан импровизированный корпус ген. А. В. Новикова (5, 8, 14-я кавалерийские, 4-я и 5-я Донские казачьи дивизии, Туркестанская казачья бригада) для прикрытия Ивангорода. Опыт показал необходимость кавалерийских корпусов. Ещё до войны Ф. Гершельман доказывал: армия должна иметь как корпусную (войсковую) конницу, так и армейскую (крупные дивизии и корпуса) [4, С. 48]. Однако в России предвоенное реформирование привело к компромиссу: армейская кавалерия осталась в дивизиях, а войсковая — из казачьих сотен, что ослабило разведку. [4; С.46]

Характерный пример неэффективности — Лодзинская операция ноября 1914 года. Группа ген. Р. фон Шеффера-Бояделя прорвалась в тыл 2-й армии. Русская конница (1-й кавалерийский корпус Новикова, 5-я кавалерийская дивизия, гвардейская и Кавказская дивизии) пассивно наблюдала, как немцы вышли из окружения, уведя 16 тысяч пленных и 60 орудий. Генерал Шейдеман признавал: «приемы использования конницы... не были выработаны... для «вождения конницы» у нас было мало подготовленных начальников». [13; С.6]

Ещё на маневрах 1910 года офицер С. Гребенщиков доказывал, что внезапная атака конницы с 200–500 шагов должна признаваться успешной, но рутинеры требовали считать её невозможной из-за пулемётов. Этот консерватизм и привёл к бездействию в Лодзи. [7; С. 45]

В Варшавско-Ивангородской операции кавалерия Новикова, действуя как «завеса», сбила темпы наступления 9-й германской армии, что позволило перебросить к Варшаве Сибирские корпуса. Тактический приём «завеса» — оборонительные действия конницы на широком фронте

для выигрыша времени — стал визитной карточкой русской конницы в 1915 году. [13; С.10]

В период Великого отступления 1915 года конница прикрывала отход пехоты. Командарм-3 ген. Радко-Дмитриев докладывал: «Все кавалерийские дивизии... послужат единственной гарантией твердого, вполне упорядоченного отхода». Однако наступление давалось хуже. Немцы отмечали, что русская конница «останавливалась, прорвав наши иногда до смешного слабые линии, и довольствовалась достигнутым успехом». [6; С.315]

Исключением стало Заднепровское сражение 24–28 апреля 1915 года, где 3-й кавалерийский корпус ген. графа Ф. А. Келлера (10-я кавдивизия, 1-я Донская и 1-я Терская казачьи дивизии) атаковал в конном строю, прорвал оборону 42-й гонведной дивизии и взял почти 3000 пленных. [11; С. 76]

К 1916 году стала очевидна невозможность широкого использования конницы в позиционной войне. По приказу ген. М. В. Алексеева от 5 марта 1916 года при каждом кавалерийском полку сформировали стрелковый (пеший) эскадрон, которые сводились в дивизионы с пулемётами Кольта. Австро-венгры и немцы уже пошли по этому пути. К 1917 году австрийский кавалерийский полк официально состоял из конного и стрелкового дивизионов. [12; С.242]

В ходе Брусиловского прорыва (лето 1916) русская конница вновь не смогла развить тактический успех в оперативный. По словам самого ген. А. А. Брусилова, «кавалерии у нас было слишком много, особенно после того, как полевая война перешла в позиционную». [3; С. 174].

Планы ввода конницы в прорыв под Ковелем не реализовались из-за неудачи фронтальной атаки. На совещании в Ставке 17–18 декабря 1916 года была принята «реформа Гурко»: при каждом кавалерийском полку оставляли 4 конных эскадрона и формировали 2 стрелковых, которые сводились в 6-эскадронные стрелковые полки при дивизиях. Это сокращало конный состав на треть, а лошадей передавали артиллерии. В казачьих частях реформа саботировалась и была частично отменена. [9; С. 165]

Февральская революция 1917 года и последующее разложение армии ударили по кавалерии меньше, чем по пехоте, благодаря лучшему сохранению кадров и высокой доле казаков. Однако июньское наступление провалилось. Кавалерия использовалась в основном для «завесы» на фронте и умирения тыла. К Октябрю 1917 года старая русская конница перестала существовать как организованная сила.

Опыт Первой мировой войны показал, что русская кавалерия обладала высокими боевыми качествами в обороне и разведке, но не смогла стать эффективным инструментом оперативного маневра. Причины: недостаточная огневая мощь, отсутствие кавалерийских корпусов в начале войны, рутинерство командования, неумение организовать преследование и развить прорыв. Лишь немногие командиры (Келлер, Каледин) демонстрировали образцы решительных конных атак. Реформы 1916–1917 гг. запо-

здало переводили конницу на рельсы «езды пехоты», но не успели дать результата из-за революции. Тем не менее

тактические приемы (завеса, сочетание конного и пешего боя) были восприняты последующими армиями.

Литература:

1. Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1949. Т. 3. С. 174.
2. Белов А. Галицийская битва. М. — Л., 1929. С. 356.
3. Брусилов А. Л. Мои воспоминания. М., 1983. С. 58.
4. Гершельман Ф. Кавалерия в войнах XX века. СПб., 1908. С. 46–54.
5. Головин Н. Н. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 115.
6. Горлицкая операция. Сборник документов империалистической войны. М., 1941. С. 315.
7. Гребенщиков С. Конная атака на пулеметы // Военный сборник. 1911. № 7. С. 45–52.
8. Коленковский А. Маневренный период Первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 247.
9. Оськин М. В. Крах конного блицкрига. М., 2009. С. 140–165.
10. Смирнов А. А. Вожди белого казачества. Атаман Каледин. СПб., 2003. С. 51.
11. Соколов Т. И. Боевые действия конницы. М. 1940. С. 76.
12. Шапошников Б. М. Конница (кавалерийские очерки). М., 1923. С. 242.
13. Шафалович Ф. Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26–29 августа 1914 г. М., 1938. С. 110.
14. Шейдеман С. М. Стратегическая деятельность конницы на театре военных действий. М. 1921. С. 6–10.

Декларация независимости: превращение права на жизнь и свободу в основополагающий принцип власти

Нигматуллина Ильдана Рамильевна, студент;

Никифоров Камилль Радифович, студент

Научный руководитель: Степанов Алексей Георгиевич, кандидат философских наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье авторы исследуют, как Декларация независимости повлияла на естественные права человека и превратила их в основу американской государственности.

Ключевые слова: США, работорговля, Декларация независимости, документ, естественные права, неотчуждаемые права, равенство.

Естественные права человека являлись неотъемлемой частью социального устройства многие века. Первые упоминания о них возникли еще в древности, в трудах Платона, Сократа, Аристотеля. Однако в то время понимание естественных прав заметно отличалось от последующих времен и было в определенной степени ограниченным. Естественные права даны человеку от рождения вне зависимости от расы, пола, национальной принадлежности, а также от места и времени рождения. Также естественные права являются «неписаным законом», они даны человеку природой или Богом, поэтому их необходимо соблюдать даже при международных конфликтах. Основными признаками являются: принадлежность к человеку с момента его рождения; выражение наиболее существенных социальных возможностей человека [1]. В настоящее время большинство стран признают эти права, их законодательство базируется на неотъемлемых правах человека и не может им противоречить. Одной из стран, признающей естественные права являются Соединенные

Штаты Америки. 4 июля 1776 года Британские колонии в Северной Америке объявили независимость от Великобритании, назвав себя Соединенными Штатами Америки, приняв Декларацию Независимости США. На I Континентальном конгрессе был выработан свод законов, который защищал интересы колоний, однако британский король Георг III отверг его, из-за чего вооруженный конфликт стал неизбежен. События на I Континентальном конгрессе стали первым этапом объединения британских колоний против общего врага [2].

Значение Декларации независимости стало прецедентным. Это была первая в истории нация, законодательство которой базировалось на верховенстве закона и неотчуждаемости естественных прав человека. Однако до принятия Декларации ситуация в Англии обстояла совершенно иначе. Рассмотрим сферу экономики. Британские чиновники в колониях ограничивали торговлю, сдерживали самостоятельность, а суды контролировались из Лондона. В Бостоне торговля была основной ча-

стью жизни и при каждом изменении в законодательстве (из которого фактически рос диктат) сильно была по карману купцов. Закон о чае от 1773 года закреплял монополию Ост-Индской компании и заставлял американцев платить налог, а также ограничивал местных торговцев в продаже чая, что также било по карману. В 1770 году из-за накала отношений началась Бостонская резня. Это событие стало первым случаем, когда Бостонские военные открыто стреляли в колонистов [3]. Хочется отметить, что британцы использовали колонии в качестве эксплуатируемых масс и с помощью них добивались экономической выгоды. Эксплуатация осуществлялась разными способами, одним из которых было рабство. С XVI по XIX века в Америку и Вест-Индию ввезли около 10–12 миллионов рабов, по некоторым оценкам количество может достигать 17 миллионов. Только с 1713 по 1733 британцы ежегодно ввозили в Америку около 15 тысяч рабов [4]. Рабов заставляли работать в тяжелейших условиях по 16 часов в сутки: на плантациях, в домах у богатых. У англичан даже появилась целая индустрия по похищению детей. Специальные агенты британских торговых компаний высматривали на улицах бедно одетых детей, которых хватали и насильно отвозили в порт. Также поступали с уголовными преступниками, которым грозили смертная казнь или пожизненное заключение. Рабовладельцы могли хлестать, избивать и клеймить невольников до смерти и им сходило это с рук [5]. Пленников часто бросали за борт, когда те были больны, обладали чересчур сильной волей или их было невозможно прокормить. Тех, кому удавалось пережить путешествие, выбрасывали на берег и продавали тем, кто больше заплатит. Матерей разлучали с детьми, мужей — с женами. Рабов насиловали и линчевали, калечили и клеймили. Многие рабовладельцы вели свои дневники, в которых описывали издевательства над рабами. Одним из таких людей был Томас Тилсвуд, который был принят надсмотрщиком за рабами на плантации сахарного тростника. В его четырнадцатитомном дневнике были обнаружены записи 3852 случаев половых контактов с 136 женщинами [6]. Это малая часть всех зверств, которым подвергались рабы со стороны Британии. Полное неуважение к личности, пренебрежение естественными правами — все это оставалось в колониях вплоть до 1865 года.

Как уже говорилось выше, Декларация независимости была принята из-за того, что британские колонии устали жить под гнетом англичан и были вынуждены начать вооруженное противостояние, в ходе которого колонии объединились и впоследствии стали называться Соединенными Штатами Америки. Декларация стала документом, в котором закреплялись в том числе и естественные права человека, о которых далее и пойдет речь. Основные полномочия по созданию Декларации передали Томасу Джефферсону, и он занимался разработкой в течение 17 дней. Изначально она называлась «Декларация представителей Соединенных Штатов Америки, собравшихся на Генеральный Конгресс», однако Конгресс позднее из-

менил название на «Единогласная Декларация тринадцати объединенных штатов Америки». Обсуждение проекта Декларации длилось три дня, в ходе которых из него изъяли раздел, который осуждал рабство и работорговлю в угоду Южной Каролины и Джорджии, которые хотели продолжить заниматься эксплуатацией. Итак, Декларация состояла из трех частей. Первая часть закрепляла суждение о том, что все люди по своему происхождению равны и обладают равными правами. Вторая часть содержала перечень злоупотреблений английской короны по отношению к английским колониям. Третья часть объявляла о разрыве политической связи между колониями и метрополией, каждая колония признавалась самостоятельным независимым государством (штатом) [2]. Основатели Декларации провозгласили в ней несколько основополагающих принципов. Первый — верховенство права. В контексте Декларации это подразумевало, что правительство и народ связаны законом. Закон должен применяться в равной степени ко всем членам общества, будь то правительство или массы, богатые или бедные. Вторым принципом — равенство. Речь идет об индивидуальном равенстве, на которое каждый член ограниченной в правах группы мог претендовать. Третий принцип — естественные права. Согласно Декларации, определенные права человека (право на жизнь, право на стремление к счастью, право на свободу) являлись неотчуждаемыми, так как права исходят от Бога, они рождаются и существуют в каждом человеке, сопровождая его на протяжении всей жизни. Естественные права нельзя продать, завещать, отказать от них, а также они не могут быть отняты государством. В Декларации неотчуждаемость прав имеет практико-ориентированный характер, так как была провозглашена и поддержана политической общностью. Четвертым принципом, который провозглашала Декларация стал принцип общественного договора. Суть заключалась в том, что люди объединились и вместе создали правительство для защиты своих неотъемлемых прав. Если не будет правительства, то не будет и защиты от посягательств на права и свободы [7]. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что Декларация независимости стала исторически важным документом для распространения, а в дальнейшем и для принятия большинством общностей мира естественных прав человека.

Декларация, принятая в 1776 году, изначально содержала пункт об отмене рабства, однако крупные плантаторы были против и этот пункт из Декларации исчез. Конституция 1787 года только укрепила работорговлю и только лишь через 21 год торговлю невольниками попытались ограничить на законодательном уровне через запрет на ввоз африканцев из-за рубежа, однако эксплуататоры нашли иной путь и в качестве рабов стали использовать рабочую силу, которую «разводили» в южных штатах. В 1850 году был принят закон о беглых рабах, в ходе которого поиском невольников предписывалось всем жителям штата. Пример гражданам подавал сам президент — Джеймс Бьюкенен. Однако другой позиции придерживался прези-

дент Авраам Линкольн. В 1862 году он создал закон об отмене рабства, однако это сыграло не ключевую роль, так как мало кто придерживался запрета. Реальный сдвиг произошел в 1865 году после внесения тринадцатой поправки к конституции. Законодательный запрет на работорговлю стал лишь началом к освобождению страны от вопиющего неравноправия. После этого еще долгое время сохранялось четкое разделение между белыми и африканцами: в общественном транспорте темнокожие должны были занимать отдельные места, в кафе и магазинах стоять в отдельных очередях и многие другие вещи [8].

Литература:

1. URL: <https://raa.ru/wp-content/uploads/2018/10/Естественное-право.pdf> (дата обращения: 11.05.2026).
2. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Декларация_независимости_США (дата обращения: 11.05.2026).
3. URL: <https://americanbutler.ru/polezno/istoriya/istoriya-ssha> (дата обращения: 11.05.2026).
4. URL: <https://diletant.media/articles/45303124/> (дата обращения: 11.05.2026).
5. URL: <https://news.rambler.ru/other/42784472-temnaya-storona-britanskoy-imperii-eksperty-rasskazali-o-belom-rabstve/> (дата обращения: 11.05.2026).
6. URL: <https://pavel-shipilin.livejournal.com/821430.html> (дата обращения: 11.05.2026).
7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deklaratsiya-nezavisimosti-ssha-istoriko-pravovoy-analiz-predposylok-i-posledstviy-prinyatiya/viewer> (дата обращения: 11.05.2026).
8. URL: <https://diletant.media/articles/29149503/> (дата обращения: 11.05.2026).

Военные поселения Александра I — фактор экономики или превентивной контрреволюции?

Рябова Валерия Сергеевна, студент

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Военные поселения — противоречивое и неоднозначное явление в истории России. Реформа вызвала широкое недовольство среди населения (например, Чугуевское восстание 1819 г.). М. А. Фонвизин в «Записках» отмечает: «ничто столько не возбуждало негодования общественного мнения против Александра, не одних либералов, а целой России, как насильственное учреждение военных поселений» [9, с.75].

Достоверно известны причины создания военных поселений. К ним относятся: снижение затрат на содержание армии, подготовка обученного резерва, пограничная защита и освоение территорий, попытка постепенного освобождения крестьян и другие. В целом, причины создания военных поселений сводились к экономическим, военным, социальным факторам. Однако, рассматривая исторические факты и события, можно вспомнить, что в это время существенно возросло влияние солдат в государстве после Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов Русской Армии (1813–1814 гг.). Стоит также отметить, что большинство участников Заграничных походов, сравнив Европу и Россию, сделали предпочтение не в пользу Отечества. Солдаты, офицеры ждали от импера-

Декларация независимости США позволила отделиться британским колониям и вести независимую политику, которая привела к созданию суверенного государства с сильной экономикой. Она стала ключевым документом в признании естественных прав человека. Декларация стала началом длительного пути к толерантности и равноправию. Она стала документом, на который в будущем опирались множество стран, так как Декларация закрепляла необходимые для человечества принципы и помогла общественности осознать надобность неотчуждаемых прав и свобод человека.

тора перемен, связанных с проведением конституционных реформ в стране, однако этого не случилось. Важным фактором, ускорившим распространением либеральных идей, стало то, что многие офицеры и солдаты, участвовавшие в войне 1812 г. и Заграничных походах, владели французским языком — это облегчало их общение с местным населением во время походов, а также открывало доступ к оригинальным текстам французских просветителей, например, Вольтера, Монтескье, которые было сложно найти в России. Все это послужило толчком к формированию революционных настроений среди офицеров и солдат.

После Заграничного похода и по возвращении армии в Россию, конституционные идеи стали активнее распространяться в войсках, офицеры начинали вести пропаганду среди солдат [8, с.44]. Власть, понимая приобретенную славу солдат, их воодушевление идеями либерализма, боялась усиления их влияния в государстве и потери в них опоры. Соответственно, можно выдвинуть гипотезу о том, что военные поселения, помимо достоверно известных причин, создавались также с целью не допустить распространения революционных идей среди солдат.

Стоит начать с того, как в России появились военные поселения. Общепринято считать, что инициатором создания являлся А. А. Аракчеев, но сам граф был против их создания. Историк А. А. Кизеветтер, выступая против общепринятого мнения, пишет: «И вопреки распространенному мнению о том, что Александр по слабости характера уступил мнению Аракчеева, отказываясь от собственных планов, на самом деле Аракчеев с его военными поселениями сам входил целиком в эти планы царственного мечтателя, умевшего как никто, связывать в своих фантазиях самые противоположные элементы» [6]. Это утверждает и Великий Князь Николай Михайлович: «Всем было известно, что многие лица, стоявшие во главе администрации, в том числе и граф Аракчеев были против устройства военных поселений; что Аракчеев предлагал сократить срок службы нижним чинам, назначив его, вместо 25-летнего, восьмилетним, и тем усилить контингент армии» [2].

В статье И. С. Шатило «Аракчеевские военные поселения в контексте теории разоружения», автор пишет: «Идея военных поселений на Западе развивалась в контексте идей движения к «вечному миру» и упразднения постоянных армий...» [11, с. 204]. В 1795 г. выдающийся немецкий мыслитель Иммануил Кант опубликовал работу «К вечному миру». В своем трактате он обратил внимание на прямую зависимость международных конфликтов от численности постоянных армий: «...будучи постоянно готовы к войне, они непрестанно угрожают ею другим государствам. Они побуждают их превзойти друг друга в количестве вооруженных сил, которое не знает никакого предела, и поскольку связанные с миром расходы становятся, в конце концов, более обременительными, чем короткая война, то сами постоянные армии становятся причиной военного нападения с целью избавиться от этого бремени» [5, с.103]. И. Кант указал на катастрофические последствия неограниченного милитаризма, ведущего к взаимоуничтожительной войне. Она «привела бы к вечному миру на гигантском кладбище человечества» [5, с.104]. Для предотвращения подобного исхода событий, немецкий философ предлагал принять в качестве основополагающего принципа следующую морально-правовую установку: «Постоянные армии должны со временем полностью исчезнуть» [5, с.103].

Идеи И. Канта были дополнены французскими мыслителями, которые выдвинули предложение о привлечении армии в мирное время к выполнению трудовых и производственных функций. Эта мысль нашла отражение в статье французского генерала Ж. Сервана «*Sur les forces frontiers des etats*» («О пограничных силах государств»).

Историография предлагает различные трактовки происхождения данной идеи у императора. Так, историк Н. К. Шильдер утверждает, что идеей создания военных поселений в России послужило ознакомление государя с вышеупомянутой статьей генерала Ж. Сервана, переведенной на русский язык князем П. М. Волконским. Другие считают, что на идею военных поселений повлияла

статья того же генерала Ж. Сервана «*Le soldat-citoyen*» («Гражданин-солдат»). Третьи утверждают, что форму создания военных поселений император заимствовал из сочинения масона князя М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую».

В первом источнике французский генерал, рассказывая о создании военных поселений, предлагает организовать такие поселения, где солдаты будут заниматься земледелием в мирное время, а в случае необходимости — выполнять военные обязанности. Во второй статье Ж. Серван утверждает, что солдат-гражданин должен в мирное время заниматься мирным трудом. Чтобы избежать праздности лагерной жизни, он должен жить в некоем подобию военного поместья. Там он занимался бы сельским трудом, а также рыл каналы, прокладывал дороги и осваивал необработанные пустоши. Труд на благо обществу объединит солдата с народом и возвысит его. Солдат станет гражданином еще, прежде чем станет солдатом. Кроме того, статус военного будет преисполнен такого достоинства, что французы охотнее будут поступать на службу. В военном поместье будут приюты для ветеранов и школы для солдатских детей [1, с.1101–1116].

В третьем источнике система организации войск излагается следующим образом: «каждому солдату дана меньше обыкновенного хлебопашаря, однако, довольная земля, которую они обязаны стали обделывать: треть же из каждой роты, переменяясь погодно, производит солдатскую службу; и все должны каждый год собираться на три недели и обучаться военным обращениям, а во все время, в каждый месяц — по два раза... Солдаты набираются в «стране Офирской» только из раз навсегда определенных для этой цели селений» [10, с.62].

Исходя из анализа статей французского генерала, можно предположить, что Ж. Серван ссылается на то, что война не должна быть основным ремеслом для солдат, иначе это может привести к усилению их влияния, что будет создавать угрозу для власти, поэтому необходимо создать военные поселения не только из экономических нужд, но и для установления контроля над армией с целью недопущения распространения либеральных идей.

Сочинение «Путешествие в землю Офирскую», предполагает же полную регламентацию жизни солдат: «все так рассчитано, что каждому положено правило, как ему жить, какое носить платье, сколько иметь просторный дом, сколько иметь служителей, по сколько иметь блюд на столе, какие напитки, даже содержание скота, дров и освещения положено в цену» [2].

В целом, анализируя военные поселения в России, можно заметить, что создаваться они начали еще до Отечественной войны 1812 г. Идея учреждения «усадеб для полков» была впервые озвучена Н. С. Мордвиновым в начале 1810 г. Адмирал видел в этом проекте единственную реальную возможность сокращения расходов на содержание армии. В целях обоснования необходимости создания военных поселений Н. С. Мордвинов подготовил специальную записку и предоставил ее императору Алек-

сандру I [10, с.62]. В 1810 г. был предпринят первый, хотя и некрупный, опыт: запасной батальон Елецкого мушкетерского полка был поселен в Климовичском уезде Могилевской губернии. Уже после Заграничных походов, в 1814 г. Александр вызвал А. А. Аракчеева в Петербург и сказал: «Пора нам за дело приниматься, и я жду тебя с нетерпением» [3]. Графу был поручен общий надзор за внутренним управлением, а также осуществление идеи генерала Ж. Сервана о военных поселениях [7, с.383].

Можно предположить, что изначально цель военных поселений заключалась именно в уменьшении расходов на содержание армии. Однако после обозначенных ранее внешнеполитических событий, военные поселения стали создаваться не только с экономической целью, но и с необходимостью взять под контроль солдат и создать в них опору императорской власти.

Писатель Б. Башилов в своей работе «Масоны и заговор декабристов» пишет: «Какую цель преследовал Александр I, создавая военные поселения? Страсть Александра I к прусской муштровке нельзя признать основной причиной. Не является главной целью и желание с помощью создания военных поселений сократить расходы государства на армию. О главной причине желания Александра I создать военные поселения как можно быстрее, историки обычно умалчивают. А эта главная причина заключается в желании Александра I получить опору в создании преданной царскому трону воинской силы, которую в случае необходимости он мог бы противопоставить гвардии, после заграничных походов ставшей цитаделью русского масонства и якобинства» [2].

Стоит вспомнить, что после Отечественной войны и Заграничных походов Александр I меняет свой политический курс в пользу консервативного. Скорей всего, это было связано с опасением либерально настроенных солдат, офицеров, ждавших перемены в государстве от императора. Александр Павлович боялся усиления их влияния и потери в них опоры, поэтому в 1815 г. выступил с предложением воссоздания военных поселений, и в 1816 г. реформа приняла масштабный характер.

Военные поселения предполагали совмещение хозяйственной деятельности с военной службой. Тем самым, можно предположить, что реформа заключалась в создании изолированной военной касты, свободной от «всяких внешних влияний», минимизировать контакт с населением, которые могли распространять революционные идеи. Занимаясь и военной службой, и хозяйственной деятельностью у солдат не оставалось времени на изучение, разработку, распространение либеральных идей. Жизнь в военных поселениях подчинялась строгому военному распорядку. Поселенцы обязаны были носить военную форму, жить и работать по твердому расписанию, круглый год проходить военное обучение. За нарушения следовали жесткие наказания: за побег жестоко избивали, а за повторный побег грозила каторга в Сибири. Такая система была направлена на подавление любой самостоятельности и инакомыслия, что снижало

риск возникновения протестных настроений. Также все население поселенных округов фактически превращалось в пожизненных солдат. Дети военных поселян с 7 лет зачислялись в кантонисты, а по достижении 18 лет призывники направлялись в воинские подразделения. Такая система способствовала формированию у граждан с юных лет навыков подчинения и лояльности к государству, что служило барьером для проникновения радикальных идей.

В военных поселениях жили не только солдаты, но и государственные крестьяне. Возникает вопрос, почему власть решила часть крестьян перевести в военные поселения? Можно выделить несколько причин.

Первая заключается в необходимости пополнения армии. Вторая — в частичном сокращении рекрутских наборов и снижении социальной напряженности в деревнях. Третья причина связана с попыткой решения крестьянского вопроса, а именно, создание военных поселений рассматривалось, как способ снижения остроты проблемы за счет улучшения условий жизни части крестьян, а также, снижение расходов на содержание армии позволяло освободившимся средствам направить на выкуп крестьян с землями у помещиков для их последующего освобождения.

Вместе с тем, заслуживает внимания третья причина учреждения военных поселений, вытекающая из выдвинутой в данном исследовании гипотезы. Как уже отмечалось, после Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии начали получать распространение конституционные идеи, однако преимущественно — в военной среде, тогда как основная масса населения придерживалась монархических взглядов. Император осознавал дестабилизирующий потенциал конституционных настроений для государственного устройства. В связи с этим представляется обоснованным предположить, что в случае, если бы Александр I не продолжил развитие концепции военных поселений (которая, согласно выдвигаемой позиции, выполняла функцию торможения диффузии конституционных идей), конституционные воззрения рано или поздно получили бы широкое распространение и в народной среде. Более того, сама идея военных поселений предполагала элементы решения крестьянского вопроса, а поскольку подавляющую часть населения поселений составляли крестьяне (70 %) [4, с.107–114] это непосредственно затрагивало их интересы. Следовательно, неизбежно нарастало бы недовольство, сперва в армейской среде, а затем и среди крестьянства.

Таким образом, создание военных поселений в России первой четверти XIX века не может быть сведен исключительно к военно-экономическим или социальным потребностям. Традиционно выделяемые в историографии причины, безусловно, играли значимую роль. Однако, как демонстрирует анализ, они представляли собой лишь внешний, прагматический слой реформы, инициированной в условиях послевоенной реконструкции государства.

Вместе с тем, военные поселения выступали инструментом политической стабилизации и идеологического контроля в ответ на распространение либеральных и конституционных идей в армейской среде. Возвращение армии из Заграничных походов 1813–1814 гг. принесло не только славу победителей, но и качественно новую общественно-политическую проблему: рост самосознания солдат и офицеров, их знакомство с европейскими порядками и, как следствие, ожидание конституционных преобразований в России. Власть, осознавая дестабилизирующий потенциал «вооруженного либерализма», избрала превентивную стратегию изоляции армии от общества и тотальной регламентации ее быта.

Анализ интеллектуальных истоков реформы, восходящих к статьям французского генерала Ж. Сервана («О пограничных силах государств», «Гражданин-солдат»), показывает двойственность замысла. Западноевропейская идея «солдата-гражданина», сочетающего воинский долг с производительным трудом на благо общества, в российском самодержавном контексте трансформировалась в свою противоположность: вместо интеграции военного сословия в гражданскую жизнь была создана замкнутая, изолированная военно-аграрная каста. Жизнь в поселениях, подчиненная жесткому распорядку (от формы одежды до хозяйственных работ), а также система кантонистов с детства формировали не гражданина, а послушного исполнителя, лишённого возможности для распространения инакомыслия.

Власть учитывала не только возросшую славу солдат и офицеров, но и ее культурную трансформацию: знание французского языка делало их уязвимыми для «западного влияния»- идеи свободы, конституционализма и другие. Поэтому военные поселения стали рассматри-

ваться как барьер, для дальнейшего распространения либеральных идей.

Особого внимания заслуживает вывод о том, что крестьянский элемент военных поселений становился не только объектом фискальной и военной политики, но и заложником стратегии по предотвращению «заражения» народа конституционными идеями. Создавая социальную изоляцию поселенческих округов, власть стремилась локализовать потенциальный очаг революционных настроений, который, по оценкам императора, концентрировался преимущественно в армии.

Вместе с тем, реформа носила глубоко противоречивый характер. Попытка решить крестьянский вопрос путем улучшения быта части казенных крестьян и аккумуляции средств для будущего выкупа земель столкнулась с жесточайшей формой внеэкономического принуждения и тотальной регламентацией жизни. Как верно отметил М. А. Фонвизин, именно военные поселения стали для современников символом аракчеевского деспотизма, вызвав «негодование целой России» и спровоцировав вооруженные выступления.

Таким образом, военные поселения представляли собой сложный, многогранный институт. Помимо решения тактических военно-финансовых задач, они были призваны выполнить стратегическую функцию превентивной контрреволюции. Неспособность этой системы разрешить заложенные в ней социальные и политические противоречия, наряду с экономической неэффективностью и жестокостью нравов, предопределила крах аракчеевской реформы и ее последующую отмену в 1857 году, а сам опыт военных поселений вошел в историю как одна из самых мрачных и поучительных страниц российской модернизации.

Литература:

1. Servan de Gerbey. Le soldat citoyen, ou, Vues patriotiques sur la maniere la plus avantageuse de pourvoir a la defense du royaume // Dans le pays de la liberte, 1780 P.110–116.
2. Башилов Б. Масоны и заговор декабристов. Буэнос Айрес: Русь, 195-. URL: <https://litlife.club/books/53415/read> (дата обращения: 18.04.2026)
3. Дрюков Ю., Буркова Т. Граф Аракчеев или преданность двум императорам — отцу и сыну // Невский альманах, 2019, № 2.
4. Кандаурова Т. Н. Военные поселения в России в контексте массовых статистических источников // Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории. Вологда, 1999. С. 107–114.
5. Кант И. К вечному миру. М.: РИПОЛ классик, 2019. С.103.
6. Кизеветтер А. А. Император Александр I и Аракчеев — 1911 // Литература и жизнь. 2008. URL: https://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_impirator_alexandr1_i_arakcheev.html?ysclid=mo4mde0da207105365 (дата обращения: 25.04.2026)
7. Князев Е. А. Россия: От Смуты к реформам (XVII—XIX вв.). М., 2009. С.383.
8. Курашов В. А., Егорова Е. В. Влияние заграничного похода 1813–1814 гг. на формирование движения декабристов // Вопросы студенческой науки. Выпуск № 6 (46). 2020. С. 44.
9. Михневич Н. П. История русской армии. Т. 2. С-П.: Полигон, 2003. С. 75.
10. Томсинов В. А. Аракчеев. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 62.
11. Шатило И. С. Аракчеевские военные поселения в контексте теории разоружения // Власть. 2016. Т. 24. № 6. С. 204.

Исторические связи России и Африки

Тимофеев Даниил Алексеевич, студент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

В статье рассматривается история взаимодействия России с Африканским материком и государствами, расположенными на нём. Анализ охватывает период XII–XX веков. Описываются политические и экономические связи, поднимаются актуальные вопросы о влиянии регионов друг на друга. Приводятся примеры отличий отношений между материками в различные временные периоды, указывается их влияние на ход общемировой истории. Подчёркивается их уникальность и непохожесть на международные коммуникации с государствами других регионов. Подводятся выводы о взаимном формировании России и многих африканских стран, рассматриваются дальнейшие перспективы развития взаимоотношений в будущем.

Ключевые слова: Россия, Африка, история, международные связи, политика, экономическое развитие.

В современном образовании история мира чаще всего рассматривается с точки зрения европоцентризма или азиацизма. Действительно, переоценить влияние этих регионов на формирование человеческого общества невозможно. Именно Евразия долгое время была самым развитым континентом, где сформировались крупнейшие государства, появилась наука, ставшая основой современной, зародились мировые религии. Однако исключать роль других материков из истории — огромная ошибка, особенно когда речь идёт об Африке — родине человека. Наш биологический вид, *Homo Sapiens*, возник на юго-востоке Африки примерно 180 тысяч лет назад, предположительно на территории современной Ботсваны [1]. Выход людей за пределы материка и расселение по миру начались около 80 тысяч лет назад. Но как же так вышло, что самыми развитыми центрами человечества по итогу стали Европа и Азия, а не родная Африка? На сегодняшний день большинство учёных предполагают, что причиной являлись более суровые условия. В Африке было изобилие пищи и ресурсов, поэтому люди там не стремились к изучению чего-то глобально нового. В других регионах условия жизни отличались, остро стоял вопрос выживания, и в связи с этим человеку приходилось много изобретать и открывать неизведанное. Чтобы сразу отбросить расистские взгляды, скажу так: мы, переселенцы в Евразию, не стали жить «лучше», мы стали жить просто «по-другому», так, как этого требовали природные и социальные условия. При этом, на протяжении всей истории у нас сохранялись активные связи с Африкой. И эту работу я как раз решил посвятить отношениям материка-прародителя человека с Россией.

Первые достоверные упоминания контакта двух регионов относятся к XII веку, когда в «Повести временных лет», предположительно созданной Нестором, описываются многие страны Африки: «Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирты, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся напротив Гадира» [2]. Большая часть информации о них является пересказом римских и визан-

тийских рукописей, греческих хроников и Библии, однако автор также пишет о русских паломниках, которые посещали Синайский полуостров и Египет. Упоминается присутствие с IX века работорговли — невольных славян продавали правителям Африканских государств, у которых они служили в том числе и в армии. Помимо этого, арабские торговцы привозили русским купцам множество товаров из Африки и рассказывали о её землях [3]. В XVI веке возникают активные связи Русской православной церкви с египетскими христианами. Ведётся совместное строительство монастырей, монахи с двух разных материков отправляют друг другу финансовую помощь. Во время правления Алексея Михайловича даже возникает идея политического союза с Эфиопией, которая так и не была реализована.

Важнейшим формирующим моментом в отношениях России и Африки стало правление Петра Великого, которое в целом задавало новый курс развития для практически всех отраслей государства. Все мы знаем о знаменитом арапе Абраме Ганнибале, который был привезён в 1705 году графом Саввой Рагузинским в подарок императору и впоследствии стал генералом. Его правнук — великий русский поэт А. С. Пушкин. Разумеется, появление «русских африканцев» было не единственным событием, связанным с Петром I. Он рассматривал многие страны материка как потенциальные рынки сбыта российских товаров и даже был инициатором научных экспедиций. В 1723 году был разработан план по использованию острова Мадагаскар в качестве перевалочного пункта на пути из Балтики в Индию [4]. В декабре туда отправилась первая экспедиция адмирала Даниэля Якоба Вильстера, которая, к сожалению, попала в шторм у берегов Шотландии и была вынуждена вернуться. Возобновились попытки создания морского пути вдоль берегов Африки только лишь при Екатерине Великой, но на этот раз не в Индию, а на Камчатку. Хотя маршрут, огибающий целый материк, был намного длиннее почти прямой дороги через Северный Ледовитый океан, но зато избавлял от проблемы непроеходимости замёрзших вод. В 1774 году возникли коммерческие отношения с Алжиром, Тунисом и Триполитанией, а спустя 10 лет появилось русское генеральное консуль-

ство в Египте [3]. Интересно, что связи между Россией и Африкой существовали не только на дипломатическом уровне, но и на бытовом. Например, известны истории о беглецах-каторжниках, которые находили себе укрытие и новый дом на экзотическом материке, а также о матросах-стажёрах, которые отправлялись на обучение к берегам Африки.

Во второй половине XIX века началась активная экспансия и колонизация африканских территорий со стороны европейских государств. Россия выступала противником этого процесса. В 1890-х Александр III, а затем и Николай II помогали Эфиопии бороться против Италии, обманом принудившей негуса Менелика II подписать Уччиаляский договор, хитрые условия которого заставляли африканское государство признать верховенство и протекторат европейского [5]. Россия помогала в боевых действиях и переговорах, снабжала Эфиопию продовольствием и санитарной помощью. 26 октября 1896 удалось добиться подписания Аддис-Абебского мирного договора, по которому Италия выплачивала контрибуцию и признавала независимость африканского государства. Россия также принимала участие и в англо-бурской войне [4]. В 1899–1902 годах более 200 добровольцев помогали бурам в боевых действиях. Среди них были довольно известные личности, например, подполковник Е. Я. Максимов, возглавивший легион из нескольких отрядов и по итогу получивший звание генерала. По всей Африке работали отряды Российского общества Красного Креста, оказывавшие помощь пострадавшим народам. Хотя официально заявлялось, что Россия занимает нейтральную позицию в африканском вопросе, по факту она выступала союзником в борьбе против Европы, чтобы не допустить формирования линий, находящихся под влиянием западной монархии, существование которых могло бы стать проблемой для внешней политики и торговли [5]. По итогу появилось большое количество русских военных, получивших высокопоставленные звания в странах Африки, а после Гражданской войны материк стал убежищем для многих беженцев бывшей Российской империи.

Советский Союз продолжил политику деколонизации. После того, как в 1945 году возникла ООН, началась новая волна национально-освободительного движения. СССР устанавливал отношения и поддерживал

связи с новыми независимыми государствами, такими как Марокко, Судан, Тунис, Ливия, Гана и другие [3]. В 1960 году целых 17 стран Африки избавились от европейского влияния, а в 1963 году свободу обрела Кения, ставшая одним из ключевых государств на материке в XX-XXI веках. В честь этого события режиссёрами Л. В. Аристовым и И. И. Николаевым был создан мультфильм «Африканская сказка», ставший известным и популярным во всём мире. В Гвинее, Камеруне и Чаде предпринимались попытки построения социализма, а в Египте, Алжире, Анголе, Мозамбике и Эфиопии располагались советские военные базы и аэродромы. Велось масштабное возведение современных промышленных объектов, на которых было задействовано около 500 тысяч квалифицированных рабочих и специалистов [6]. В 1960–1990 годах более 90 тысяч африканских студентов получили высшее образование в советских вузах. Большинство из них вернулись к себе на родину и выступали за дружбу и сотрудничество государств. Стоит отметить, что СССР оказывал безвозмездную помощь и поддержку не только социалистическим республикам, но и капиталистическим, таким как Нигерия и Кот-д’Ивуар [4].

Распад СССР в 1991 году и кризис сильно ограничили влияние России в Африке, что привело к отказу от социализма в большинстве стран материка. Многие совместные проекты оказались заморожены. Однако уже в начале XXI века инвестиции возобновились, В. В. Путин и Д. А. Медведев активно выступали за организацию новых политических контактов [7]. Ухудшение отношений со странами Запада к 2014 году дало сильный толчок в развитии отношений между Россией и Африкой, которые ещё больше укрепились после успешных саммитов 2019 и 2023 годов. Ни одно из государств материка не присоединилось к санкциям, а товарооборот с РФ достиг рекордного значения в 24,5 миллиарда долларов [7]. На данный момент около 46 стран Африки являются активными партнёрами России, а в ближайшем будущем количество совместных проектов и взаимопомощи только возрастёт. В 2026 году планируется провести ещё один саммит. Сотрудничество с Африкой обеспечивает не только экономическое преимущество, но и повышает уровень международной безопасности и позволяет государствам отстаивать свою точку зрения на геополитической арене.

Литература:

1. Дробышевский, С. В. Достающее звено. Книга 1. Обезьяны и все-все-все / С. В. Дробышевский. — 1-е изд. — М.: Corpus, 2021. — 668 с.
2. Лихачёв, Д. С. Повесть временных лет / Д. С. Лихачёв. — М.: Азбука, 2026. — 384 с.
3. Марков, А. А. Основные этапы становления и развития отношений между Россией и Африкой / А. А. Марков. — Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-stanovleniya-i-razvitiya-otnosheniy-mezhdu-rossiey-i-afrikoy/viewer> (дата обращения: 24.05.2026).
4. Лужнов, П. Россия и Африка: спираль отношений / П. Лужнов. — Текст: электронный // История.РФ: [сайт]. — URL: <https://history.ru/read/articles/rossiya-i-afrika-spiral-otnosheniy?ysclid=mmauwkn6sp150302150> (дата обращения: 25.05.2026).

5. Мультатули, П. Как Россия спасла Эфиопию от колонизаторов / П. Мультатули. — Текст: электронный // Царьград: [сайт]. — URL: https://spb.tsargrad.tv/articles/kak-rossija-spasla-jefiopiju-ot-kolonizatorov_110697?ysclid=mm7zki64xp869583543 (дата обращения: 05.05.2026).
6. История отношений СССР и России со странами Африки. — Текст: электронный // Тасс: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/info/16859209> (дата обращения: 26.05.2026).
7. Свиридов, В. История отношений СССР и России со странами Африки / В. Свиридов. — Текст: электронный // Профиль: [сайт]. — URL: <https://profile.ru/abroad/kak-skladyvalis-otnosheniya-s-gosudarstvami-chernogo-kontinenta-u-rossijskoj-imperii-sssr-i-rossijskoj-federacii-1659607/?ysclid=mmav2knqso668815443> (дата обращения: 27.05.2026).

ПОЛИТОЛОГИЯ

Сравнительный анализ подходов к изучению мировой, национальной и региональной политики: единство метода и специфика предмета

Ефимова Анна Сергеевна, студент
Тверской государственный университет

В статье рассматриваются методологические различия и точки соприкосновения в исследовании мировой, национальной и региональной политики. На основе анализа российских научных работ выделяются ключевые подходы: системный, институциональный, неоинституциональный и сравнительный. Обосновывается тезис о том, что различие между уровнями политики требует вариации методов, но не отменяет общего логического каркаса политической науки.

Ключевые слова: мировая политика, национальная политика, региональная политика, методология политологии, сравнительный подход, институциональный анализ.

Современная политическая наука сталкивается с методологическим вызовом: нарастающая сложность политических процессов требует различения уровней анализа. Традиционно выделяют три масштаба: мировую, национальную и региональную политику. Однако исследователи могут применять методы, эффективные на одном уровне, но искажающие данные на другом. Цель данной статьи — выявить сходства и различия в подходах к изучению этих трёх сфер, опираясь на работы российских авторов.

Под методом понимается совокупность логических операций и процедур, позволяющих раскрывать содержание предмета. В политической науке традиционно применяются методы теоретического и эмпирического уровней. Однако, как справедливо отмечает А. Ю. Мельвиль, «уровень анализа выступает не просто технической деталью, а смыслообразующим фактором исследования» [3, с. 47].

Несмотря на различия предметных областей, фундаментальные подходы обладают универсальностью. Рассмотрим три основных.

Институциональный метод акцентирует внимание на анализе сущности и взаимодействия политических институтов: права, государства, партий, международных организаций. На уровне мировой политики такими институтами выступают ООН, ВТО, МВФ. На национальном уровне это президент, парламент, правительство. На региональном — законодательные собрания субъектов федерации или наднациональные органы (например, ЕАЭС). Институциональный подход задаёт общую логику: любой институт рассматривается как структура, обеспечива-

ющая удовлетворение определённых потребностей. Однако содержание потребностей различается: если государство на национальном уровне удовлетворяет потребность в безопасности и порядке, то на мировом уровне ООН пытается удовлетворять потребность в предотвращении глобальных конфликтов.

Сравнительный метод играет значимую роль на всех трёх уровнях. Как подчёркивает О. В. Гаман-Голутвина, «сравнение остаётся «скрытым двигателем» любой политологической работы, даже если оно не заявлено эксплицитно» [2, с. 112]. Сущность его заключается в сопоставлении политических явлений, процессов, институтов, развивающихся в различных исторических и культурных средах. Главным условием является наличие общего признака для сравнения. В исследовании национальной политики сравнивают избирательные системы разных стран; в региональной политике уровни автономии территорий; в мировой модели глобального управления.

Системный подход предполагает рассмотрение политики как открытой системы, взаимодействующей со средой через «входы» (требования и поддержку) и «выходы» (решения). Этот подход применим и к мировой политике, и к национальной, и к региональной. Общим остаётся принцип гомеостаза — стремления системы к самосохранению через адаптацию к изменениям.

Следовательно, первое сходство — наличие общего методологического ядра: институциональный, сравнительный и системный подходы работают на всех уровнях, хотя с разной степенью детализации.

Различия обусловлены спецификой каждого уровня. Зафиксируем их в табличной форме (см. таблицу 1).

Таблица 1. Специфика подходов в зависимости от уровня политики

Критерий	Мировая политика	Национальная политика	Региональная политика
Доминирующие акторы	Государства, международные организации, ТНК	Государство, партии, группы интересов	Региональные элиты, муниципалитеты, наднациональные структуры
Ведущий метод	Геополитический анализ, сетевое моделирование	Институциональный и неинституциональный	Сравнительный регионализм, кейс-стади
Роль неформальных практик	Высокая (двусторонние договорённости)	Средняя (зависит от политического режима)	Очень высокая (клиентелизм, лоббизм)
Масштаб обобщений	Макроуровень (глобальные тренды)	Мезоуровень (национальные модели)	Микро- и мезоуровень

Источник: составлено автором

При анализе глобальных политических процессов, традиционный институциональный подход зачастую не может в полной мере объяснить динамику, поскольку формальные международные организации, несмотря на свою способность влиять через убеждение и нормы, лишены реальных механизмов принуждения. Поэтому российские исследователи, такие как М. А. Неймарк, активно используют геополитический метод, акцентирующий контроль над пространством, ресурсами и коммуникациями [5]. Кроме того, широко применяется сетевой подход: мировая политика рассматривается как сеть взаимосвязей между негосударственными акторами, транснациональными корпорациями, диаспорами, террористическими сетями.

Бихевиорализм, столь популярный на национальном уровне в середине XX века, на глобальном уровне применяется ограниченно из-за сложности сбора сопоставимых данных о поведении глав государств в кризисных ситуациях. Как отмечает А. Д. Богатуров, «поведение актора на мировой арене менее предсказуемо и хуже поддаётся квантификации, чем поведение избирателя на национальных выборах» [1, с. 28].

Большинство политологических методологий наиболее эффективно применяются и развиваются в рамках изучения национальной политики. Здесь наиболее эффективен неинституциональный подход, который, в отличие от старого институционализма, включает в анализ не только формальные структуры, но и неформальные правила — традиции, нормы, когнитивные схемы.

Сравнительный метод на национальном уровне позволяет строить типологии политических режимов. Кроме того, широко используются количественные методы, такие как опросы, электоральная статистика, контент-анализ программ партий. Именно на этом уровне бихевиорализм сохраняет своё значение: изучается электоральное поведение, политическое участие, протестная активность. Сущность бихевиоралистского метода заключается в изучении политики через наблюдаемое поведение акторов, которое здесь реализуется наиболее полно.

Исторически сложилось так, что региональная политика находилась на периферии национальных приоритетов, не будучи в фокусе внимания. Но с 2010-х годов

сформировалась в самостоятельную субдисциплину. Её методологическая особенность — опора на изучение кейсов регионов с высокой детализацией, и сравнительный регионализм.

Российский исследователь Н. Ю. Лапина подчёркивает, что на региональном уровне особенно важны антропологические методы: глубинные интервью с региональными элитами, анализ локальных идентичностей, картографирование повседневных политических практик [3]. Глобальная политика оперирует крупными концепциями, но для понимания региональных процессов необходим глубокий, детальный анализ.

Институциональный подход здесь модифицируется: акцент смещается с формальных органов власти (губернатор, законодательное собрание) на неформальные механизмы согласования интересов. В результате, наблюдается тенденция к смещению методологии в область политической антропологии.

Однако было бы ошибкой абсолютизировать различия. В последние годы наблюдается конвергенция методов на разных уровнях.

Во-первых, Все более широкое распространение получает сетевой подход, который демонстрирует свою универсальность, находя применение для анализа процессов на всех уровнях.

Во-вторых, все три уровня сегодня испытывают влияние цифровизации. Цифровые методы, например: анализ больших данных, автоматизированный сбор постов из социальных сетей — используются и для изучения мировой политики, и национальных выборов, и региональных конфликтов.

В-третьих, возвращается интерес к историческому институционализму. На всех уровнях актуально глубокое понимание механизма формирования зависимости: почему решения, принятые десятилетия назад, до сих пор определяют конфигурацию власти, будь то в ООН, в российской федеративной системе или в Европейском союзе.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Сходство подходов к изучению мировой, национальной и региональной политики заключается в том,

что все три уровня исследования опираются на институциональный, системный и сравнительный методы. Эти методы образуют общую методологическую основу политической науки. Их применение необходимо для научного анализа политической реальности независимо от её масштаба.

2. Различия подходов определяются тремя факторами: составом ключевых акторов, степенью формализации правил и допустимым уровнем обобщений. Для анализа мировой политики преимущественно используются геополитический и сетевой методы. Для национальной политики неинституциональный и бихевиоралистский методы. Для региональной политики метод кейс-стади и антропологические методы.

3. В современной политической науке наблюдается не жёсткое разделение методов по уровням анализа, а их гибридизация. Цифровые методы и исторический институционализм применяются на всех трёх уровнях. Транснационализация политических процессов также снижает степень различий между уровнями. Это требует от исследователя умения комбинировать разные методы в рамках одного исследования.

Следовательно, дилемма «различие или сходство» снимается в диалектической формуле: методологическое единство при предметной специфике. Для молодых исследователей это означает необходимость владеть всем спектром методов, но при этом осознанно выбирать тот, который соответствует именно их уровню анализа.

Литература:

1. Богатуров, А. Д. Анализ и теория в международных отношениях / А. Д. Богатуров. — Текст: непосредственный // Сравнительная политика. — 2021. — № 1. — С. 5–13.
2. Гаман-Голутвина, О. В. Современная сравнительная политология перед вызовами развития / О. В. Гаман-Голутвина. — Текст: непосредственный // Перспективы. — 2020. — № 21. — С. 6–29.
3. Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть: Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; [Отв. ред. — Н. Ю. Лапина]. — Москва: ИНИОН РАН, 2003 (Тип. ИНИОН РАН). — 171 с.
4. Мельвиль А. Ю. Новые вызовы для политической науки // Полит. наука. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-vyzovy-dlya-politicheskoy-nauki> (дата обращения: 20.05.2026).
5. Неймарк М. А./Геополитика «мягкой силы»: опыт России; Дип. академия МИД России. — Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2021

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 22 (625) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 10.06.2026. Дата выхода в свет: 17.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.